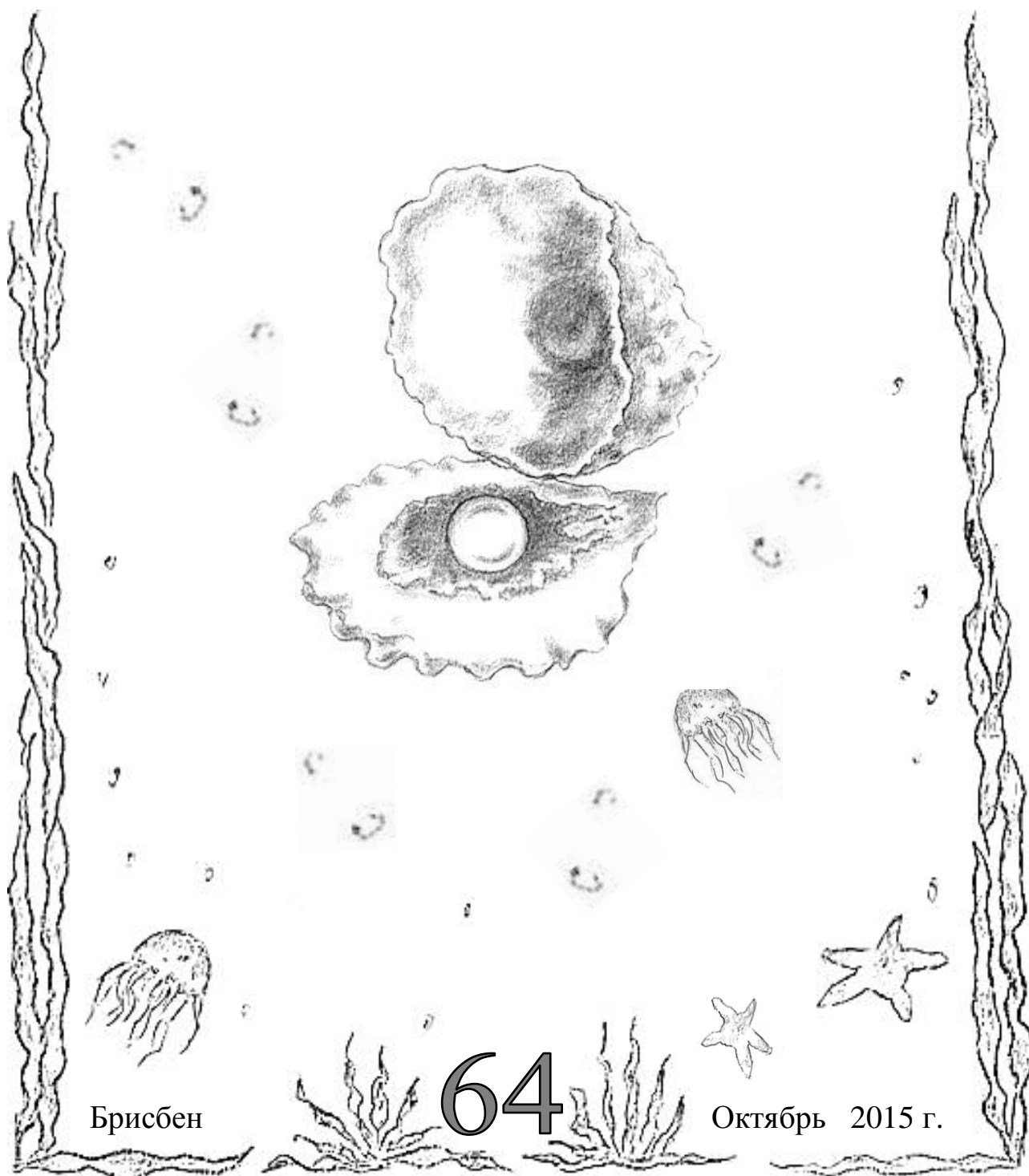

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 64 Brisbane, Australia, October 2015

Брисбен

64

Октябрь 2015 г.

“The Pearl” / “Zemchuzhina”

Literary and Educational Journal in the Russian Language.

Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

Brisbane, Australia.

«Жемчужина»

Литературно-художественный образовательный журнал.

Выпуск - 4 раза в год.

Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

National Library of Australia cataloguing-in-publication data

“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language

Index

ISSN 1443-0266

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически.

Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Адрес для связи:

tamaleevpearl@optusnet.com.au или tamaleevpearl@gmail.com

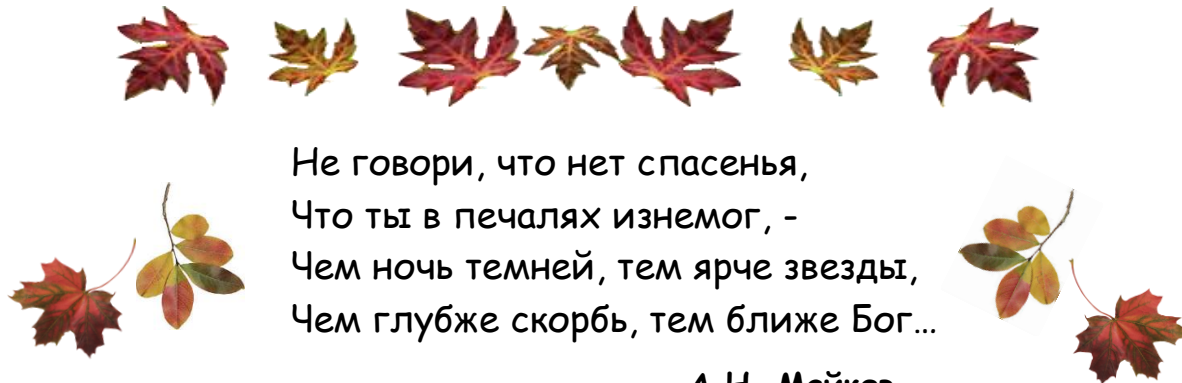
*Просьба: посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

Tel: редакция - (07) 3161-49-27 mobile: 0404559294

Сайт журнала в Интернете - <http://zemchuzhina.yolasite.com>

Цена отдельного номера - \$ 6 плюс \$ 2.10 пересылка по Австралии и упаковка.

Стоимость годовой подписки (4 журнала), включая пересылку по Австралии - \$ 33

Не говори, что нет спасенья,
 Что ты в печалях изнемог, -
 Чем ночь темней, тем ярче звезды,
 Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...

А Н. Майков.

Отче Наш

Я слышал - в келии простой
 Старик молитвою чудесной
 Молился тихо предо мной:
 «Отец людей, Отец Небесный!
 Да имя вечное Твое
 Святится нашими сердцами,
 Да придет Царствие Твое,
 Твоя да будет Воля с нами,
 Как в небесах, так на земли.
 Насущный хлеб нам ниспошли
 Своею щедрою рукою;
 И как прощаем мы людей,
 Так нас, ничтожных пред Тобою,
 Прости, Отец, Своих детей;
 Не ввергни нас во искушенья,
 И от лукавого прельщенья
 Избави нас и пожалей».
 Перед Крестом
 Так он молился. Свет лампы
 Мерцал впотьмах издалика,
 И сердце чуяло отраду
 От той молитвы старика.

*Стихотворение, приписываемое
 А.С. Пушкину.*

Рассвет приходит к тем, кто видел тьму
 Во всем ее убийственном величии...
 Кто плакал от людского безразличья
 Но безразличным не был ни к кому!
 Рассвет приходит к тем, кто был в пути,
 Не зная ни усталости, ни лени.
 Кто, обессилев, падал на колени,
 Но поднимался, продолжал идти!
 И, зажимая волю в кулаки,
 Вдруг находил ромашковое поле
 И, задыхаясь от щемящей боли,
 Свои ладони прятал в лепестки!
 К тем, кто, похоронив свои мечты
 И помянув их, устремлялся дальше.
 Кто мог, среди предательства и фальши
 Не растерять душевной чистоты...
 Нечаянно в небесной синеве
 Вдруг распахнутся солнечные двери...
 Рассвет приходит к тем, кто верил в свет.
 Абсурдно, до последнего. Но верил!

И.М. Андреев.

(И.М. Андреевский 1894-1976)

По зову душ

Осенний лес у мест захоронений
 Листву роняет нежно на траву...
 К холму идём, в тиши, без принуждений,
 Чтобы печально преклонить главу.

Легли цветы рядком под крест высокий
 По совести и зову наших душ.
 - Прости, Господь, за этот мир жестокий
 И тягу к злодеяниям разрушь.

Воистину, от зла до покаянья
 Дороженька земная нелегка,
 Сжимаются века, пора свиданья
 С покоем горним видима... близка...

Александр Лазутин.

Сайт «Свете Тихий»

Я научилась просто, мудро жить,
 Смотреть на небо и молиться Богу,
 И долго перед вечером бродить,
 Чтоб утомить ненужную тревогу.
 Когда шуршат в овраге лопухи
 И никнет гроздь рябины желто-красной,
 Слагаю я веселые стихи
 О жизни тленной, тленной и прекрасной.
 Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
 Пушистый кот, мурлыкает умильней,
 И яркий загорается огонь
 На башенке озерной лесопильни.
 Лишь изредка прорезывает тишь
 Крик аиста, слетевшего на крышу.
 И если в дверь мою ты постучишь,
 Мне кажется, я даже не услышу.

Анна Ахматова

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.
Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.
Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мресть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.
Дар поэта - ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.
Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились -
Значит, ангелы жили в ней.
Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной,-
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

1923

С.А. Есенин.

Окончен путь...

Закончен путь. Душа ушла в обитель
Другую жить. Земной погашен свет.
Зажгите свечи. Молча помолитесь
За тех, кого средь нас уж больше нет.

За тех, кого давно не поминают,
Оставили родные и друзья,
Кого по имени не называют,
Но приняла в объятия земля.

Закончен путь. Душа ушла в обитель
Другую жить. Земной погашен свет.
Зажгите свечи. Молча помолитесь
За тех, кого средь нас уж больше нет.

За убиенных всех на поле брани,
За веру и Отечество, народ,
За тех, кого никто уж не помянет
И слез по ним никто уж не прольет.

Закончен путь. Душа ушла в обитель
Другую жить. Земной погашен свет.
Зажгите свечи. Молча помолитесь
За тех, кого средь нас уж больше нет:

Возлюбленных Христовых архипастырей
И пастырей, монахов и мирян.
Просите Господа в Небесном Царствии
Почивших упокоить христиан.

Протоиерей Василий Мазур
Сайт «Свете Тихий»

Лири

В тихом звоне
Меркнет над землёй
Синь небесных
Ласковых очей.
Снова осень
В ризе золотой
Зажигает
Тысячи свечей.

Я войду послушницею
В храм,
Лиры тайн волшебных
Причащусь,
И навеки
Песне передам
Покаянья
Искренность и грусть.

Е. Гуцева. Россия.

Основы христианской культуры

14. О ПРЕДМЕТЕ ЛЮБВИ

Ставить и исследовать вопрос о сопротивлении злу имеет смысл только от лица живого добра. Ибо найти зло как таковое, постигнуть его качество и его природу и противостать ему, приемля борьбу с ним, но не приемля его самого, - есть именно задача добра, открытая только ему и в решении своем только ему и доступная. Борьба со злом, ведомая злым существом из воли ко злу и ради осуществления зла, - есть не сопротивление злу, а служение ему и насаждение его. При этом и не исключен, конечно, и такой исход, что столкновение двух злых начал обессилит одно из них или даже оба: по выражению Достоевского, «один гад съест другую гадину» и в поглощении ее найдет свой собствен-

ный конец. Однако понятно, что ни одно из этих злых начал не сопротивляется злу как таковому, но каждое творит свое собственное зло, и только столкновение их злых намерений и злых энергий обессиливает и губит столкнувшихся противников. Понятно также, что такой исход, разрезающий атмосферу зла в мире, нисколько не разрешает проблему верного сопротивления злу, а только снимает с очереди единичные ситуации и конфликты, острота которых состоит именно в том, что добро бывает вынуждено бороться со злом на оба фронта, отнюдь не смешивая своих предметных интересов с интересами обоих злых противников.

То, что сопротивляется самому злу как таковому, есть само живое добро. Это означает, что само сопротивление злу проистекает из одухотворенной любви, ею осуществляется, ей служит, к ней ведет, ее насаждает, растит и укрепляет. И при всем том это сопротивление не останавливается ни перед психическим понуждением, ни перед физическим понуждением и пресечением. Как же это возможно?

Это возможно благодаря тому, что начало духа указывает любви ее верный предмет, ограничивает ее и видоизменяет ее обличие и ее проявление. И прежде всего - оно указывает ей ее предмет, сообщая ей этим верность и крепость.

Любовь, взятая сама по себе, независимо от духа, его предмета, его цели и его заданий, - есть начало слепой страсти. Она сочетает в себе силу влечения с духовной беспомощностью, закономерность инстинкта с духовной случайностью, биологическую здоровую безошибочность с духовной неразборчивостью и удобопревертностью. Любовь сама по себе есть жажда и голод, но жажда и голод не предусматривают сами по себе ни качества питья, ни достоинства пищи. Любовь есть некая открытость души, но в открытую душу может невозбранно вступить и то, что недостойно любви. Любовь есть влечение и сила, но как часто влечение совлекает, а сила растрачивается впустую или внутренне разлагается в погоне за ложною целью... Любовь есть приятие, но далеко не все приятное духовно приемлемо. Любовь есть сочувствие, но все ли заслуживают его? Любовь есть как бы некое умиленное пение из глубины, но глубина неодухотворенного инстинкта может умилиться на соблазн и петь от наслаждения грехом. Любовь есть способность к единению и отождествлению с любимым, но единение на низменном уровне истощает и постепенно угашает самую эту способность, а отождествление со злом может поглотить и извратить благодатность любви. Любовь есть творчество, но разве безразлично, что именно творит творящий?

Любовь без духа не видит, и потому она беспредметна; она не совершает полет, а пробирается ощупью, блуждая и падая. Она не чувствует своей правоты и потому ослабляет себя - то смутным, то явным чувством собственного достоинства. Она не служит, а наслаждается, не строит, а истощается. Ее жизнь есть не оживление, а умирание; она не разгорается, а гаснет и чахнет. Вот почему любовь без духа слепа, пристрастна, своекорыстна, подвержена опошлению и уродству. Она не есть еще добро, но лишь возможность добра; это не реальная ценность, а нереализующаяся сила, не достижение, а задаток.

Только дух, духовная сила в человеке, как бы ее ни называть - «духовный вкус», «чутье к совершенству», «видение божественного» «боголюбивый ум», «очевидность», - только эта сила открывает человеку настоящий, подлинный, достойный Предмет для его любви, тот Предмет,

который сам по себе выше мира, но который таится и в природе, и в вещах, и в людях, и в человеческих отношениях и созданиях, которым стоит жить, который стоит любить и за который поэтому стоит и умереть. Душа, жаждущая этого Предмета, не обречена на голод; для этого Предмета душе стоит быть открытою; влечение к нему не совлечет ее и не растратит ее силы; единение с ним даст ей правоту, цельность и неутомимую энергию в творчестве и строительстве; отождествление с ним сообщит ее личности форму, полет и огонь. Настоящее достижение человека начинается тогда, когда страсть его прилепляется к божественному Предмету или, иначе, когда луч Совершенного пронизывает душу человека до самого дна его страстного чувствилища. Тогда человеческая страсть начинает из глубины сиять пронизавшими ее божественными лучами, и сам человек становится частицей божественного огня. Но лишь постольку человек и может верно постигнуть и осуществить две основные заповеди Христа о любви в их взаимной связи и последовательности.

Из этих двух заповедей первая направляет «все сердце», и «всю душу», и «все разумение», и «всю крепость» человеческого существа и его любви - к Богу; вторая учит «любить ближнего как самого себя» (Мф 22:37-40; Мк 12:29-31; Лк 10:26-28). Тот, кто исполняет первую заповедь и обращается к Богу всеми чувствами, всем воображением, всею мыслью и всею волею, и притом так, что все эти силы личной души становятся несомыми, насыщенными любовью, - тот обновляется в этом духовном единении всем своим существом и всем видением, и созидает в себе сына Божия, и затем, обращаясь к миру и людям, он неизбежно видит их по-новому и вступает с ними в новые отношения. Это новое видение и новое отношение определяется тем, что он, научившись при осуществлении первой заповеди верно чувствовать, и воображать, и мыслить, и желать Божественное, - вслед за тем впервые находит и в мире, и в людях тот духовный, тот божественный состав, который в Боге и через Бога указывает ему его «ближнего» и пробуждает в душе подлинную духовную любовь к нему. Исполнение первой заповеди открывает человеку Бога и тем вообще отверзает ему его духовное око. Но именно поэтому исполнение второй заповеди невозможно вне первой и помимо первой. То, что следует любить в ближнем как «самого себя», есть не просто земной, животный состав человеческий, со всем его животным самочувствием, со всеми его земными потребностями и удовольствиями, со всем его претендующим самодовольством, но это есть луч Божий в чужой душе, частица божественного огня, духовная личность, сын Божий. Подлинное братство людей открывается только через Бога; люди суть братья лишь постольку, поскольку они дети Божии. И то, что невозможно для человека в силу его животного, неодухотворенного инстинкта (любить другого как «самого себя»), - то не только возможно, но необходимо и неизбежно для него как для духовного существа, обновившего свое видение и свое земное восприятие в цельной любви к Богу. Ибо научившийся видеть и цельно любить Божественное необходимо будет любить это Божественное всюду, где увидит и найдет Его. Мало того, он всегда будет искать в других именно Его, чувствуя себя связанным прежде всего с Ним, а уже через Него и в Нем - со всеми людьми. Любить ближнего как самого себя может только тот, кто нашел и утвердил в себе сына Божия, ибо только он знает, что такое Божественное и что значит быть в единении с Ним, т.е. что значит быть сыном Божиим; только благодаря этому он может усмотреть сына Божия и в своем ближнем, но, усмотрев его в нем, он уже не сможет не любить его, но будет любить его Божественное, его личный храм, и алтарь, и огонь так же, как он любит свой дух, и свой огонь, и алтарь, и храм.

Все это можно выразить так, что подлинное отношение к Богу предшествует установлению верной любви к ближнему, ибо любить ближнего значит любить в нем начало Божественное, начало живого добра. Любовь к Богу открывает человеку новое измерение вещей и людей. Согласно этому измерению, человек есть нечто большее, чем это единичное, одушевленное животное, чем этот единичный субъект, в нем есть нечто большее, чем «он сам» во всей его «субъективности»: и это-то большее, сверхсубъективное, несмотря на свою «субъективность», - есть как раз его дух, его главное, настоящий «Он Сам». Настоящая любовь есть связь духа с духом, а потом уже и в эту меру - все остальное: связь души с душою и тела с телом, но именно постольку это уже не просто связь душ и тел, а духовная связь одухотворенных душ и духом освященных тел. Настоящая любовь связывает любящего не со всем существующим и живущим без различия: но только с Божественным во всем, что есть и живет; именно с искрою, с лучом, с прообразом и ликом. Это есть не слепая страсть, а зрячая, и движения ее не случайны, не неразборчивы и не беспомощны. Она вступает в единение и отождествление только с живым добром, но это единение есть безусловное - на жизнь и на смерть. Она не объединяется с началом зла, но отходит от него и противопоставляет себя ему, и это противопоставление есть тоже

безусловное - на жизнь и на смерть. Начало духа есть начало предметного выбора и религиозной преданности. И эту силу религиозной преданности, избравшей Божественное и прилепившейся к Нему, одухотворенная любовь вносит во всякое свое отношение: и к Богу, и к Церкви, и к родине, и к царю, и к своему народу, и к его вещественным и личным алтарям, и к своей семье, и к своему ближнему.

Такая любовь перестраивает в душе все мировосприятие и все отношение к ценностям мира. Все грани проходят для нее по-новому и иначе, и все определяется Божественностью и Ее освящающим присутствием. Так, обычное, религиозно-слепое воззрение полагает, что полезное выше священного, что человек выше вещи и что «много людей» выше одного человека; оно «убеждено», что все люди «равны», что всякий человек имеет право на жизнь и что последнее слово всегда принадлежит «гуманности»; оно считает, что самое ужасное это голод и страдание и что жить на земле тем лучше, чем больше довольных и счастливых людей; оно не сомневается в том, что здоровье лучше болезни, что власть лучше подчинения, что богатство лучше бедности и что жизнь всегда лучше смерти.

Совсем иначе видит и расценивает все это духовная любовь. Для нее священное всегда выше полезного: земной вред ей не безусловно страшен и слишком человеческая польза не привлекательна. Он знает «вещи», которые выше человека, и в один великий момент человеческой истории вервие этой любви изгнало торгующую пошлость из вещественного храма. В ее глазах множество людей как таковое не может ни составить, ни заменить истинного качества одного человека, так что «один человек стоит десяти тысяч, если он самый лучший». Духовная любовь знает, что люди не равны и что они «разнствуют» друг от друга, как «звезда от звезды» (1 Кор 12:5-12, 15:39-41). Она знает также, что всякий человек должен заслужить и оправдать свое право на жизнь, что есть люди, которым лучше не родиться, и есть другие, которым лучше быть убитыми, чем злодействовать (Мф 18:6; Мк 10:42; Лк 17:1-2). Духовная любовь, владея источником истинного, боголюбивого человеколюбия, ведает цену и соблазны сентиментальной гуманности и не обольщается ею. Она понимает религиозный смысл страдания и духовно-очистительную силу неядения и всегда предвидит нечто гораздо более ужасное, чем страдание и голод. Она не измеряет усовершенствование человеческой жизни - довольством отдельных людей или счастьем человеческой массы; ей ведомы все духовные опасности, связанные с наличием земного наслаждения, и все духовное значение его утраты. Ее видение давно открыло ей, почему болезнь может быть лучше здоровья, подчинение - лучше власти, бедность - лучше богатства. И именно сила этого видения укрепила ее в убеждении, что доблестная смерть всегда лучше позорной жизни и что каждый человек определяет себя перед лицом Божиим именно тем моментом, который заставляет его предпочесть смерть.

Таким образом, начало духа, указывая любви ее верный предмет, меняет в корне ее основное направление и все наполняющее ее содержание. За прежними именами и обликами разумеются уже новые, иные предметы и состояния, и эти новые предметы требуют от души нового отношения к себе, требуют - и получают его. И в результате этого неизбежно перерождается самый акт любви в его основном душевно-духовном строении: он приобретает новые пределы, новые формы и проявления.

И. ИЛЬИН.

А на небе...

А на небе звездочки зажглись,
Добрую погоду предвещая.
Ты трудись, душа моя, трудись,
Благодарность небу посылая.

Сколько жалоб каждый день звучит,
Недовольства ропот неустанный.
Только в небе звездочка блестит,
Красоту даря нам постоянно.

Труд большой на небо посмотреть?
Вспомнить, что не хлебом сыт единым,
Тягу к суете преодолеть,
Осознав, что жизни путь недлинный.

Да, земных забот не перечесать,
Сколько мелочей нас" поглощает",
Трудимся, что некогда присесть.
А на небе нам звезда сияет.

Сайт «Свете тихий»

О духовном думать всякий раз?
Некогда, опять махнешь рукою.
Чтобы свет звезды твоей не гас,
Все-таки трудись душой живою.

Ирина Журавлева 9.08.15.

Святая сила слова. Не предать родной язык...

Часть 1. Слово жизни

Нельзя говорить с Богом на «ежедневном» языке

«Русь державная» и «Русь святая»

– Василий Давыдович, Ваша книга «Тайна русского слова» разошлась огромным тиражом. Мне рассказывали, что её покупают не только в домашние библиотеки, но и в подарок друзьям, коллегам, её приобретают для своих сотрудников кафедры вузов Москвы и Санкт-Петербурга. Книга о красоте и величии русского языка, беспощадно уничтожаемого нашей современностью, стала невероятно популярной. Как Вы думаете, почему?

– Человек всегда понимает, что он делает. Лгать самому себе - глупо. Когда я работал над этой книгой, то понимал, что в ней есть что-то интересное, важное для моих современников, я писал её сердцем. Сейчас приходят письма из США, Канады, Испании, Англии, Австралии. В этих странах очень много русских, и многие из них озабочены тем, как сохранить культуру далёкого Отечества для своих детей, внуков, правнуков. А сохранить её можно, конечно же, только через русский язык. Поэтому я сейчас веду обширную переписку со многими нашими соотечественниками, живущими за рубежом. Им понравилась моя книга, они благодарят за неё, делятся своими размышлениями, просят дать совет.

– Василий Давыдович, на Ваш взгляд, кому труднее противостоять загрязнению и уничтожению русского языка - нам, живущим в потоке жёлтой прессы и постыдной рекламы больших городов России, или же русским в Лондоне, Париже, Риме?

– Я думаю, трудно везде, где нет Православия. Смотришь по телевизору сюжет о русских в Бразилии и видишь: те, кто живут там, прилепившись к Православной Церкви, - абсолютно русские. Ведь они сохранили главное - веру и язык. Россия всегда там, где Православие и русский язык. Территориально существовали Киевская Русь, потом великая Российская империя, СССР. Сегодня Россия ужалась. Мы не всегда вслушиваемся в слова, которые говорим. Есть «Русь державная», а есть «Русь святая» Это не одно и то же. Русь святая - понятие первенствующее, это духовная мощь. Русь державная может рухнуть в одно мгновение, как случилось в 1991 году, когда разрушили великую Российскую империю, которая не очень-то благозвучно называлась СССР. Мы привыкли к этому названию нашего Отечества, но аббревиатура не может звучать красиво.

Своеобразная машина времени

– Сейчас часто ставят вопрос о переводе богослужения на русский язык. Как Вы к этому относитесь?

– Я хотел бы, чтобы на эту проблему посмотрели не с «кочки», а с точки зрения, то есть немножко приподнялись над обыденностью, увидели всё по-иному. Вообще, угроза обмирщения Церкви реальна, но я не могу этого принять, не хочу. Упаси, Господи, если этот перевод произойдёт. Я этого боюсь, и вот почему. Меня часто спрашивают: «Вы, коренной азербайджанец, вдруг приняли Православие, пишете книги о русском языке; почему?» Да, я из патриархальной азербайджанской семьи; более того, мой род по отцу восходит к имаму Али - двоюродному брату и зятю пророка мусульман. На Востоке очень трепетно относятся к своему генеалогическому дереву. Баку - город, где я родился и вырос, - славился многонациональным составом своих жителей. Вспоминаю, как совсем ещё мальчиком я любил заходить в христианские храмы. Покупал свечи, ставил их в песочек перед иконами. Как хорошо, что меня никто ни разу оттуда не «попросил». Сегодня, когда с тех пор прошло около пятидесяти лет, я часто думаю: почему меня так тянуло туда? Думаю и понимаю: тогда я не знал ещё этих слов - «неотмирность» и «надмирность», но сердцем, а оно гораздо мудрее нас, я их чувствовал. Там, в христианском храме, меня, ребёнка, встречала другая тишина, другая живопись, там пели по-другому, читали по-другому. Для меня с детства церковь - это своеобразная машина времени. Ты идёшь в огромном современном городе по шумной улице и заходишь в храм - всё, ты мгновенно попадаешь во времена преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Это их время, их язык. Какое чудо!

Кстати, Вы обратили внимание, что в богослужебном языке Русской Православной Церкви нет слова «счастье» - ни в молитвах, ни в тексте Литургии и других церковных служб? Зато есть «радость», её много. Во всей Библии слово «счастье» встречается всего 12 раз, а слово «радость» около 800 раз. Вы знаете, что в русских богослужебных текстах нет слова «счастье»: ни в одной молитве, ни в тексте евхаристии, ни в акафистах? Часто встречается «радость», а «счастья» нет. А в миру все друг другу желают счастья...

– А почему все друг другу желают именно счастья, хотят быть счастливыми, а не радостными?
– Потому что часто не понимают, что такое счастье. Я прежде тоже недоумевал: как, Церковь против счастья? Но у меня были давние догадки, мы ещё об этом много говорили с отцом. Ещё в детстве я слышал, что счастье - это «сейчас есть». Почему о нём в храме и не говорят, ведь счастье - это понятие земное, пожелание лишь земного благополучия, в нём есть элемент везения, а радость - понятие небесное. И храм - это дом вечности, в котором неуместно говорить о земном.

Если мы переведём церковную службу на земной, повседневный русский язык, то только оттолкнём от Церкви людей. Если для меня, азербайджанца, церковнославянский язык не стал препятствием, если он привлёк меня, то почему он оттолкнёт русского человека? Нельзя говорить с Богом на «ежедневном» языке, как писал А.К. Толстой. Раньше нас по этому пути пошли католики. Зачем нам наступать на те же «грабли»? Там людей в храмы уже «привлекают» артисты цирка...

26-летний Пушкин написал стихотворение «Пророк». Посмотрите, оно просто изобилует церковнославянской лексикой! А ведь он тогда ещё не был в такой степени воцерковлён. А почему же написал? Потому, что Пушкин - гений. Он нам подаёт подсказку, золотой ключик: с Богом нужно разговаривать только на этом языке. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий создали этот язык. Знаете, чем он отличается от других? У этого языка нет языческих корней. Его создали святые. Он родился в чистой христианской купели. И если говорить о каких-то переменах, хотя бы о параллельном переводе на русский с миссионерскими целями, то к этому с постом и молитвой, наверное, могут приступать люди, равновеликие Кириллу и Мефодию. Такого же масштаба. А по-другому нельзя. Но вообще-то это дело Церкви, а не мирян.

Говоря о получении через более понятный язык богослужения какой-то информации, мы должны помнить, что православный храм не является местом получения информации - он является местом получения неизреченной благодати Божьей. Поэтому и язык здесь не повседневный, а возвышенный, к которому я сам тоже не сразу привык. А секрет знаете в чём? Надо часто ходить на службу, из захожанина становиться прихожанином. Я низко кланяюсь тем батюшкам, которые своим прихожанам раздают тексты богослужений. И когда человек вместе со всеми молится, поёт - им совершенно по-другому воспринимается церковная служба.

От «захожанина» до «прихожанина»

Крестился я в сорок два года. Сразу после этого события поделился своими впечатлениями с игуменом в Троице-Сергиевой Лавре. Как-то рассказал ему о том, что когда прохожу сквозь арку Лавры, то сам воздух меняется. Вне стен монастыря он - один, внутри - иной. «Может быть, - спросил я, - это от моей эмоциональности?» Ведь «азербайджанец» в переводе означает «огненная душа». Экзальтации нет, а вот эмоциональность высокая. Игумен ответил: «Василий, это так. Действительно, в этих стенах дышится по-иному, ведь здесь нетленно почивают святые мощи Преподобного, всё вокруг намолено». Но кто-то это чувствует, а кто-то - нет.

– Василий Давыдович, есть такие понятия, как «захожанин» и «прихожанин». На Ваш взгляд, насколько духовно различны эти понятия?

– Я бы сказал, что на дистанции, которую нужно пройти воцерковляющемуся человеку, есть два отрезка. Первый - «захожанин», а последний, конечный, - «прихожанин». На первых службах, которые мне приходилось выстаивать до конца, я изнывал, у меня болели ноги, было скучно. Я не понимал, зачем одни и те же слова нужно повторять много раз. Сказали однажды: «Господи, помилуй» - и достаточно. Что меня останавливало тогда, чтобы не уйти? Бабули. Ведь они, на первый взгляд немощные, не садятся и выстаивают всю службу. Просто я не научился тогда ещё молиться. И как-то я услышал на проповеди слова, которые, как мне показалось, были адресованы именно мне: «Не стесняйтесь, найдите в храме то место, где вам будет лучше всего». И я нашёл это место у клироса, так как очень люблю петь. Не знал тогда, что петь в нашей Церкви - это значит молиться. У нас поющая Церковь.

Надеюсь, во второй моей книге будет глава под названием «Грамотные, но не образованные». Ведь грамотный и образованный человек - это совсем не одно и то же. В слове «образова-

ние» корень - «образ», икона. По сути, печально известное письмо десяти академиков Путину - это бесстыдный ультиматум тогдашнему главе государства. Авторы его предлагают не изучать в школах основы православной культуры. А ведь другой культуры у русского народа нет, а та, которая есть, - она вся православная. Академики уверяли нас в своей объективности, в своём беспристрастии. А на чём, по их мнению, оно основывается? На атеистических взглядах. Почему-то между понятиями «атеизм» и «объективность» ставится знак равенства. Каждый из десяти академиков грамотен в конкретной своей области, но ни о каком их подлинном образовании говорить не приходится.

Показатель качества души

Есть ещё одна тема, которая меня постоянно волнует, - это «русскость». Ведь наличие фамилии Иванов ещё не говорит, что ты русский. У Игоря Северянина есть стихотворение, очень короткое:

*Родиться русским Им надо быть,
Слишком мало, Им надо стать.*

У Достоевского есть мысль о том, что всем нам «нужно отбросить наши раздоры и поскорее становиться русскими и национальными». Оказывается, русским можно (и нужно!) становиться. Вы можете себе представить, что стоит, скажем, группа азербайджанцев и к ним подходит человек с призывом: «Давайте начнём становиться азербайджанцами!»? Действительно, нелепо звучит. Или латыш говорит, что нужно становиться латышами, а эскимос, что эскимосами. Но когда мы говорим, что нужно становиться русскими, сердце нам подсказывает, о чём идёт речь. Русский - это прежде всего показатель качества души. К примеру, Владимир Иванович Даль сохранил для нас наш язык, а ведь в его жилах не текло ни капли русской крови, а только датская, немецкая и французская. Но Даль, как мне кажется, - великий русский человек.

– Вы часто выступаете в школах перед родителями и детьми. О чём Вы им говорите?
– Нередко делюсь с ними тем, что сам «расслышал» сравнительно недавно. Скажем, привычное: «А я - учитель». Ведь произносящие эти слова дерзают называть себя так, как ученики называли Самого Христа (!). Мы отдаём себе отчёт в этом?! Нужно последовательно снимать со слов повседневный налёт и показывать их истинный драгоценный смысл. Когда мы осознаём вдруг, прозреваем, что это слово из Евангелия, что это одно из имён Самого Христа, то приходим и к тому, что нас поражает в Христе Учителе. Меня поражают в личности Спасителя прежде всего два момента: первый - это умение говорить о сложных вещах простыми доступными словами, и второй, главный, - Он ради учеников Своих, ради всех нас пошёл на Крест.

Не устану повторять: «В русском языке есть ответы на все вопросы, которые перед нами ставит русская жизнь». Всегда подчёркивая при этом слова «русская жизнь».

Беседовала О. ШАНГИНА.

Слово – вектор развития народа

Как служить языку

– Василий Давыдович, можно ли сказать, что сегодня русский язык такой же великий и могучий, каким он был раньше?

– Конечно, он всегда был и есть такой. С годами к человеку приходит понимание, что с языком на самом деле ничего не происходит. Все изменения происходят с нами, носителями языка. Язык - это такое сакральное зеркало, в котором в каждый момент истории отражаются вся нация и каждый из нас. Ещё язык - это имя Бога, как мы читаем в Евангелии: «В начале было Слово», то есть Христос. Я сам год от года милостью Божией меняюсь. И если раньше, заканчивая лекцию, обращался к своим слушателям независимо от того, какая это была аудитория - школьники, студенты, заключенные, больные, - с призывом защищать и беречь язык, спасать его, то с годами понимаешь, что это он, язык, нас спасает и сберегает. А ещё сохраняет нацию и веру. А мы должны служить языку.

– Каким образом?

– Не предавать его. Блюсти чистоту собственной души, а через это чистоту языка. Потому что на том суде, который ожидает всех - и верующих, и неверующих, речь будет идти о сохранности души. И оказывается, что её чистота неразрывно связана с чистотой языка. И когда в нас звучит чистый язык - это отражение нашей души. Словарный запас отдельно взятого человека тоже замечательный показатель личности человека. Словарный запас А.С. Пушкина составляет 313 тысяч слов, а М.Ю. Лермонтова - 326 тысяч слов!

Начальник тишины

– Но мы ведь не знаем, какой словарный запас был у святых, многие из которых были молчаливниками. Но они ведь тоже личности с большой буквы!

– И я задавал себе этот вопрос. Увы, мы часто воспринимаем язык как устную речь. Если святые не произносили слов, то это не значит, что у них внутри не звучала речь. А молитвы? Просто мы не слышим эту речь. Разве глухонемые люди не являются носителями языка?

В силу того что я принял веру в зрелом возрасте, я часто обращаю внимание на такие вещи, которые другим кажутся привычными. Можно слышать, а можно расслышать. В одной из молитв, обращённых к Богородице, есть такие слова: «Яко Начальника тишины родила еси». Когда я впервые расслышал это, то остановился как громом поражённый. В начале Евангелия от Иоанна Бог именуется «Словом», а тут - «Начальником тишины». Как это состыковывается? Так вот, святые приуготовляют себя к этой божественной тишине. Просто мы, убогие, часто воспринимаем тишину - даже есть выражение «зловещая тишина» - как смятение, если вдруг на какое-то время перестаёт звучать телевизор или радио. Точно так же, как моряки боятся на море штиля, потому что он бывает перед грозой. А природа такого восприятия в том, что у нас нет внутренней культуры постоянного рассмотрения сердца, нет внутреннего непрерывного диалога с Богом. Безмолвие - это божественная тишина. Феномен, когда человек постоянно с Богом. Но мы утрачиваем это состояние, отсюда и появляются такие речевые обороты, как «я не в духе». А почему ты не в духе? Да вот с утра по телефону поговорил, а чай остыл за это время, а потом пошёл в душ, да вода там не такая была... Бред! Для святых быть в духе - это нормальное состояние. А мы швыряемся такими словами и девальвируем высокие понятия.

Безбожных языков нет

– Как язык определяет менталитет отдельного человека и нации?

– Я подниму этот вопрос выше: язык не только определяет менталитет нации, в нём заложен код этой нации, её «путёвка». Простите за грубую, но доходчивую аналогию. Водителю выписывают путевой лист, но он может поехать халтурить «налево». В языке заложен вектор развития народа. Русский язык в этом плане совершенно удивителен. Безбожных языков нет, но в мире полно безбожных людей, которые могут быть даже лауреатами Нобелевской премии, выдающимися писателями, абсолютно при этом не осознавая, что этот талант им дал Бог. Святые говорят, что талант - это поручение от Бога.

К примеру, я считаю М. Горького талантливым писателем, а мне возражают, что у него «не такие» произведения. Мой ответ: какие бы ни были, не вы будете отвечать за них, а он. Каждый язык дан Богом. Вот есть племена, у которых язык состоит из 400 слов. С нашей точки зрения, это убожество, а для них этих слов - «выше крыши», потому что там есть всё, что необходимо для их жизни. Но поразительно не это, а то, что даже в таком скудном языке есть понятие Бога.

Мой родной азербайджанский язык как бы соткан из понятий Ветхого Завета, а русский язык - из Нового Завета. И главный вопрос отсюда: пойдёт ли нация по тому пути, который ей определён Богом? Мы понимаем, что русские сегодня - это суперэтнос. Но если понятие «русский» замыкается только как биологическое, то это тупиковый путь. О чём тогда говорить? Почему первый и самый лучший «Толковый словарь живого великорусского языка» был создан Владимиром Ивановичем Далем, у которого не было ни капли русской крови? Не случайно «русский» - единственное название национальности в нашем языке, отвечающее на вопрос «какой?», все остальные отвечают на вопрос «кто?».

– Что происходит, когда носители языка перестают его уважать, начинают его засорять?

– Это всегда неизбежно связано с искажением души народа. Понаблюдайте, кто так разговаривает! Для меня, как и для многих людей, символом русского интеллигента в чеховском понимании является Дмитрий Сергеевич Лихачев. А.П. Чехов написал, что интеллигентному человеку бывает стыдно даже перед собакой. Вы можете представить Лихачева матерящимся? А он, между прочим, в Соловках сидел... Ушёл этот человек - и образовалась пустота.

Мне много пишут. Одна женщина написала про свою соседку, которая полжизни просидела в лагерях, но никогда не ругалась матом. Для неё удержаться от сквернословия, сохранить чистым язык было способом не опуститься, сберечь душу. Тут важен прецедент: один раз «выразился» - и покатился.

Я не случайно привёл в пример Лихачева. А взять Льва Николаевича Толстого, которого очень люблю и жалею. Хотя очень прискорбно, что он сам отделил себя от Церкви, а не она его от себя. Писатель - это зеркало состояний людских душ. А что происходило в его время? Толстому поклонялись миллионы русских людей. К.П. Победоносцев в письме С.А. Рачинскому

писал, что вся интеллигенция поклоняется Толстому. Как в такой ситуации могла не случиться революция, когда вся нация поклонялась не Христу с его 2000-летней историей на Земле, а человеку, когда была нарушена заповедь «Не сотвори себе кумира»? Поэтому когда Ленин говорил, что «Толстой - зеркало русской революции», то он просто имел в виду, что писатель её предтеча, сделал всё, чтобы она случилась. Вот какую силу имеет слово. Чуть-чуть скажи Толстой по-другому - и вектор изменился бы. Вот почему такая большая ответственность лежит на писателях.

Горький в юности очень хотел встретиться с Толстым. Он приехал в Ясную Поляну. И вот происходит встреча графа Толстого и Горького, который хоть и вышел из низов общества, но всегда благоговел перед культурой. Горькому после нескольких минут общения захотелось убежать, потому что Толстой... ругался матом. Рассказывал грязные, похабные анекдоты. Горький, которого матерщиной было не удивить, пишет, как он был глубоко оскорблён тем, что Толстой думал, будто его собеседник не знает другого языка. Вот ещё одна интересная функция языка: как я к тебе отношусь, так я с тобой и разговариваю. Мне много пришлось общаться с богемой. Среди людей искусства, конечно, есть воцерковлённые люди, но их всё же мало. Когда я в молодости только начинал трудиться, первой моей работой была должность помощника режиссёра на телевидении. Я был шокирован, что люди искусства разговаривают так же, как граф Толстой говорил с Горьким. Быть может, потому, что вся интеллигенция поклоняется Толстому?

– До сих пор?

– Надо понять период, когда закладывалась нынешняя интеллигенция - ещё во времена Льва Толстого. И такое поведение считалось хорошей манерой. Речь человека - это показатель его истинной культуры. Сегодня утрачен первоначальный смысл слова «культура», а это всё-таки миссия. Поэтому когда человек приходит в православный храм, то самую высокую культуру он видит там, потому что там - самая высокая миссия слова.

Телевизор - носитель языка?

– Почему раньше носителем языка были книги и советские люди считались самыми читающими в мире, а сегодня носителем языка является телевизор, откуда нередко слышится мат?

– Раньше был «железный занавес», который, по сути, был санитарным кордоном. Какие-то важные вещи не проникали в страну, но и зараза не проникала. А зараза она и есть зараза: есть духовная, есть микробная. Сегодня люди уже боятся селиться в дома, где живут выходцы из Средней Азии, потому что отмечены случаи полиомиелита.

Но я не могу согласиться с той небольшой частью православных людей, которые предают телевидение анафеме. Если мы предаём телевидение анафеме, то уподобляемся пензенским затворникам, которые «спасались» под землёй. Давайте представим, что какая-то часть православных перестанет смотреть телевизор. Какая это часть? Ничтожная. Я православный, но я смотрю телевизор, и работа моя связана с телевидением. То, что люди во всём мире почти перестали читать, надо принять как факт. Это данность. И есть понятие картинка, которая востребована. В одиночку не спасаются, поэтому есть только один выход - исправлять телевидение. Телевизор должен стать миссионером и катехизатором. И если несколько лет назад это могло быть только благим пожеланием, то сегодня уже есть несколько подобных телеканалов. Вот уже год лично я сотрудничаю с телеканалом «Радость моя», где вышел цикл моих телепередач. Канал вещает 24 часа в сутки, названием его стали слова преподобного Серафима Саровского. Канал существует уже три года, намеренно не называя себя православным, чтобы быть «ловцом человеков». Зайдите к ним на сайт и увидите различные информационные потоки! У них большая география и широкая аудитория. Вот вам пример хорошего нравственного телеканала. А есть ещё телеканалы «Союз», «Спас». И работать на таких телеканалах очень трудно, потому что их всегда будут критически сравнивать с коммерческими каналами, и потому надо держать планку высоко.

Клиповое мышление, или когда мозг не хочет трудиться

– Слову сегодня очень тяжело конкурировать с видеорядом?

– Детский психолог рассказывала мне поразительную историю про один эксперимент. Маленьким российским детям предложили на выбор смотреть сказку или мультфильмы без звука или же, наоборот, слушать их без изображения. Догадываетесь, какой был результат? Большинство детей потребовало картинку. Секрет прост: когда мы слышим незнакомый текст, у нас начинает усиленно работать воображение. Это труд, к которому мы привыкли и вроде его не замечаем. А мозг нынешних детей не хочет трудиться. Я уже не говорю про клиповое мышление...

Я специально смотрю эти «поганые» фильмы, потому что встречаюсь с невоцерковлёнными школьниками и студентами - той аудиторией, куда не каждый любит ходить: это всё равно что в клетку с тиграми зайти, но это наши «тигры». Они тебя пробуют на зубок, но к ним не надо спускаться, как Заратустра, с высоких гор. Или вести себя, как Г. Флобер, считавший, что писатель должен жить в башне из слоновой кости. Так тебя не примут, и никакого диалога не получится. Поэтому я должен понимать, чем они живут, что считают искусством.

– Каково общаться с молодёжью?

– Радостно. Они со мной говорят на другом языке и сами потом это чувствуют. Моя задача – показать им самих себя. В жизни бывают добрые слова, которые никогда не забываешь. Такими для меня стали слова знакомого, который вместе с сыном работает на оптовом книжном складе. Он благодарил меня за книгу «Тайна русского слова» и рассказал, как она «работает». Его сын, которому года 22, увидел у него эту книгу и попросил почитать. Через какое-то время знакомый услышал, как сын одёргивает своих товарищей, которые сквернословили, объяснив им, что такое мат.

– Почему слова начинают терять свой смысл?

– Я разверну этот вопрос на 180 градусов. Как я услышал истинный смысл слов? По-настоящему русский язык я услышал в храме. И был поражён. Я услышал в нём другие смыслы, подлинные смыслы, отличные от повседневных. Не сразу это случилось: надо было научиться ходить в храм, где постепенно стал замечать такие вещи, которые замечают, как оказалось, не все.

Я долго недоумевал: что такое имя? Был поражён тем, как именно Бог назвал первого человека - Адам. Ведь по-азербайджански слово «Адам» значит «человек». Как пишет Иоанн Златоуст, Адам - это производное от Эдема, сада, земли. Чтобы он помнил, что из земли, и не возгордился. Поразило меня, что Бог, Который всё создал, не назвал животных. Называл их сам Адам по Его повелению. Как пишет в своём трактате отец Павел Флоренский, выбор имени - это символ власти. Родители дают имя ребёнку, и очевидно, что они властвуют над ним. И Господь возжелал, чтобы человек всё полюбил, а это возможно только в том случае, если он хозяин всего. Это, выражаясь современным языком, очень «экологичное» решение. Вот страсто-терпец Николай II в своей анкете в графе «Род занятий» написал: «Хозяин земли русской». Просто у нас очень извратилось это понятие, и хозяином представляют того - кто стоит, растопырив ноги и уперев руки в боки. Ничего подобного! Хозяин - это крест. Если я хозяин стада и началась буря, то не смогу спать спокойно, пока не спасу стадо. Поэтому человек не только наследует землю, но и через наречение имён тварям должен был полюбить её.

Отчество – это привилегия

– А чем для нас чревата тенденция западной моды называть человека просто по имени, а не так, как у нас принято, - по имени-отчеству?

– Меня это очень заботит. У нас никогда раньше так людей не именовали. Это духовное холуйство - копировать иностранные стереотипы. Ведь копия - она всегда копия. На простом примере можно понять, как отчество отражает отношение народа к человеку. Возьмите атаманов. Как их называют? Пугачёва либо просто по фамилии, либо Емельяном, либо вообще Емелькой; Разина - Стенькой. Единственный из атаманов, которого народ называет по имени-отчеству - это Ермак Тимофеевич. Отчество связывает человека с отчеством. Кто из них любил отчество по-настоящему? Народное самосознание чётко определило, кто пёкся о нём, прирастив его Сибирью, а кто хотел растащить его. Народ это ощущает на каком-то мистическом уровне.

Отчество - это привилегия. Это было очень хорошо заметно в сословной России. Как называли крепостных? Ванька, Парашка, Машка, а не Маша и Ваня. Мне так обидно, что в современной России люди называют друг друга, как крепостных: Димон, Вован и т. д. Огрубление этих имён похоже на лагерный жаргон, который сейчас романтизируют. А если ты хочешь привить порок, то для этого его нужно именно романтизировать.

Увы, многое из того, что приходит к нам с Запада, - это возвращение наших же заблуждений. Кто был родоначальником хиппи? Горький, который так талантливо романтизировал босячество. И сексуальную революцию придумал не Запад, а член советского правительства Александра Коллонтай, которая с её теорией «стакана воды» низвела отношения между полами до примитивной физиологии, сходной с желанием пить и есть. Нынешняя молодёжь, к сожалению, не знает этого, потому что кругозор её очень сузился.

Стихи из России

Ковшевный Эдуард Борисович (в крещении Василий) родился в городе Сокольники в 1969 г. Творчество поэта посвящено вере, русской природе, любви. Как у многих в России, в его жизни было множество суровых испытаний. «Но всегда и везде старался оставаться человеком и поэтом», - говорит о себе Э.К.; и добавляет, что его стихи - «это просто искренний, лирический дневник души, чувства, мысли простого верующего русского человека». Читатель уже знаком с творчеством Э.К. в №№ 62, 63. Сейчас представляем подборку стихов, тоже некий дневник, где читатель без труда проследит путь к вере и движения сердца автора...

С задумкой стихов и с молитвой

я шёл по тропинке с реки.
 Был день предосенний прекрасен.
 И мысли, и чувства легки.
 Шуршала хвоя под ногами,
 усыпан был шишками мох.
 И Богу из сердца рождался
 признанья исполненный вздох -
 за чудо соснового бора,
 за неба лазурь в вышине;
 за эти минуты покоя,
 что щедро отпущены мне.
 Я шёл... Ярко солнце светило.
 Был дух мой спокоен, высок.
 И к Богу любви своей силу
 словами сказать я не мог.

Я в лес ушёл не за грибами

Я в лес ушёл не за грибами,
 а за безлюдьем, тишиной.
 За чувством Бога, за стихами,
 да за молитвою живой.
 И вот стою, где сумрак мшистый
 под сенью елей вековых,
 где аромат смолы душистый,
 где нет речей людских - пустых.
 Стою - и с Богом единенье
 я чувствую без всяких слов.
 И слышу рифмы приближенья,
 небесных звуков и стихов.

Этот сумрак елового бора

Этот сумрак елового бора
 И тропинка среди мягкого мха -
 Здесь с Творцом благодать разговора
 Сокровенна, стыдливо-тиха.

Шум людской здесь затих в отдаленье,
 Первозданный, забытый покой.
 Высоко только птичье вдруг пенье,
 Птички свист раздаётся порой.

И смола на стволах седых елей
 Застывает слезой янтаря.
 За густою хвоей еле-еле
 Догорает на небе заря...

И встаёшь на колени в молчаньи
 На прохладный и бархатный мох.
 И возносишь, забыв о страданьи,
 Благодарный молитвенный вздох.

Мир ли перестал...

Мир ли перестал от глаз таиться,
 иль души коснулась благодать,
 но с тех пор, как Богу стал молиться,
 видеть стал иначе, замечать:

блеск на солнце шёлка паутины;
 то, как возле речки цепко хмель
 обвился вокруг ствола осины;
 как в цветке гудит устало шмель,
 бабочки-капустницы порханье
 над спокойной, тенистой рекой -
 всё зовёт: "Смотри! Ведь я создание
 не бездушной силы, не слепой..."

И стою я, тем словам внимая,
 и печали нет, и жизнь - легка.
 Как я мог, в безверьи иссыхая,
 жить, не видя рядом родника?

Стихи из России

Э.Б. Ковшевный

*Когда мы любим и любимы,
нисходит на душу покой.
И тихой музыки приливы,
Как волны на берег морской,
на душу льются тихо, мерно,
со всех сторон, со всех сторон.
И это знает, каждый, верно,
кто был любим, и был влюблён
Кто счастлив был...*

День осенний и ясен и тих,
И в берёзовой роще светло.
И печаль, от меня отступив,
И тоска – всё куда-то ушло.

Я от пламени жёлтой листвы
Теплотою и грустью согрет.
Снова чувства легки и чисты,
Словно нежность былого и свет

Я сберёг и в душе сохранил,
Несмотря на обман и дожди.
Снова полон я счастья и сил,
Снова верю, что всё впереди.

И любовь, и та встреча из сна
Будет скоро вот-вот наяву.
И тебя, что одна мне нужна,
Я любимой, родной назову.

И я верю, что где-то сейчас
Ты в тревоге внезапной грустишь.
И о встрече о нашей, о нас
Тихо шёпот предчувствий таишь.

И мечтаешь, стоишь у окна,
Золотою любуясь листвою.
Верь мечтам: ты теперь не одна,
Скоро будем мы вместе с тобой.

У Валдайского озера

Разлился по глади озёрной покой.
Волн нет. И не бьётся о берег прибой.
И лодка рыбачья вдали замерла.
За озером лес. И видны купола.
Обители знак то - Успенский собор.
На нём, замирая, туманится взор,
Креститься сама начинает рука,
И льётся молитва - чиста и легка

Рябины красной, горькой гроздь
на письменном столе.
И за спиной - небесный гость -
Поэту на земле
диктует строки о любви -
бессмертной и прекрасной.
И на столе лежат стихи
и гроздь рябины красной...

Внизу под горкой, где река,
бьёт ключ - неутомим.
И с тихой грацией ольха
мечтает рядом с ним.

И ключ лепечет рядом с ней,
так нежно-говорлив.

Стоит ольха, печаль ветвей
над родником склонив.

И нежно шепчет он слова,
и слушает она.

Тепло вдвоём им, и зима
нисколько не страшна.

Не застывает ключ в мороз,
любвию храним.

Ольха с улыбкой тихих грёз
склоняется над ним.

На ствол изогнутый ольхи
над речкой тихо сяду.
Здесь хорошо писать стихи -
покой душе и взгляду.

Вода холодная темна
и шелест тих листвы.
И вспоминаются слова,
что мне сказали Вы...

СТИХИ ИЗ РОССИИ Э.Б. Ковшевный

«Вот он, удел желанный / Всех, кто в пути устали...» Сергей Есенин.

«Никогда я не был на Босфоре...» -
Я тебе по памяти прочту.
И увижу дали в тихом взоре,
Синюю, далёкую мечту.

И увижу стены Хороссана,
В лунных лепестках цветущий сад.
И утихнет сразу в сердце рана,
И я снова жизни буду рад.

Улыбнись тебе с печалью, пери,
Улыбнёшься молча ты в ответ.
Может быть, душа твоя поверит,
Что я стану признанный поэт.

Может быть, и счастье не обманет -
Для чего тогда был весь мой путь?
Знаешь, я прочту тебе на память
Из своих стихов я что-нибудь.

О любви, о тонкой о рябине,
О далёкой песне ямщика.
Здесь порой в метель душа так стынет,
И на сердце - русская тоска.

И на сердце горечь от потери,
Боль об исстрадавшейся стране.
Хотя, что тебе, я знаю, пери,
О стихах, России, обо мне...

«Ну и что ж...» - скажу я, как Есенин.
Ну и что ж, мне только б отдохнуть.
Головой усталой на колени
На твои прилечь... и снова в путь.

А сегодня... с грустью о Босфоре,
О любви я, милая, прочту -
Ведь в твоём прекрасном, тихом взоре
Я увидел давнюю мечту.

В жёлтой пене берёзка застыла,
Припорошив дорогу листвою.
Ты меня, улыбнувшись, спросила -
Отчего стал я грустный такой.

На твои я слова улыбнулся
И сказал: «Не грущу ни о чём.
Просто грустью своей прикоснулся
Листопад, прошуршав над плечом...»

Просто листьев кружащихся снежность
Тихо, мягко ложится у ног.
Просто сердца влюблённого нежность
Просит вылиться нежностью строк...

А карты лгут, а карты мне пророчат,
что вовсе я тобою не любим.
Горит свеча, сражаясь с мраком ночи.
Я за столом, предчувствием томим.

Что ждёт меня? Предательство? Измена?
И что туз пик вещает за удар...
Но, всё же, благодарен неизменно
Судьбе я за любви тяжёлый дар.

И пусть всё карта чёрная ложится
На стол, на сердце... бедами грозя.
Горит свеча. И мне не измениться -
я всё равно люблю, люблю тебя.

А карты лгут, а карты мне пророчат...

Вечер сиреневый кроток и снежен.

Взгляд твой сегодня особенно нежен.
Руки задумчивы. Странно печальны.
Милая! Час этот разве - прощальный?
Разве ты чувствуешь близость разлуки?
Что с тобой? - вздрогнули вдруг твои руки.
Или меня ты уже разлюбила?
Что же, вздохнув,
ты глаза опустила...

Я оставил молитвы
целебный родник

Я оставил молитвы целебный родник,
и неверьем томимый, душою поник.
И сомнений отравы, и яд тяжких дум
отравили мне сердце, и волю, и ум.
и иссяк вдохновенья всемогущий поток,
и слагать Богу песни я больше не смог.
Чувство света, добра, силы духа ушло,
и во всём увидал я одно только зло.
Жизнь бессмысленна стала, ничемна, пуста.
И в пустыне безверья бессильно тогда
я под тяжестью зла на колени упал.
И: "Я гибну! Спаси меня..." - к Богу воззвал.
И в ответ - среди пустыни,
сквозь мёртвый песок,
вдруг пробился, забил прямо рядом, у ног -
жизнь дающий, целебный - молитвы родник -
и к нему я иссохшей душою приник...

Стихи из России Э.Б. Ковшевский

Неотправленное письмо

Милая!
 Останемся друзьями.
 Пусть я пред тобою виноват,
 Что встревожил нежными словами,
 Я бы сам вернуть их рад назад.
 Кто же знал, что ни моих признаний
 Так ты не захочешь, ни стихов.
 Впрочем, всё придумано не нами -
 Это жизнь, и я вполне готов
 Посмеяться в этот день дождливый,
 Посмеяться над самим собой.
 Что мне в этом глупом слове «милый»,
 Что бывает часто лишь игрой.
 Что мне в этом счастье, счастье этом,
 Разве жить нельзя и без любви?
 Ты права: посмейся над поэтом,
 Разными словами назови.
 Я ведь заслужил. Ведь я - мечтатель.

И тревожно рядом быть со мной.
 В этом мире я совсем некстати
 Со своей любовью и душой.
 Милая! Как жаль, что наши встречи
 Были совершенно ни к чему.
 Если ты вернёшься - не излечишь -
 Мне теперь спокойней одному.
 Мне теперь любви твоей не надо.
 У меня, по счастью, много дел.
 Только сны, где вместе мы и рядом,
 Я ещё не видеть не сумел.
 Не сумел хитрить я и лукавить.
 Не пиши и мне не отвечай!
 А стихи...

Оставь себе «на память»
 Или разорви...
 Ну, всё.
 Прощай...

Здесь
 ничего
 не изменилось.

И берег тот же.
 И река.
 И тишина, как Божья милость
 и дар целебный.
 Как строка
 молитвы детской и безгрешной,
 что там таил...
 на дне души.
 И вспомнил вдруг. И стал поспешно
 вслух повторять её в тиши... 15.05.2013 г.

* * *

На стене холодной в келье - образа.
 «Так не стоит плакать...» - я себе сказал.
 Встал я на колени. Сотворил поклон.
 И ушла тревога потихоньку вон.
 Я прочёл молитву. И ещё одну.
 Госпоже Пречистой. Господу Христу.
 В сердце воцарились радость и покой.
 Хоть и слаб бываю я в борьбе со тьмой...
 Всё же не оставлен, не отринут - нет -
 От икон мне в душу льётся, льётся свет.

* * * * *

Осенний берег. Тишина. И вера радостна, светла,
 Реки покой. Изгиб. Всем бедам вопреки.
 О Боге мыслей глубина. И видна Промысла рука,
 Из жизни. Не из книг. И все свои грехи...

В возрождающемся монастыре

Мы с трапезы шли. Было поздно. И мгла
 На камни руин монастырских легла.
 На стены пустых корпусов. На собор.
 На жёлтой листвою усыпанный двор.
 И эти руины, и шорох шагов... -
 Как будто, в одном из утерянных снов, -
 Забытых, мы вдруг оказались с тобой.
 И также дорожка нас к келье сырой
 Вела, как когда-то, когда-то давно.
 И вот мы вернулись сюда всё равно.
 И мир наш в миру - беспредельно чужой -
 Остался вдали, где-то там, за стеной.
 Исчез. И для нас уже умер. Совсем.
 А здесь над собором, а здесь надо всем
 Царил только Крест,
 только крест в вышине,
 Зовя от земли нас к небесной стране!

Душа раскрылась, как цветок,
 Молитвы ласковым лучам,
 И сразу стал не так жесток
 Весь мир, внимающий словам
 Молитвы - чистым и живым -
 И прочь бежали - боль, сомненья,
 И озарился дух святым
 Огнём любви и всепрощенья.

Кулачье гнездо

Вокруг заброшенной барской усадьбы средней руки группируется десятка два деревянных, на живую нитку состроенных дач. На самой высокой и видной из них синее вывеска "Трактир" и золотится на солнце нарисованный самовар. Вперемежку с красными крышами дач там и сям уныло выглядывают похилившиеся и поросшие мохом крыши барских конюшен, оранжерей и амбаров.

Майский полдень. В воздухе пахнет постными щами и самоварною гарью. Управляющий Кузьма Федоров, высокий, пожилой мужик в рубахе навыпуск и в сапогах гармоникой, ходит около дач и показывает их дачникам-нанимателям. На лице его написаны тупая лень и равнодушие: будут ли наниматели, или нет, для него решительно все равно. За ним шагают трое: рыжий господин в форме инженера-путейца, тощая дама в интересном положении и девочка-гимназистка.

- Какие, однако, у вас дорогие дачи, - морщится инженер. - Все в четыреста да в триста рублей... ужасно! Вы покажите нам что-нибудь подешевле.

- Есть и подешевле... Из дешевых только две остались... Пожалуйте!

Федор ведет нанимателей через барский сад. Тут торчат пни да редет жиденький ельник; уцелело одно только высокой дерево - это стройный старик-тополь, пощаженный топором словно для того только, чтобы оплакивать несчастную судьбу своих сверстников. От каменной ограды, беседок и гротов остались одни только следы в виде разбросанных кирпичей, известки и гниющих бревен.

- Как все запущено! - говорит инженер, с грустью поглядывая на следы минувшей роскоши. - А где теперь ваш барин живет?

- Они не барин, а из купцов. В городе меблированные комнаты содержат... Пожалте-с!

Наниматели нагибаются и входят в маленькое каменное строение с тремя решетчатыми, словно осторожными окошечками. Их обдает сыростью и запахом гнили. В домике одна квадратная комнатка, переделенная новой тесовой перегородкой на две. Инженер щурит глаза на темные стены и читает на одной из них карандашную надпись: "В сей обители мертвых заполучил меланхолию и покушался на самоубийство поручик Фильдекосов".

- Здесь, ваше благородие, нельзя в шапке стоять, - обращается Федоров к инженеру.

- Почему?

- Нельзя-с. Здесь был склеп, господ хоронили. Ежели которую приподнять доску и под пол поглядеть, то гробы видать.

- Какие новости! - ужасается тощая дама. - Не говоря уже о сырости, тут от одной мнительности умрешь! Не желаю жить с мертвецами!

- Мертвецы, барыня, не тронут-с. Не бродяги какие-нибудь похоронены, а ваш же брат - господа. Прошлым летом здесь, в этом самом склепе, господин военный Фильдекосов жили и остались вполне довольны. Обещались и в этом году приехать, да вот что-то не едут.

- Он на самоубийство покушался? - спросил инженер, вспомнив о надписи на стене.

- А вы откуда знаете? Действительно, это было, сударь. И из-за чего-то вся канитель вышла! Не знал он, что тут под полом, царствие им небесное, покойники лежат, ну и вздумал, значит, раз ночью под половицу четверть водки спрятать. Поднял эту доску, да как увидал, что там гробы стоят, очумел. Выбежал наружу и давай выть. Всех дачников в сумление ввел. Потом чахнуть начал. Выехать не на что, а жить страшно. Под конец, сударь, не вытерпел, руку на себя наложил. Мое-то счастье, что я с него вперед за дачу сто рублей взял, а то так бы и уехал, пожалуй, от перепугу. Пока лежал да лечился, попривык... ничего... Опять обещался приехать: "Я, говорит, такие приключения смерть как люблю!" Чудак!

- Нет, уж нам другую дачу покажите.

- Извольте-с. Еще одна есть, только похуже-с.

Кузьма ведет дачников в сторону от усадьбы, к месту, где высится оборванная клуня... За клуней блестит поросший травой пруд и темнеют господские сараи.

- Здесь можно рыбу ловить? - спрашивает инженер.

- Сколько угодно-с... Пять рублей за сезон заплатите и ловите себе на здоровье. То есть удочкой в реке можно, а ежели пожелаете в пруду карасей ловить, то тут особая плата.

- Рыба пустяки, - замечает дама, - и без нее можно обойтись. А вот насчет провизии. Крестьяне носят сюда молоко?

- Крестьянам сюда не велено ходить, сударыня.

- Дачники провизию обязаны у нас на ферме забирать. Такое уж условие делаем. Мы недорого берем-с. Молоко четвертак за пару, яйца, как обыкновенно, три гривенника за десяток, масло полтинник... Зелень и овощ разную тоже у нас должны забирать.

- Гм... а грибы у вас есть где собирать?

- Ежели лето дождливое, то и гриб бывает. Собирать можно. Взнесете за сезон шесть рублей с человека и собирайте не только грибы, но даже и ягоды. Это можно-с. К нашему лесу дорога идет через речку. Желаете - вброд пойдете, не желаете - идите через лавы. Всего пятачок стоит через лавы перейти. Туда пятачок и отсюда пятачок. А ежели которые господа желают охотиться, ружьем побаловаться, то наш хозяин не прекословит. Стреляй, сколько хочешь, только фитанцию при себе имей, что ты десять рублей заплатил. И купанье у нас чудесное. Берег чистенький, на дне песок, глубина всякая: и по колено и по шею. Мы не стесняем. За раз пятачок, а ежели за сезон, то четыре с полтиной. Хоть целый день в воде сиди!

- А соловьи у вас поют? - спрашивает девочка.

- Намеднись за рекой пел один, да сынишка мой поймал. трактирщику продал. Пожалте-с!

Кузьма вводит нанимателей в ветхий сарайчик с новыми окнами. Внутри сарайчик разделен перегородками на три коморки. В двух коморках стоят пустые закрома.

- Нет, куда же тут жить! - заявляет тощая дама, брезгливо оглядывая мрачные стены и закрома. - Это сарай, а не дача. И смотреть нечего, Жорж. Тут, наверное, и течет и дует. Невозможно жить!

- Живут люди! - вздыхает Кузьма. - На бесптичье, как говорится, и кастрюля соловей, а когда нет дач, так и эта в добрую душу сойдет. Не вы наймете, так другие наймут, а уж кто-нибудь да будет в ней жить. По-моему, эта дача для вас самая подходящая, напрасно вы, это самое... супругу свою слушаете. Лучше нигде не найти. А я бы с вас и взял бы подешевле. Ходит она за полтора, а я бы сто двадцать взял.

- Нет, милый, не идет. Прощайте, извините, что обеспокоили.

- Ничего-с. Будьте здоровы-с.

И, провожая глазами уходящих дачников, Кузьма кашляет и добавляет:

- На чаек бы следовало с вашей милости. Часа два небось водил. Полтинничка-то уж не пожалейте!

А.П. Чехов.

Судья - подсудимому:

- Почему Вы отказываетесь от адвоката?

- А зачем мне адвокат, я и сам врать умею.

Из заграницы...

Мы - русские. Отсчитываем мили
От брошенных полей и преданных берёз.
Простят они - мы веры не убили
Ни в праведность души, ни в землю белых рос.

Мы - лишние. Там нынче время денег
И молятся дельцы иным богам,
И если ты не с ними, и не пленник,
Один твой путь - к свободным берегам.

Мы - верные. Чужое зарубежье
Клонировем под свой уютный дом,
И после баньки, жаркие, с трудом
Воспринимаем зимнее бесснежье.

Мы - прежние. Проходит день, другой,
И жизнь проходит с Лентой* унисоном,
Посаженный заботливой рукой,
Растёт огурчик рядышком с лимоном.

Hope Island, 2011 **А. СЕМЧЕНКО.**

*Лента.ру - Российские новости по Интернету.
Из сборника «Исток», Владивосток 2015 г.

Завтра снова в поход.
Соберет нас труба на рассвете,
И колонной уйдем
в обожженную заревом даль.
Для кого-то последним
станет это горячее лето,
Только жизнь за отчизну
отдавать нам нисколько не жаль.
Отзвучит она песней
привольной, залиvistозвонкой,
Как поют на Руси,
так, поверьте, нигде не споят,
И, быть может, о нас
с благодарностью вспомнят потомки
И в отстроенных храмах
поминальные свечи зажгут...

Евгений Новицкий. Украина.

Французский роман

Осень для нас, несчастных неврастеников, время очень тяжелое! Во-первых, темно, во-вторых, мокро, в-третьих, холодно. Это - на улице. А дома - самое густое разочарование в жизни. Жизнь надувает человека именно осенью.

Каждую весну вы думаете: «Вот летом сделают ремонт в квартире, и все пойдет иначе. Осенью поставлю диван углом, рояль поверну боком... Как можно будет весело разговаривать вот на этих двух креслах, под пальмой, вдвоем... Вдвоем, так уж все равно - с кем; ведь с осени все люди будут совсем другими. А если на старую оттоманку да положить подушку с голубыми разводами, так, пожалуй, и муж перестанет в клуб бегать.

За лето эти туманные надежды вырастают в уверенность, в начале сентября диван ставится углом, кресла боком, рояль хвостом вперед, а в конце сентября вы уже ясно понимаете, что жизнь вас обошла и надула кругом и заставила совершенно напрасно поднимать весь этот дым коромыслом. Все осталось по-прежнему, по-прошлогоднему, и прежние люди удивляются прошлогодними словами, зачем вы все перевернули вверх дном. Тогда вы захотите забыться и пойдете в театр...

Не ходите в театр! Там будут подходить к вам полужнакомые, давно забытые скверные физиономии и, если вы очень сухопары, скажут вам, что вы за лето еще осунулись; если толсты - что вас разнесло; если бледны, спросят, как ваши делишки, и если стары, заметят вскользь, что лета дают себя знать. Намекнут, попрекнут, лягут и уйдут. Как пузырь на болоте. И вспомнить потом трудно. Было что-то скверное, а в чем дело, даже и не поймешь.

Нет, если у вас осенняя неврастения, сидите дома и читайте французский роман. Это единственное, что может вас спасти. Хороший французский роман среднего французского романиста. Наш русский роман очень беспокоен. То у нас «опрокидонт», и «дьякон налил по третьей - выпили», то вдруг изменившая мужу попадя стала зыбиться огненными столбами. Всего этого неврастенику безусловно нельзя. Он либо повесится, либо переколотит всю посуду в доме.

Не таков французский роман. Он спокоен, длинен и хорош уже тем, что, при всей своей видимой простоте, ничего общего с действительной жизнью не имеет. Французский роман, как и все на свете, тоже эволюционирует. Прежде, лет двадцать тому назад, героине его было только сорок пять лет. «Прелестное дитя улыбалось цветам и птичкам» и изменяло своему мужу. Десять лет спустя прелестное дитя, оставаясь приблизительно в том же возрасте, увлекало читателей тонкой психологией своего двенадцатого адюльтера. Муж вообще не считался уже ни за что. Разбирался только вопрос, имеет ли второй любовник столько же прав на ревность, как и одиннадцатый.

Теперь уже не то. Теперь берите шире. В новом французском романе героине или не более двенадцати лет (как «Claudine», «La petite Cady» и прочим их суррогатам), или не менее пятидесяти. Какова амплитуда! Каков размах!

Хуже всех живет в во французском романе молодой девушке. Единственная роль, которая ей отводится скупым на девические радости романистом, - это делать к столу букеты и падать в обморок. Вообще же она скоро умирает или уезжает навеки к тетке в провинцию. Любить ее нельзя. Она, конечно, равнодушна к материнскому Густаву или Адольфу, но для него-то она не представляет ровно никакого интереса. Молодая особа, которой, может быть, нет даже двадцати пяти лет, с хорошеньким личиком и кое-каким приданым.

О нет! *Il en a soure!* И он бежит от нее к ее очаровательной матери, которая ждет его у окна, и «ее стройная шестидесятилетняя фигура изящно вырисовывается на фоне темной драпировки. «Мадлена!»... «- Я твоя, но мне нужны деньги. Я люблю запах золота». Он понимает ее. Он сам всю жизнь готов нюхать золото. И вот они на пышном рауте (это все по роману Маргерита). Там присутствует еще одна красавица, уже несколько отяжелевшая (лет, вероятно, этак под девяносто). И красота Мадлены выделяется еще ярче. Два банкира, увидев все это, тут же разорились. Запах золота, густой и пряный, опьянял присутствующих. Мадлена торжествовала. Там, вдали, в провинции, у тетки, дочь ее лежала в обмороке. А она улыбалась улыбкой Артемиды, которая к шестидесяти пяти годам только прочнее утвердилась в девственности своих очертаний. *Fin.*

А вот роман другого полюса. Героине двенадцать лет. Чувствуется досада автора, что ей не три года. Но никак нельзя. Эти трехлетние девочки обыкновенно так еще плохо говорят, что толком и не разберешь, что им нужно.

Итак, ей двенадцать лет. На совести ее несколько коротких романов и мимолетных связей.

Она презирает мать за неумение пудрить затылок так, чтобы не было заметно.

Она первая пустила в употребление голубую краску для нижних век. Она «уже» стыдится пошлой интрижки с молодым лакеем и любезна с ним только из выгоды: любит распить потихоньку бутылочку-другую шампанского. Гувернантку держит в страхе. Вместо уроков географии ходит в гости к знакомой кокотке, что тем не менее ничуть не вредит ее образованию. Если же она поступает в школу, то времяпрепровождение ее среди сверстниц принимает такой уклон, что романы с ее жизнеописанием строжайше воспрещаются к ввозу в Россию, Австрию, Германию, Италию, Румынию, Испанию и Португалию.

Но ее редко отдают в школу. К чему? Да и некогда. Утром (она встает около двух, так как утомлена ночным кутежом) позирование у модного художника, затем несколько свиданий, поездка с подругами в кафешантан. Смотришь, и день прошел. Дома достаточно ей переступить без няньки за порог детской, чтобы тотчас же несколько министров, болтающихся всегда в коридоре, сделали ей бесчестные предложения. Со свойственным ей тактом она ставит министров на место: «Через пятьдесят лет я буду вашей. Zut!» И через пятьдесят лет, уже в другом романе, где крепкий запах золота ест глаза, все министерства падают. Так пожелала она, стоя в коротеньких панталончиках на пороге своей детской.

О герое нового французского романа я не говорю ничего, потому что роль его вряд ли может утешить неврастеника-читателя. Герой французского романа так неопытен и невинен, что самая чистая лилия кажется, по сравнению с ним, бурой свиньей. Он всегда обманут, всегда несчастлив и всегда уважает волю своих родителей, живущих сельскими продуктами, где-то «там», среди ландышей и бузины. Не будем же говорить о герое. Ну его!

Итак, господа осенние неврастеники, читайте французские романы. Читайте, и оставьте вашу мебель в покое. Пусть стоит, как стояла в прошлом году. Нужно немножко переждать. Вот стукнет вам шестьдесят лет, и все переменится само собою. Фигура ваша зазмеится в амбразуре окна; четыре Гастона, давя друг друга, бросятся к вашим ногам и от терпкого запаха золота расчихается даже наша старая, ко всему привычная кошка. А министерства! С каким треском они рухнут, если только вы этого пожелаете. Вы, в своих коротеньких панталончиках! Zut!

Надежда Тэффи

*Мужчина в жизни никогда не должен жаловаться на две вещи.
На жену и на машину. Сам выбирал.*

Дружба настоящая с фальшивой...

Дружба настоящая с фальшивой
Встретились у чистого ручья:
"Ты могла бы стать и справедливой,
Видишь отраженья – это я.

И вообще, ведь мы почти родные,
Почему меня не признаешь,
Разве разногласия большие?
А цена вопроса – медный грош.

Ну подумай, бываю многословна,
И могу кого-то осудить,
Нагрубить. А как беспрекословно,
По любви и в верной дружбе жить?

"За глаза" скажу я, что угодно,
А в глаза, конечно, улыбнусь,
Чувствую себя вполне свободно,
Лестью сладкой многого добыюсь."

"А чего добьешься?" - улыбнулась
Дружба настоящая,- "Постой,
Главное, чтоб сердце потянулось
С мудростью, любовью. Друг ты мой

Как помочь участием фальшивым,
Где добра, вообще в помине нет?
Может дружба быть и молчаливой,
Изнутри сияет добрый свет.

Дружба, настоящее богатство,
Но для тех, кто может оценить,
Что такое преданность и братство,
Кто прощать умеет и любить."

И ручей подпел своим журчаньем,
Дружбе вторя чистотой своей,
Повторяя, словно заклинанье:
"Дружба дар великий для людей."

ИЗ ГЛУБИНЫ ВОЗВРАХЪ...

К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ, ОБРАЗОВАННОСТИ И КРУГЕ ЧТЕНИЯ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

«Новости медицины и фармации» уже привлекали внимание читателей к этой теме. В № 17(340) за 2010 г. была опубликована статья профессора И.В. Богадельникова «Образованность или интеллигентность?». В этом номере мы приглашаем вас продолжить ее обсуждение на страницах газеты.

Вопрос о состоянии светского профессионального образования в высшей школе поднимается наиболее осведомленной, обеспокоенной и ответственной частью научной общественности. Отмечая смещение интересов, ценностей и целевых установок в современном мире относительно еще совсем недавнего прошлого, ученые обращаются к фундаментальным понятиям русского культурного мира - образованию, образованности и связанной с ними интеллигентности.

Цель данного исследования - увидеть проблему глазами представителей высшего специального образования, в частности медицинского; задача - выявить черты личности (ожидаемые, предполагаемые или предписываемые) современного носителя образованности; используемый метод - анализ наблюдений, развернутых высказываний, обобщений и выводов ведущих специалистов медицинской отрасли знаний, мыслящих в масштабах вуза, всей отрасли и государства, с привлечением мирового опыта.

Объектом анализа послужило выступление в печати заслуженного деятеля науки и техники Украины, д.м.н., профессора И.В. Богадельникова со статьями «Образованность и/или интеллигентность?» и «Образованность или интеллигентность?».

Автор статьи выстраивает свои рассуждения на следующих фактах и наблюдениях. Среди работников высшей школы, помимо званий и ученых степеней, особое место в характеристике человека занимают образованность и интеллигентность. Априори считается, что работники высшей школы все образованны. Вместе с тем, наверное, нет такого человека, считает автор статьи, который, попадая в среду профессионалов и участвуя в разговоре, не испытал бы хоть раз чувство неловкости или досады на себя за то, что он не знаком или плохо знаком с тем или иным литературным произведением. В свое время все были подвержены гонке за образованностью. Помимо профессиональной подготовленности, свою образованность интеллигенция совершенствовала в основном за счет чтения. В круг чтения образованного человека непременно входили толстые литературные журналы, публиковавшие оригинальные и переводные художественные произведения.

Как можно видеть, приведенные рассуждения автора свидетельствуют о высокой планке требований к личности работника высшей школы: профессионализм, широкая эрудиция в рамках национальной культуры, знакомство с лучшими образцами зарубежной культуры. В связи с этим у автора публикаций возникает вопрос: сейчас, когда почти все стало доступным, но исчезли общекультурные и общеобразовательные ориентиры, кого считать образованным, какие критерии образованности должны быть и должны ли они быть вообще? При этом автору представляется совершенно очевидным, что получение диплома, аттестата не подтверждает образованности даже в узкопрофессиональном отношении. И чтобы не подвергнуть девальвации понятие «образование», для искаженной его сути автор, вслед за А.И. Солженицыным, в ход своих рассуждений вносит понятие «образованщина». В своем словаре А.И. Солженицын отмечает лишь собирательное значение этого слова, но суффикс «*щин*» в русском языке несет также и заряд отрицательной оценочности (казенщина, военщина, безотцовщина). Профессор И.В. Богадельников отмечает сужение понятия «образование» («начали делить образованность на профессиональную и общую»), «но если с профессиональной образованностью есть конкретная ясность, то под общей стали понимать знание истории, философии, музыки и т.д. Но кто скажет, какую книгу надо читать, какую оперу слушать, а какие - нет?»

Автор также обращается к зарубежному опыту, когда, например, в Англии уровень образованности общества в недавнем прошлом рассматривался как предпосылка к его экономическому процветанию и всеобщему благополучию. «Но, как и в любой стратегии, - замечает автор, - озабоченность экономическим ростом заняла главенствующее положение и, естественно, исказилось представление о том, что такое образованность».

Вопросы автора по поводу того, что же следует читать интеллигенции, на чьи вкусы ориентироваться, чьи ценности разделять, только на первый взгляд могут показаться частными. Каждый во всем ориентируется на общественные ожидания, относящиеся к его социальной роли, на ценностные установки своей референтной группы и на сформировавшийся за годы жизни литературный вкус. И вопрос, как представляется, не в том, чтобы не выглядеть неосведомленным в кругу читающих коллег, а в ощущении утраты чего-то очень важного - согласованного единения вокруг всеми признаваемых, разделяемых и совместно хранимых ценностей, подерживаемых и передаваемых идущим следом.

Вероятно, психологи смогли бы ответить на вопрос, почему так важно читать то, что отмечено хорошим вкусом, и читать всем одновременно. Возможно, это было так важно потому, что наша литература всегда выполняла не только образовательно-просветительную, но и пророческую (пророческую) функцию: «Поэт в России больше, чем поэт...» Горячность прошлых лет вокруг литературных новинок, глубокая увлеченность классической литературой, трепетное собирание лучших авторов в личную библиотеку - черта, отличавшая отечественную интеллигенцию. Откуда же теперь «образованщина»? А где же образованность и просвещенность? И что мы вообще вкладываем в эти понятия?

Очевидно, что общество переживает некий кризис - время, когда рушатся традиционно оберегавшиеся ценности, нормы взаимоотношений, ценностные ориентиры. В литературной критике течение, отражающее этот процесс карнавальной раскованности жизни, общества, языка, получило наименование постмодернизма. И все мы так или иначе являемся участниками этого процесса, и в первую очередь именно интеллигенция. И участниками не пассивными. «Не люблю интеллигенции, не причисляю себя к ней, сплошь пенсенной, - писала М. Цветаева Б. Пастернаку 1 июля 1926 года. - Люблю дворянство и народ, цветение и корни» [8, с. 182].

Нельзя сказать, что передовая интеллигенция всегда безоглядно, бездумно и безответственно, хоть и по самым благим побуждениям, рушила устои национальной жизни. В 1909 году в России был издан сборник пророчески-покаянных статей о русской интеллигенции русских философов, политологов и философствующих писателей под названием «Вехи». В статьях Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.Б. Струве и других были отражены вопросы, мучавшие лучшие интеллигентские умы: правильно ли строятся отношения с народом? Может, его следует любить и воспитывать, а не подстрекать к насилию? Правильно ли выбран путь противостояния официальным формам власти? Не является ли главной задачей интеллигенции сохранение традиции, дабы любой ценой не допустить этих «перерывов постепенности», чреватых кровью, разорением культуры и душевным опустошением? Не слишком ли много в самой интеллигенции верхоглядства, которое оправдывается революционной фразой? А спустя девять лет, в 1918 г., после свершившейся революции, был составлен другой сборник с тем же авторским коллективом, получивший название «Из глубины», с указанием на сбывшиеся пророчества и с попыткой отделить интеллигенцию «подлинную», ни в чем не виноватую, от «неподлинной», виновной в произошедшем. И не последняя роль в случившемся отводилась качеству читаемой литературы. Русский философ С.Л. Франк отмечал, что в течение всего XIX века в общественном сознании укреплялось не лучшее и творческое (Пушкин, Тютчев, Достоевский), а отрицательные и разрушительные течения. «И не рукоплескала ли вся интеллигенция России цинически-хамскому бунтарству тех босяков и «бывших людей» Горького, которые через двадцать лет после своего столь шумного успеха в литературе успели захватить власть и разрушить русское государство?» - вопрошающе восклицает философ [3, с. 494-495].

Позиция авторов сборника «Из глубины» относительно роли интеллигенции в отечественной истории изменилась, поскольку радикально изменились обстоятельства ее жизни, самоопределение и самоощущение. В апреле 1918 г. были закрыты оппозиционные большевизму издания, а Ленин встал перед необходимостью «привлечь 1000 людей, первоклассных специалистов в своих отраслях», в частности, «покупкой за высокую плату». Таким образом, альтернатива, поставленная перед интеллигенцией, «признавать» или не «признавать» советскую власть обратилась в альтернативу служить или не служить ей. Может, именно это понижение в статусе вызвало известную реплику вождя о том, что интеллигенция - не мозг нации, а нечто другое. Хотя и в послереволюционное время встречались чудом уцелевшие носители живой традиции мощной русской интеллектуальной культуры - «последние из могикан» - такие как А.Ф. Лосев и М.М. Бахтин.

Что же касается народа, то он по-прежнему является носителем архетипов национального сознания, закодированного в национальном языке и национальной культуре. И если начать доискиваться до истоков, то выяснится много любопытного. Рассматривая значение русских слов

и сопоставляя их с первосмыслами, исследователь обнаружит, как далеко порой расходятся их исходное значение и современная семантика. Пройдя ряд закономерных с точки зрения языковых процессов изменений, слово может и совершенно отойти от своего первоначального значения. Между тем сокровенное (ставшее «сокрытым», тайным, а порой и сакральным) значение свидетельствует о собственных началах языка, о заложенных в него смыслах, программах и оценках. И нас не должно удивлять и тем более шокировать то обстоятельство, что слово «образование» изначально связано с понятием «образ Божий», а выражение «дать образование» означает не что иное, как «привести к образу Божьему». Так же, как и слово просвещение, относящееся к понятию о свете Истины, о чем существует множество текстологических свидетельств во всем Священном Писании. Заметим в скобках, что в России слово просвещение изменило свое первоначальное значение во времена Екатерины II под влиянием французских философов и писателей Ж.Ж. Руссо и Ф. Вольтера - идеологов французских бунтовщиков, положивших конец христианской Европе. И слово «человек» (через ступени человек - цловек - словек), по этимологическим изысканиям и исследовательской интуиции В.Д. Ирзабекова, возводится к понятию «слово», что «подчеркивает главное отличие людей как существ словесных, мыслящих словами». От слова же - и слава, и славяне, и тем более словесность [7, с. 11].

Так сложилось, что русский человек прикован к своей словесности, являясь во многом и ее продуктом. Русская классическая литература оказывала и оказывает несомненное влияние на весь строй нашей души, на наше умонастроение и во многом на судьбу нации. Национальный литературный язык - хранитель архетипов национального сознания, национальная (она же мировая) литература, а лучше словесность, и национальная память, насыщенная образцами этой словесности, сохраняют нас как единое целое, имеющее общую духовную сущность. И поэтому далеко не частным видится вопрос проф. И.В. Богдельникова о том, что же следует читать? Чем руководствоваться в потоке публикуемого и издаваемого на русском языке? Наверное, нам следует запастись некими ориентирами отбора, а сами ориентиры извлечь все из того же источника - русской словесности, в частности из публицистики и переписки Н.В. Гоголя, который, по его признанию, не получив в юности достаточного образования и воспитания (как, например, Карамзин), вынужден был прокладывать свой путь к пониманию природы человека. Его внутренней целью было определить высокое и низкое, достоинства и недостатки «русской природы нашей». Но «чтобы определить себе русскую природу, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще». «Я оставил, - признается писатель, - все современное; я обратил внимание на узнавание тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдений за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и душа человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустытника, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в нем ключ к душе человека и что еще никто не восходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял Он» [5, с. 211].

Другая сторона, определяющая выбор чтения, - сам язык, которым написано произведение. И опять же обратимся к Н.В. Гоголю: «Наконец, сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны... меткие названия из бесчисленных своих наречий, имея возможность, таким образом, в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, осязательной осязанию непонятливейшего человека, - язык, который сам по себе уже поэт и который недаром был на время позабыт нашим лучшим обществом: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземных наречиях всю дрянь, какая ни пристала к нам вместе с чужеземным образованием, чтобы все те неясные звуки, неточные названия вещей... не посмели помрачить младенческой ясности нашего языка и возвратились бы к нему уже готовые мыслить и жить своим умом, а не чужеземным» [6, с. 184]. Отвержение западного философствования, где познание оторвано от духовной жизни, было присуще русским философам, в частности Владимиру Соловьеву. Эту оторванность от познания, по наблюдению Г. Гачева, «ныне и у нас вполне имеем: информация и сведения, и эрудиция не связаны в профессионале-профессоре с ростом его личности и духовным восхождением» [4, с. 60].

И все-таки по-прежнему беспокоит вопрос: почему это так важно - читать не все подряд, а лучшее и вместе со всеми, и не просто читать, а хранить в памяти?

В современной когнитивной лингвистике - науке, изучающей отражение мыслительных процессов в языке, выделены языковые и речевые единицы, значение которых не равно их собственному значению, но ассоциируется с содержанием, символизирующим весь текст - книги, фильма, спектакля. Таковыми являются наименования прецедентных, то есть имеющих историко-культурную, страноведческую ценность, текстов, событий, имен. Именно поэтому в национальном образовании фигурирует список обязательных для изучения, в том числе и для заучивания наизусть, художественных произведений. Выходя за круг общего чтения, мы невольно теряем культурно-языковую общность, а теряя ее, мы лишаемся возможности общаться на уровне смыслов, лаконично упакованных в заголовках произведений, отдельных фразах из культурно значимых текстов, в крылатых выражениях и говорящих именах. И в итоге теряем свой, русский, мир и свою причастность к нему.

ВЫВОДЫ

Вопрос об образовании и образованности не утрачивает своей актуальности, как и вопрос об интеллигентности и интеллигенции. Пройдя большой путь болезненных этапов, опираясь на опыт отечественной истории, философии и культуры, образованный слой общества, представленный современной интеллигенцией, не лишен сознания своей ответственности перед будущим и не готов порвать со своим прошлым, о чем свидетельствует развернувшаяся в прессе полемика. Очевидно также стремление работников высшей школы старшего поколения сохранить и передать непреходящие ценности отечественной культуры молодому поколению ученых и профессиональных работников, видя в этом нечто значительно превосходящее экономическую пользу и даже всеобщее материальное благополучие и не останавливаясь при этом в собственном поиске сохраняющих и воспроизводящих культуру основ. Развивая в дальнейшем предложенную к обсуждению тему, следует, как представляется, обратиться к национальным истокам понятия образованности, поскольку воспринятые в качестве идейных и духовных вождей деятели западноевропейской философии, культуры и педагогики передают опыт собственных народов. Опыт русской культуры содержится не только в памятниках самой культуры, но и в языке, хранящем архетипы русского национального сознания.

ГАЗЕТА «НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ И ФАРМАЦИИ» 10 (461) 2013

А.А. Ховалкина.

д.филол.н., профессор, заведующая кафедрой русского языка

Государственного учреждения «Крымский государственный медицинский университет имени С.И. Георгиевского», г. Симферополь.

Музыка своей мелодией доводит нас до самого края вечности и дает нам возможность в течение нескольких минут постичь ее величие. (Карлейль)

Закончен путь

Закончен путь. Душа ушла в обитель
Другую жить. Земной погашен свет.
Зажгите свечи. Молча помолитесь
За тех, кого среди нас уж больше нет.

За тех, кого давно не поминают,
Оставили родные и друзья,
Кого по имени не называют,
Но приняла в объятия земля.

Закончен путь. Душа ушла в обитель
Другую жить. Земной погашен свет.
Зажгите свечи. Молча помолитесь
За тех, кого среди нас уж больше нет.

За убиенных всех на поле брани,
За веру и Отечество, народ,
За тех, кого никто уж не помянет
И слез по ним никто уж не прольет.

Закончен путь. Душа ушла в обитель
Другую жить. Земной погашен свет.
Зажгите свечи. Молча помолитесь
За тех, кого среди нас уж больше нет:

Возлюбленных Христовых архипастырей
И пастырей, монахов и мирян.
Просите Господа в Небесном Царствии
Почивших упокоить христиан.

протоиерей Василий Мазур. г.Херсонес.

«ГОНДУРАС»

Конец полевого сезона затянулся. По-северному стояла поздняя осень. Начало октября.

- Всё! - проснувшись утром в сырой тёмной палатке, промолвил начальник отряда Бакс. - Всканиваем, одеваемся, грузимся и наёмом до Харвей-Ю.

- Сена не хватит, - откликнулся водитель вездехода Юдов. - Вчера вечером мерил. Километров на сорок, ну, сорок пять. А до фактории чуть ли не семьдесят... Я предупреждал.

Сеном водитель называл солярку.

- А вы сейчас, пожалуйста, замерьте, Федя, - попросил начальник.

- Да чо его мерить-то! Не прибавилось, бат. Да и руки пачкать не хочется.

Ни один прибор в вездеходе не работал. Ни спидометр, ни показатель уровня солярки, ни сигналы поворотников. Но водитель при любом повороте в пустынной тундре налево высовывал руку, обозначая поворот налево. Или просил коллегу вытягивать правую руку при повороте направо. Хотя на сотни километров вокруг не было ни души. Кроме испуганно ныряющих в норы облезлых песцов. Да взлетающих с озёр, с недовольным гогогом, огромных стай гусей, готовящихся улетать на юг. А уровень «сена» (солярки) водитель определял рукой. Открывал крышку бака, просовывал обнажённую руку в его горловину, втыкал пальцы в дно и быстро вынимал.

- Во! - Показал Юдов свои пальцы начальнику. - До третьего фланца не дотягивает.

- Фаланги, - машинально поправил Бакс. - А вы, Федя, до дна рукой-то доставали? - недоверчиво спросил начальник. - Дай-ка я сам замерю...

Федор обиженно отвернулся. Бакс быстро засучил рукав и погрузил свою руку в бак.

- Смотри! Почти пол-ладони!

- Да у тебя, шеф, пальчики-то коротышки! Да и ладошка с кукиш.

- У меня!? - задохнулся начальник от негодования.

И они начали замерять ладони друг у друга.

- Ну всё! Кончаем замеры. Загружаемся. Вы чего там в палатке копаетесь? Юра! Серёжа! Мотя!

- Темно же! Третью ногу обуваю и всё не свою! - откликнулась повариха Мотя.

- Давайте, давайте! Видите огромные куски голубого неба, - показывал Бакс на низкое мрачное небо, без единого голубого окна. - До темноты надо успеть в Харвей-Ю.

- Если «сена» хватит, - буркнул про себя водитель.

До фактории отряд торопился по двум уважительным причинам. На завтра приходился юбилей - 30 лет со дня рождения водителя Юдова. И в посёлке их ждал богатый запас солярки для преодоления двухсот километров до базы экспедиции и конец полевых работ.

- Ну, поехали, - скомандовал Бакс, когда вездеход был загружен под завязку и все члены отряда разместились в его чреве. - Федя, - экономя сено.

- А то! - пробормотал Федот и запустил двигатель.

Через несколько часов показались глинистые обрывы мелководной речушки Харвей и с десяток деревянных домиков с покатыми крышами. Кое-где рядом с домами стояли островерхие чумы ненцев и приземистые яранги чукчей. Но прежде геологи увидели на возвышении небольшую церквушку ещё с дониконианским восьмиконечным крестом.

Проникновение славян на Север началось в 11-ом веке. Первые упоминания в летописях относятся именно к этому веку. В 1072 году дружина славян под начальством некоего Глеба проникла за Урал. В 1079 году на Северном Урале в стычках с самоедами погиб внук Ярослава Мудрого. Вероятно в эти же века началось обращение северных народов в христианство и появление первых часовен и церквушек в редких поселениях северных народов.

На звук вездехода из жилищ посыпались жизнерадостно улыбающиеся местные обитатели. В искренности их улыбок члены отряда не сомневались. Дело в том, что на летний сезон - сезон охоты, рыболовства, заготовки дров на долгую полярную зиму - в Заполярье вводился так называемый «сухой закон». Магазины факторий отпускали аборигенам только продукты и хозяйственные товары. Алкоголь - спирт, продавался лишь туристам, геологам, да гостям. Но немногочисленные обитатели факторий были уверены, что всегда поймут от долгожданных гостей чарку-другую, а если повезёт, то и бутылёк вожделенного напитка.

Вездеход, окружённый несколькими десятками весёлых мужчин, женщин, детей, медленно двигался к намеченной цели - к магазину.

- Не глушите, пожалуйста, - обратился Бакс к водителю. - Я быстро.

- Дома свободные есть? - справился он у окружившей его толпы.
- Харпуновы вчера поехали на побережье гуся бить. Через неделю только вернутся. Заселяйтесь.

- Да нам на день-другой. Торопимся на базу. Вот-вот снег ляжет...

- Ну, что, Зинаида... отчество-то я запомнил, редко видимся, - обратился Бакс к монументально застывшей на крыльце магазина продавщице. - Спирту бы нам. День рождения у водителя отметить надо, да окончание полевого сезона.

- Муж Абрашей кличет, - ответила Зина, - а вообще-то Ибрагимовна я. Сколь вам?

- Нас пятеро. По бутылке бы на лицо.

- Четыре дам. Одна мне.

- Давай, Зинаида Ибрагимовна, так: пять нам, две - тебе.

- Тогда вас, стало быть, семеро будет, так и помечу. - И достала тетрадку. - Распишись.

- Хорошо. Семеро.

- Матрена Ивановна, поищите там пустой мешок.

Мотя нырнула в брюшину вездехода и вскоре выкинула холщёвый мешок.

Через полчаса компания геологов сидела вокруг стола, уставленного малосолевой семгой, жареным хариусом, холодным гусем, мочёнными сухарями. На раскалённой плите закипал чугунный казан, над которым священнодействовала Матрёна Ивановна. Она готовила, так называемый у геологов, чаин - смесь воды, спирта, сахара и чая. В определённой пропорции. Кто не пригублял - рекомендую. Рецепт приготовления могу предложить.

В окна и двери избы то и дело раздавались робкие стуки. В избу ломались жители фактории. Геологи уже знали, что они предложат им выгодный обмен. Спирт на шкурки пыжиков. Пыжиковые шкуры оленеводы изготавливали из только что нарождённых оленят. Из каждой шкурки пыжика получалась пыжиковая шапка - ценнейшая вещь в городе. И дорогая. За каждую шапку в цивилизации можно было получить несколько бутылок спирта. Здесь же в Заполярье пастухи отдавали пять шкур пыжика за бутылку спирта. Давно установившийся эквивалент взаимовыгодного обмена между гостями и оленеводами.

- Ну что, шеф, открываем лавочку? - предложил именовник Юдов, разливая дымящий чаин по алюминиевым кружкам. - Аль поначалу пригубим?

- Вы знаете, Федя, что-то есть неэтичное во всём этом обмене.

- Какое, какое, шеф?

- Ну, неприличное это дело - обдирать бедных пастухов.

- Да вы чо, шеф! А туристы навалятся сюда? А вертолётчики присядут? Да и партийные босы из центра залетят! Они что, о приличиях будут думать? Да за бутылёк вырвут у самоедов по десятку, а то и более пыжа, и не поперхнутся! Мы-то по-божески меняем. По пять штук. Они ж не виновны, что тут сухой закон на лето установили.

- Да Бог с вами. Меняйте. Только уж извините меня, я не возьму пыжика, - тихим голосом пробормотал Бакс.

За столом стихло.

- Ну, так, - после небольшой паузы, излишне бодрым голосом заговорил Федор, - давайте решать. Одну, две бутылки отдаём?

- Лучше две. Меньше выпьете, - предложила Мотя.

- Хорошо. Две. Я сейчас, - радостно проговорил Юдов.

Водитель схватил две бутылки и выскочил из избы, не закрыв дверь.

- Держите две. С вас десять. Если дерьмовые или маленькие, завтра поменяем. Зер гуд? - услышали за столом. - И больше не ломитесь в окна. Остатние бутылки сами пригубим.

Федот быстро вернулся, уселся за стол, поднял кружку с чаином и предложил:

- Выпьем за меня!

Все выпили. И тут за окном раздался гул мощного мотора.

- Похоже вертолёт? - предположил водитель и выглянул в окно.

- Точно! Сел. Какие-то типы в галстуках выползли. Никак начальство? Чой-то их принесло? Случилось чего? А! Потом выясним. Давайте-ка, примем за шефа нашего! С ним нам повезло. Конечно, нас шибко загружал работкой... Но себя тоже, ещё больше. Грязной работы не бежал. Да и тяжкой тож. Хоть почти вон на сколь старее нас... При Николке ещё родился. За Аскольда Борисовича! Без подхалима я выпиваю!

- Ура! - приглушённо прозвучало за столом. Все встали и чокнулись кружками.

- Спасибо, вам ребята, - Бакс прокашлялся, будто приготовился что-то сказать.

В дверь уверенно постучали. Вошёл молодой человек в галстук и с зонтом в руке.

Все вопросительно на него обернулись.

- Сам прилетел, - почтительно прошелестел вошедший, и оглядел всех за столом: снедь на столе, казан с чаином, пустые кружки...

- Чо с зонтом-то? - спросил Федот.

- Так накрапывает же, - нормальным голосом ответил юноша. - Такие тучи гонит! Вот-вот грянет. Сам-то прознал, что геологи сюда прибыли, вот и послал меня...

- Куда послал-то? И что это за фамилия «Сам»? Что-то я не слышал такой, - перебил его Федя.

- Так это первый секретарь Округа нашего. Сам Василь Петрович Охрименко, - снова перешёл на почтительный шёпот человек с зонтом и в галстук.

- Вы... вот что, любезный... кстати, как вас нарекают?.. прощу к столу, - обратился к юноше Бакс. - Мы тут день рождения нашего водителя празднуем, да и окончание полевых работ. Можете поздравить нашего Федю, и нас заодно.

- Петя - меня зовут. Капельку приму за всех вас. И поздравляю. Наш-то не любит запаха от подчинённых.

- Больной, что ли? Аль трезвенник? - завистливо справилась Мотя.

Петя хватил кружку чая. Повернулся к Моте и несколько минут молчал. То ли прислушивался к действию чая, то ли подбирал выражения в каких можно ответить на вопрос. Наконец, осмотрев всех по-очереди, решил, что вокруг всё приличные, даже, может быть, и хорошие люди, при них можно. И Петя решился.

- Да какой больной! Какой трезвенник! Как вылетели из центра, тут же и запили с референтом своим, прямо на борту. А я бди!

- Петр, а вы чего до нас наведались? Помощь какая нужна?

- Ах, да! Вы же ничего не знаете! Америка, тудить её, угрожает Гондурасу! Корабли свои хочет ввести в её воды. Военные там у власти встали. Народ Гондураса поработают! Вот мы и прилетели к самоедам, чтобы заодно осудить американскую военщину. Высказать, так сказать, солидарность и поддержку свободолюбивому народу Гондураса. И вас приглашаем в церковь. Там места больше. Всех собираем. Надо осудить. Может быть и вы все поприствуете. А товарищ Бакс, как представитель интеллигенции, должен и слово сказать против американской военщины.

Тут надо сделать небольшое отступление. В 1937 году, когда Баксу было 38 лет, и он уже возглавлял кафедру географии в университете Ленинграда, состоялось заседание по осуждению врагов народа. И когда уже все, кому назначено было выступить и заклеить врагов народа, высказались, вдруг поднял руку и попросил слова Аскольд Борисович Бакс. В президиуме началась лёгкая паника, но решили слово Баксу всё-таки дать...

Бакс встал.

- Вот тут сегодня говорили много уничижительных слов о товарище Бухарине. Я очень хорошо знаю этого человека. Это удивительно умный, итelligentный и порядочный человек. И очень преданный советской власти. Он не может быть врагом народа. Если надо поручиться за него, я готов это сделать прямо сейчас. Бакс оглядел онемевший зал, и сел.

Как ни странно, это выступление Бакса не имело трагических последствий. Он продолжал возглавлять кафедру и даже выезжал на полевые работы. Правда, на геологический конгресс в 37-ом году в Москве его не позвали.

- Ну, что-ж, - вздохнул Бакс, - неприлично отказываться от приглашения начальства. Придется идти.

В церкви было полно подвыпивших аборигенов. Должно быть жители посёлка в отсутствии гостей пробавлялись самогоном. В воздухе стоял крепкий запах сивухи. Речи первого секретаря Округа, референта и председателя поселкового Совета Харвей-Ю выслушали равнодушно и вопросов не задавали. Но все послушно кивали головами. Хотя почти никто русского языка не понимал.

- Слово имеет учёный с мировым именем и хорошо известный всем самоедам советского Севера, товарищ академик Бак Арнольд Брониславич. Первый секретарь посмотрел в лежащую перед ним бумажку и добавил: - извиняюсь, Аскольд Борисович.

Бакс вышел к трибуне, оглядел с амвона зал и сказал:

- Здравствуйте, товарищи. Я - действительно академик, Аскольд Борисович. А фамилия моя - Бакс.

- Гондурас, как вы знаете, - начал Бакс, - расположен в Центральной Америке и занимает северную часть центральноамериканского перешейка. На юге Гондурас граничит с Никарагуа,

на западе с Гватемалой, на юго-западе - с Сальвадором. На севере и востоке Гондурас омывается Карибским морем, на юго-западе выходит к Тихому океану. Большую часть территории составляет нагорье (высотой до 2870 м), сложенное преимущественно архейскими кристаллическими и метаморфическими породами, на юге - кайнозойскими лавами. Гондурас славится богатыми природными богатствами: лесом, золотом, серебром, медью, свинцом, цинком, железной рудой, рыбой. Это экваториальная страна. С богатым животным миром. По всей территории страны водится большое количество диких животных. В этой стране встречаются различные виды животных - медведи, обезьяны, дикие свиньи, тапиры, барсуки, койоты, волки, лисицы, ягуары, пумы, рыси, редкие чёрные пантеры. Также обитают пресмыкающиеся - аллигаторы, крокодилы, игуаны и змеи. И большое количество других видов. Гондурас населяет гордый и независимый народ. Главной достопримечательностью Гондураса являются руины древней цивилизации майя. Население Гондураса в основном индейцы...

- Чёрные, что ли? А какая рыба у негров водится? - выкрикнул кто-то с улицы.

- Товарищи самоеды! Товарищи самоеды! Вопросы академику надо задавать после доклада, - выкрикнул секретарь, привстав. - Артём Брониславич ещё не закончил доклад. Артём Брониславич, вы же осуждаете американскую военщину? - И понизив голос, добавил: - Товарищ Бак, мы страшно ограничены временем. Может быть, про негров и рыбу потом ответите, когда мы улетим? Я извиняюсь. Про Америку обязательно надо сказать.

- Меня зовут Аскольд Борисович. Я закругляюсь. Да, конечно, я осуждаю всякую военщину. В Гондурасе власть была в руках военной диктатуры, а теперь власть перешла в руки народа. Сейчас в Гондурасе введено всеобщее бесплатное образование. А обязательная служба в армии составляет два года. На этом я завершаю свое выступление. Теперь можете задавать вопросы.

И вопросы поспались.

- Если утром выехать из Харвей-Ю на оленях, когда доберешься до Гондураса? - был первый вопрос.

- А почём в Гондурасе бутылка спирта?

- А как величают первого секретаря фактории Гондураса?

- Сколь стоят пыжи в Гондурасе?

- Митинг, товарищи самоеды, закончен. Жители Харвей-Ю единогласно осудили беспардонное вмешательство Америки в судьбу свободолюбивого народа Гондураса. - И секретарь повернулся к Петру.

- Ты... вот что, Петя, - вполголоса проговорил ему на ухо секретарь Окружкома: - задание не забыл?

- Да что вы, Василий Петрович, как можно!

- Сегодня же обойди самоедов. Ступай. Да гляди там... Кстати, ты, Петр, всех выступавших запротоколировал? И все осуждают? Вставь там парочку выступлений самоедов, недозвольных военщиной. И пометь: «Все единогласно осудили американскую военщину; и академик - тоже». Понял? Ну, иди.

- Как не понять, товарищ *первый*. Не впервой. И Петр вышел.

И тут же наткнулся на экипаж вертолёта.

- Послушай, как тебя, Петр. Доложи своему..., что если через полчаса не вылетим, аэропорт Округа закроют. Дня на три, а то и больше. Мощный дождевой фронт надвигается. Может быть, и снеговой.

- Я сейчас. Я быстро. Только забегу в избу и доложу *первому*.

Петр заскочил в дом, достал из сумы несколько бутылок спирта и рысью помчался обегать яранги и чумы самоедов.

В первой же яранге старуха чукча долго трясла головой и что-то бормотала на родном языке в ответ на предложения Петра. Петр, потрясая бутылкой спирта, пытался донести до старухи свои предложения.

- Мать, пыжик имеется? Ну, этот, новорожденный теленок. Бэби... этого... - он изобразил растопыренными пальцами рога над головой. - Как это ... сучако, что ли... - пытался он перейти на местный язык. - Смола пыжик, - припомнил Петр, застрявшие в памяти ещё со школьной скамьи английские слова: таузанд... э... тен сучако, пыжик...сори, сори...

Петя учился в советской школе. Иностранный язык им преподавали невнятно и равнодушно, боясь, как бы они, сдру, не выучили язык. Они и не выучили.

- А! - Махнул Петр бутылкой, и помчался к следующему чуму.

Там, на его стук, вышла молодая ненка с ребёнком на руках.

- Смола, бэби, сучако, пыжик, тен... - вывалил Петр все известные ему слова на молодую женщину, потрясая бытылкой. - Пыжик, девушка... пирибтя, - вспомнил Петр, как звучит на ненецком языке слово «девушка». - Сучако мне, тебе - вот, - показал он на бутылку.

- Никого нет дома. Муж в церкви, - неожиданно, на чистом русском языке, басом ответила ненка. - Без хозяина не могу. Вернется наны после собрания, - доложила женщина, не спуская глаз с бутылки. - Так что сох! Пусто!

- Чёрт! - ругнулся Петр. Взглянул на часы. Охнул и помчался обратно к церкви.

- Товарищ Охрименко! Товарищ Охрименко! - закричал он прямо с порога церкви. - Командир вертолётки заявил, что аэропорт Округа через час закроют. Надо срочно вылетать. Фронт надвигается. Снеговой.

- Сколь пыжов наменял? - сурово спросил секретарь.

- Да сох! Все наны, ири, - вдруг, переходя на ненецкий, заговорил Петр, - тут, у вас на митинге...

- Чего? Чего? - изумлённо переспросил Охрименко.

- Ну, эти, самоеды мужского пола: парни, старики. А пухуцы, пирибти, нецекэны ничего о сучако не ведают.

- Ты что, обалдел с этими самоедами? Чего ты сейчас наплёл?

- Да старухи, девушки, дети - без мужчин - ничего не знают о сучако, - отчаянно выкрикнул Петя.

- Стало быть, нет пыжов? - зловеще заключил секретарь. - Тогда сделаем так. Сколь у нас коньяка там осталось?

- Так всю ночь сидели. Ничего и не осталось, - робко ответил Петя.

- Спирта?

- Семь.

- Значит, поступаем следующим образом. Бегом за бутылками. Две оставляем на обратный перелёт. Пять передай Баку. Пускай обменяет на пыжов у самоедов.

- Они меняют пять шкурок за бутылёк.

- Пускай требует семь. Скажи для меня. Передай, и бегом в вертолёт! Может быть, успеешь. Шучу. Да! Возьми у геологов малосолевой семги.

Лопасты вертолётки уже вращались, когда Петр ввалился в его нутро. И вертолёт взлетел.

- Вот, - едва отдышавшись, почтительно доложил Петр, - бумаги протокола митинга.

- Да убери ты их! Налей нам по первой с референтом. И не разбавляй. Где семга? - И помолчав, секретарь Окружкома огорчённо добавил: - Ни одного пыжа не везём. Выходит, зря прилетали!

Только-только вертолёт оторвался от земли, как на Харвей-Ю обрушилась стена ливня с градом. Люди и собаки попрятались по домам и жилищам. Посёлок вымер.

Проснувшись утром и выглянув в окно, геологи не узнали мелководной речушки. Река вздулась. За ночь её уровень поднялся метра на два-два с половиной. Дождь не прекращался.

- Однако, не засеть бы нам здесь. Как будем переправляться через реку? - задумчиво спросил Бакс.

- Полагаю, ливень скоро кончится и река обмелеет, - заявил Федот.

- Вы... вот что, Федя, прогуляйтесь-ка до шамана, да повыспрашивайте у него - как долго ливень будет продолжаться. Ещё спроси, сколько времени в реке будет стоять большая вода. Может быть, он посоветует, где найти посудину, чтобы переправить вездеход через Харвей.

Федя набросил на себя брезент и вынырнул на дождь. Через час вернулся.

- Вот гад! Шаман, а по-русски шпарит лучше меня! - войдя в избу, высказался водитель. - Значит так. Дождь будет продолжаться три дня и ещё четыре часа, сказал шаман. Но я ему не верю. Вода в Харвейке будет стоять высокой дней семь, а то и восемь. Пока вся тундра не «обыгает». Большегрузные доры и баржи из-за малой воды скатились километров на сорок ниже по реке. И чалятся в Хорей-Вью. А капитаны там пьют самогон и никуда идти не собираются. Шаман обещал связываться с ними по рации: вдруг кто-то захочет перевезти вездеход через реку. А где Гондурас? - оглядев коллег, справился Федя, - ну, Аскольд Борисович?

Все засмеялись. С этого дня коллеги Бакса, а позже и все сотрудники института в Ленинграде, стали называть его за глаза «Гондурасом».

Дожди не прекратились и на третий день. И просвета в тучах не было. Река всё больше выходила из берегов и уже подтопляла яранги чукчей и чумы ненцев. Они спешно разбирали свои нехитрые жилища и перебазировались на возвышенные места.

Бакс каждое утро наведывался к шаману.

Просил его обещать капитанам барж рассчитаться с ними спиртом за перевоз вездехода через Харвей. Никто пока не соглашался... На четвертый день, рано утром, когда все ещё спали, в дверь к геологам требовательно постучали.

- Кто? - сонным голосом справился Федя.

- Вездеход тут желают перевезти? - раздалось за дверью.

Федот быстро вскочил и открыл дверь. Перед ним стоял невысокий человек в белом кителе, в фирменной фуражке с кокардой. Под лаковым козырьком светилось бессмысленной улыбкой тёмнобагровое лицо. Вероятно, от регулярных возлияний. Федя опустил глаза ниже и увидел, что человек был босиком и с засученными до колен штанинами. В руках он держал рупор.

- Ты кто? - перевел Федя свой взгляд на лицо пришельца. - Зачем рупор-то?

- А вдруг спите? - ответил человек с рупором. - Спирт покажь! - требовательно попросил босоногий человек.

- Гондурас!.. э... Аскольд Борисович! Тут гражданин в кокарде и с рупором. Объяснитесь с ним.

- Прошу в избу. Вы кто?

- Я капитан баржи, - икнул капитан, обдав всех ядрёным запахом самогона. - Мы всю ночь шли к вам. Спирт покажь!

- Послушайте, капитан: за перевоз вездехода на другой берег мы вам даём одну бутылку спирта. Но если вы возвращаетесь в Хорей-Вью, можете сплавите нас до посёлка за две?

Капитан долго шевелил губами, оглядывал столпившихся вокруг него членов отряда и, наконец, вымолвил: - Три будет как раз на весь экипаж.

- Команда-то большая? - справился Бакс. - И как вас зовут?

- Трое. Водитель, лоцман, я, - перечислил капитан. - Сургуч, кличут меня.

- А имя, имя отчество ваше?

- То-то и оно! Запомню я имечко-то своё. Кажись, Витёк? Нет, это не я. Сургучом кликайте.

- Послушайте, Сур... капитан. Третья бутылка неполная у нас. Пригубляли мы. Погодка-то вон какая! А в магазине больше не дают.

- В бутылке больше половины? Меньше?

- Больше, пожалуй. Вот, - показал Бакс спирт Сургучу.

Капитан задумался на мгновение, оценил содержимое бутылки, и сказал: - Грузитесь! И бутылки - вперёд...

Через пятнадцать минут все были на берегу.

- А баржа где? Экипаж? - спросил Федот.

- Я водитель. Я лоцман. Я капитан. Трое, - отрывисто проговаривал капитан, прерываясь на глотки из горлышка бутылки со спиртом. - Баржа - вот она, перед вами.

- Послушайте, капитан! - изумлённо воскликнул Бакс, - на неё же вездеход не поместиться!

- А вы его поперёк ставьте.

Геологи достали с баржи трап. Приставили его к барже. Федя завёл вездеход и медленно пополз по трапу на середину баржи. Затем перевалился на неё носом. Продвинулся ещё на полметра вперёд и навис кабиной над водой, за левым бортом баржи. Задняя часть вездехода тоже выступала над водой по правому борту судёнышка. Баржа просела выше ватерлинии. И угрожающе закачалась на воде...

- Сургуч! Мы же перевернёмся и все утонем! - заревел Федот.

- Ну я же с вами буду! - невозмутимо парировал капитан.

- Значит так. Послушайте технику безопасности поведения людей на транспортном средстве на воде. Все распределяемся равномерно по барже. Два человека по левому, два человека по правому борту. Один стоит на носу, я за штурвалом на корме. Главная ответственность - у вперёд-смотрящего, на носу. Бдеть, чтобы не наскочить на камень: тогда, конечно, перевернёмся. Хотя камень в мутной воде и не усмотреть. Да и я вряд ли успею отвернуть. По барже перемещаться медленно, баржу не раскачивать. Ну, поехали!

И баржа, переваливаясь с борта на борт, понеслась вниз по течению, только чудом не опрокидываясь...

- Надо было вездеход закрепить. Видите, как перемещается? Балансу бы не нарушил. Ха! Смотри, - обращаясь к Баксу, показал он карту-лоцию: обстановку по берегам - бакены - неправильно поставили! Во дают! - и хлебнул спирта.

- Да вы, капитан, карту-то вверх ногами держите! - заметил Бакс.

- Ха-ха! Ха-ха! - А помните, как увидели, что капитан спит за штурвалом? Хорошо Бакс заметил!

- Да не Аскольд Борисович заметил: Мотя! Это Мотя увидела! И вовремя! А Бакс успел перехватить штурвал и увернуться от берега...

- А капитан молодец! Только вошли в посёлок, он очнулся. Схватил штурвал. Причалил к дебаркадеру. Сбросил якоря и опять уснул.

- А когда мы разгрузились и уходили, он проснулся, и абсолютно трезвым голосом спросил: - Покажь спирт!

- Давайте выпьем за него! Всё-таки, он профессионал! Ведь благодаря ему мы все живы остались!

- Или вопреки!?

Перебивая друг друга, члены отряда Бакса сидели за столом в его кабинете, в Научном институте Ленинграда. Вспоминали прошедшие полевые работы, смешные и трагические случаи. Выпивали, смеялись, грустили и радовались.

- Друзья мои! - Бакс встал и поднял бокал. - Я хочу выпить за вас. И большое вам спасибо за совместные прошедшие годы полевых работ. Грустно, что нам больше не суждено будет поработать вместе. С первого декабря меня отправляют на пенсию...

- А мы приготовили вам подарок, - объявил Федот. - Мотя, вручай!

Мотя нагнулась, достала из-под стола бумажный пакет и вынула из него пыжиковую шапку.

- Примерьте, Аскольд Борисович.

Бакс надел шапку и изумлённо восхитился:

- Надо же! Абсолютно мой размер! Как это вы угадали?

- А помните, Аскольд Борисович, как у вас в конце сезона пропал ваш картуз? Это мы его «попятели» - для размера. Мы уже тогда решили подарить вам шапку. А картуз возвращаем, - и Мотя протянула ему картуз.

В конце декабря, незадолго до Нового года, Мотя, с только что купленной на вокзале ёлкой, спешила домой. Пробегая сквозь толпу пассажиров спешащих на электричку, Мотя уткнулась головой в человека с двумя сумками.

- Ой! Извините! - и подняла голову. - Гондурас! Миленький! - и смутилась: - Аскольд Борисович, здравствуйте! Я так рада вас видеть. Как вы? Где вы? Что подельваете?

- А вы? Вы, Мотя?

- Вы знаете, Аскольд Борисович, я вышла замуж. За Федю. Он снова в экспедицию собирается.

- От всей души вас поздравляю. Он хороший. Надёжный парень. А меня недавно шаман разыскал. Помните такого? Он совсем и не шаман. Он ссыльным был в 37-ом. Бежал. Пристал к нецам на севере. Прижился у них. Лечил их. Он, оказывается, был известным терапевтом. Лекарства выпрашивал у геологов, туристов, вертолётчиков. Потом погоду местным жителям предсказывать стал. Всё-таки учёный... Они и признали его за шамана. Он снова уехал к ним. Юру-ботаника не забыли? Серёжу-климатолога? Они пробились в Антарктиду. Ну, что, Мотя? До свидания. Пожелаете меня навестить, буду очень рад. Вот вам моя визитка: здесь мой телефон в городе и адреса. А я побегу - сейчас электричка отходит. На даче жена, дети, внуки ждут...

Бакс поднял сумки и зашагал к вагонам.

Мотя долго смотрела в след согбенной фигуре. И подумала, что Аскольд Борисович сник не потому, что постарел. А потому, что вдруг стал никому не нужен. И, главное, своей науке, которой отдал всю свою жизнь...

- Миленький, миленький Гондурас! - прошептала Мотя, и вытерла слезу.

ГЕННАДИЙ ГОНЧАРОВ

*Чтобы отличить настоящие швейцарские часы от поддельных,
бросьте их со всей силы на бетонный пол салона-магазина.
Если часы настоящие, продавец должен тут же умереть от разрыва сердца.*

МОНИСТО...

Как же мне хочется высунуть подальше свою босую невытую ногу и понажимать прохладную широкую педаль бабушкиной прялки. Но бабушка мне не раз-решает. Она считает это вредным баловством. Если мне доверить эту весёлую и не трудную работу, то я раскручиваю колесо так, что и фигурных спиц становится не видно. Как завод-раживающе легко раскручивается большое колесо и мягко постукивает дубовый шатун. И так можно делать, только когда бабушки нет дома. Не дай Бог она это увидит, обязательно на-кажет, потому что так запросто могут слететь и запутаться просмоленные лиственной смолой шкивы-верёвочки.

Сама она сейчас сидит на табуретке, придвинув прялку поближе к свету, к большому открытому окну. И склонив голову набок, чтобы лучше видеть своими уже слабыми глазами пряденную нить, скорее даже не зрением, а на ощупь медленно прядёт белую, прочёсаную колючими щётками овечью шерсть. Прялка у неё крутится медленно, не то что у меня, поскрипывает глухо и успокаивающе. Прямо уснуть можно, глядя на такую картину. А я вот сижу возле бабушки, на низенькой крашенной масляной краской скамейке, ем самый вкусный в мире калачик посыпанный сахаром, запиваю топлённым молоком из фарфоровой кружки и краем уха слушаю её неторопливую речь...

- Когда я маленькой была, солнышко из-за леса у нас всходило раненько-раненько! Ой, как рано..! Раньше, чем и петух наш старенький на плетень запрыгнет! Проснусь, когда глазам уже от белого света становится больно. А я всё равно лежу, жмурюсь, свои вышиванки из красивого мулине, что ночью снились досматриваю. Мама подойдёт ко мне, шлёпнет меня тёплой ладошкой тихонечко и скажет: «Вставай Наталочка, моя засоня лохматая! Всё царство Божие сегодня проспшишь! Вон тебя уже и женихи за воротами наверно ждут, с самой полуночи - Богданка Рудый да Василько Кот!» И пойдёт себе дальше рогачами, да чугунами с варёной картошкой и буряком в печи греметь. А в хате уже так пахнет хлебом и картошкой пригоревшей поверху в чугунке, что и слюнки текут, а ещё пахнет дымом от соломы, что мама в печку подкладывает, чтобы жар долго держался. И ходики цокают и цокают, кто их там шевелит за стрелки и кукушке улетать не даёт? И Никола Чудотворец тоже уже вместе со мной проснулся, смотрит с иконы строго, следит за мной. Брови нахмурит и рукой грозит. Никуда от него в хате не спрячешься!

Выбегу я во двор, сяду на крыльчке в одной рубашке. Батько рано на пашню уехал, и сестры и брата с собой увёз. А я ещё мала совсем, мы вдвоём дома с мамой. А во дворе уже куры между собой разговаривают, лапами, как граблями землю под плетнями пушат, да со мной здороваются, да собака Сирко задней лапой шерсть лишнюю с ушей и с бороды вычёсывает под старой яблоней, калачиком согнувшись. Глазки на плетне блестят и двор сторожат. Утро тёплое-тёплое. Тучек на небе нет. Коровки только тихо мычат на задах и поросятки где-то тихонько хрюкают, маленькие и розовые как булочки на Пасху.

Как же красиво нам Боженька всю землю устроил! Всё поставил на свои места! Небушко васильковое сверху прилепил, земельку тёпленькую снизу расстелил и травкой её мягкой посыпал, а по бокам речку небольшую выкопал Гарнуську, да с другой стороны ставок с рогозом глубокий, так что и дна в середине никто не пробовал! Говорят, там чёрт дом хотел в воде построить, а дна не достал. Сзади деревни лес дубовый Боженька насадил, с жёлтенькими и белыми мотыльками, чтобы дубы небо ветками в дождь подметали, когда тучи низко, да желудями об землю ночью стучали, а в начале деревни - тополя да терен, чтобы пух по небу летел и сладко было! А колючки у терена для того, чтобы Богданка да Васька ветки не ломали.

Покличет меня мама: - «Иди сюда Наталочка!», - я подойду, а она мне даст узвар из сладких груш и кисленьких слив, а пока я пью, она мне по головке гладит, лицо мягкой ладошкой из кадки сполоснёт, да ленту червонную в косы вплетёт. Чтобы я самая красивая была. Значит, к лавочнику, седому деду Скрылю сейчас отправит. Денег-то я тогда ещё совсем не понимала. А давала она мне тогда медный алтын, что три копейки по вашему будет. Была я тогда совсем малой, годов пяти, и кругляшок на ладошке ещё не помещался. Выйду я из двору, да так и перекарываю его по дороге из руки в руку.

А в деревне ходить интересно, только собак двух соседских страшно бывает. И хоть никогда не кусаются, да уж больно большие они и чёрные, когда подбегут и станут нюхать мои руки, что ещё грушами печёными пахнут, и коленки мои. Понюхают меня всю, хвостами помашут, да и побегут дальше кого-нибудь нюхать своими мокрыми носами. Неинтересно им со мной, больно маленькая я, и играть с ними боюсь. Большие собаки и лохматые, больше меня ростом.

Одного звали Сатана, а другого Жуба. На улице мало кто уже ходит, мужики на работу уехали в поле, по хатам только старухи сидят да детишки бесштаннные, да мои подружки - Ченчиха и Марийка.

А там дальше по улице музыка из трубы играет. Там, у самого переулка стоит высокий поповский дом. Поп сам уже старый, попадя у него толстая, а сын их опять из города Харькова приехал, где хаты стоят одна на одной и есть дорога, сделанная вся из железа. И телега с многими колёсами и большим самоваром по ней бегают. Так тату маме моей рассказывал. Окошко у них открыто, а в окошке цветная труба выставлена. Блескучая как стекло. И из трубы гармошка играет и люди поют. И по-нашему и совсем когда непонятно. А то и скрибка тоже. Это граммофон! Как сын поповский приезжает, так и сразу музыку на граммофоне начинает играть с самого утра и до вечера. Кто не идёт все останавливаются послушать. Такое чудо, людей нет, а голоса ладно поют. И всё понятно. Когда вечером и человек с десяток под окном стояло, так что и плясать хотелось. И я стану, долго могу стоять слушать, и забуду уже, что и в лавку мне надо. А песни всё разные и разные. Сколько же песен есть на земле? Столько, одному и не упомнить.

А было у поповского сына ещё одно диво - велосипед. Вот уже совсем чудно. Всего два колеса, а как-то едет не падает на землю? Выведет он со двора, колокольчиком потилинькает громко, сядет и поедет по улице до ставка. Едет и не падает, вот нам удивительно. Не было больше ни у кого в деревне, вот и чудо. А если Ченчиху, мою подружку покатает, то та потом целый день улыбается. Поповская толстая жена, у неё в родне далёкой была.

Красивая музыка и труба красивая, а мама уже дома и потеряет совсем меня. Жалко уходить, а надо уже идти. Лавка у нас стояла через широкий майдан, напротив высокой белой церкви. Лавочником, был старый дед Скрыль. Таким он мне тогда был старым, что у него волосы прямо из-под глаз росли, такая борода была красивая. Сверху рыжая, а снизу белая. Не знаю я, добрый он был или злой, а только меня любил. «А! - скажет он, - вот она Наталка, Богданки моего унука невеста пришла! Какая же ты у нас в деревне красавица! Пряник с мёдом! А лента у тебя, какая красивая! Когда будешь свадьбу ж играть, меня тоже не забудь, позови обязательно, а то обижусь. Мы тебе с дедом Ревой на скрипке, да на бубне сыграем. А «Дурный як сало» нам на гармошке подыграет и гопака станцует. И горилку за тебя выпьем после церкви и сливовицу свою принесу. Если завтра не помрём. А если раньше помрём, так ты всё равно к нам тоже приди. Не хочу, чтобы одни бабки старые на меня красивого в последний час смотрели. Грехов-то на мне много, в рай Петро меня не пустит, чтобы я сверху на унуков и правнуков смотрел, - прямо в пекло меня, старого грехуна сразу отправит. Приходил уже во сне ко мне, сказал, что должность мне держит. Чертям копыта подковывать, да раскалённые угли под сковородками пересчитывать в жмене. Чего там, мамка твоя тебе наказала Наталочка?»

И я протяну ему мокрый в ладошке алтын. А он на весах с гусиными клювами, отвесит фунт сахара в промасленную бумагу и снимет с медного крюка связку калачиков на конопляном шнурке и повесит мне на шею, как монисто у невесты. И даст на обратную дорогу, от себя, семечек или сушеного чернослива, что у него в ладичке за мешками для угощения стоит. А связка такая большая и длинная, что висит она у меня от шеи до самой земли и босых ног. И он возьмет и ещё два раза её на шею повесит-обернёт или под руку пропустит, как котомку у прохожего до лавры.

И побегу я быстрее домой. Бегу и думаю, а какую песню теперь у поповского дома из красивой трубы играют? Постоять бы, опять послушать. И как бы мне опять Сатану и Жубу не встретить. А ну как отберут калачик с вязанки, а то и два? Будет мама потом ругаться. И не разрешит больше трубу у поповского дома слушать и на велосипед смотреть? Я иду домой и солнышко светит, и тёплый ветер ленту мне по спине перекладывает, - это Боженька на меня тёплым воздухом дышит - охраняет, чтобы Сатана и Жуба меня не нюхали и калачик не отбирали. А мама уже меня ждёт, стоит у раскрытых ворот и выглядывает меня издали - где там дочка потерялась? Не украли ли её чёрные цыгане, а то посадят под юбку и уведут из деревни в табор, держа за червонную ленту? Увидела меня, улыбается...

Калачик мой с сахаром уже доеден, молоко из фарфоровой кружки допито. Прялка постукивает равномерно, закручивая ниточку на большую деревянную катушку. И бабушка перебирает пальцами шерсть и смотрит в окошко, и, наверное, видит там, за стеклом, маленькую пятилетнюю девочку со связкой калачиков на тонкой шее вместо бус. И мне жалко, что нельзя мне ей помочь, покачать широкую деревянную, прохладную педаль прялки. И колесо у прялки крутится, словно едет по нескончаемой дороге - туда, где осталось бабушкино детство...

На халяву

*«Дорогие гости,
не надоели ли вам хозяева?»*

- Валяй, сынок, звони в Брисбен! Пора устраивать себе пристанище...
- Пап, да моя Людка с Ларисой не очень... Говорит, там такой снобизм... мол, «как это - без нас? да ещё с ребёнком!»

- И от кого же это зависит? Муж ты Людке или кто?

- Да не может она приказать сестре...

- Ладно, чёрт с ней. Будем звонить Борису: авось, не забыл, как они с отцом Мелетием двенадцать лет назад в Россию приезжали, как я их обоих по нашей рязанской Ухановке возил. Вот пускай теперь и...

Руслан начал набирать междугородний номер. Когда в трубке щёлкнуло, передал телефон отцу и быстро прибавил:

- Сразу-то про жену с Натаськой не говори.

- Эт кто будет - Маша? Здрасьте! Соню-то помните? Гостинчик вам послала. Кто я? Да я из Ухановки, что приютилась на рязанской земле. В общем, я сейчас в Сиднее: приехал к сыну на побывку. Да. На Сидней уже вдоволь насмотрелся. Теперь готов посетить ваши края...

В трубке повисла пауза, затем послышался неуверенный вопрос:

- Простите, а с кем я говорю? Кто вы? И кто такая Соня?

Кузьма Мартыныч перевёл дух и терпеливо повторил:

- Ну да, мы-то с вами не знакомы. Но с Соней, моей женой, вы когда-то встречались в России. Как не помните?! Есть фото. Это произошло ровно восемь лет назад. Правда, всего один раз. Да. В нашей рязанской деревне. В Ухановке. А ещё за четыре года до этого - то есть, двенадцать лет назад - я вашего Бориса и отца Мелетия по всей Ухановке возил, чтобы они с рязанской землёй познакомились. Оба к нам тогда пожаловали. Правда, случайно. На полтора дня всего... Зато весело было.

- Простите, я ничего не понимаю...

- Стоп. Передаю трубку сыну.

- Здравствуйте, Маша. Я - Руслан. Какой Руслан? Нет, я не Сонин сын, у отца раньше была другая жена. Мы с папой собираемся приехать в Брисбен; наши родственники туда недавно переехали, купили хороший дом. Что? Где останавливаемся... э-э-э...?

Кузьма Мартыныч вплотную прикинул к телефону. При последних словах Руслана, сильно ткнул сына в бок.

- Можем остановиться у вас, - почти выкрикнул Руслан. - Аллё! Вы здесь?

- Чё - опять замолчала? - шёпотом спросил Кузьма Мартыныч. - Смотри, не уппусти шанса!

- Маша, вам подходят последние числа января? Всё. Тогда делаем билеты на самолёт. Пробудем у вас 3-4 дня, а потом двинемся дальше. Отдыхать. Куда? Да к морю, на ваш роскошный Голд Кост.

- И сколько же вас... кто именно приезжает? - наконец уловил в трубке Кузьма Мартыныч. И он яростно тряхнул пальцами сыну: - «ДВОЕ», только «ДВОЕ»!

- Нас будет двое, - сказал Руслан, - я и отец.

- Уф! Наконец-то, - похлопывая себя по животу, развалился в кресле Кузьма Мартыныч. - Ладненько дело обтяпали. Хоть раз сынок не подвёл...

Руслан усмехнулся:

- Ладно, пап, ты давай, не того... Мать мою бросил, а я, вишь, пригодился. Только потому, что из России смог выбраться и теперь живу прилично?! А ну как Софья тебя дома не узнает, и ты в Ухановке останешься один: за два-то месяца на моих сиднейских харчах вон какую рожу отъел: чистый монгол!

- Ты мне мать-то свою не поминай! Не хотела ведь, тебя... того... И кабы не я... - буркнул Кузьма Мартыныч, но, шлёпнув ладонью по колену, оборвал себя на полуслове. - А Соня сейчас очень даже сгодилась: хоть и хреновый, а всё ж от неё гостинчик Маше везу. Считай, халява нам обеспечена.

Через две недели Кузьма Мартыныч снова позвонил Золяковым.

- Маша, позовите к телефону Бориса!

В трубке раздался голос Бориса. Кузьма Мартыныч закричал:

- Едем, Боренька, едем! Радость-то какая! Выпьем с тобой за встречу. Жди. Да, вот ещё: с нами будет жена сына... Да, жена. И ребёнок ихний. Но это потом, не сразу. Ты чё - глухой? Я же сказал «не-сра-зу»: ты их через пару дней в аэропорту подберёшь...

Он бросил трубку:

- Чё-то Борис мямлит... Тугой на ухо стал, что-ли?

- Может не понял? - спросил Руслан.

- А наплевать, понял он или нет! Будет так, как надо. К тому же, как я помню, он поклядистый, не умеет сказать «нет».

После плотного обеда Кузьма Мартыныч захрапел. Разбудил мобильный телефон, - Машин номер. «Не стоит отвечать, - пробормотал он вполголоса. - И Руслану незачем говорить: мало ли, а вдруг Маша все планы испортит?».

Кузьма Мартыныч снова завалился на диван. Но поспать не удалось, опять запел мобильник. Опять сообщение от Маши: «Кузьма Мартыныч, вышло недоразумение: мы договаривались, что приедут двое. А теперь - вся семья? У нас проблемы. Извините, принять не можем. Срочно перезвоните».

Кузьма Мартыныч поёжился. Показал сообщение Руслану.

- Что будем делать, пап?

- А ничего! - резко выпрямился Кузьма Мартыныч. - Едем, да и всё. Там разберёмся.

- Но ведь, говорит же: проблемы.

- Чёрт бы её побрал с её проблемами! Нас устраивает, значит, едем!

Прошёл час. Трезвон мобильника: снова Машин номер! Кузьма Мартыныч вздрогнул - и накрыл телефон подушкой. Следующие два звонка было не так слышно.

В полночь Машин номер высветился опять: «Кузьма Мартыныч, вы не ответили на мои звонки и три сообщения. К нам ехать нельзя». В ответ грузная фигура сонно повела плечами - и развалилась перед телевизором.

Руслан вырвал из-под головы отца подушку, швырнул на пол:

- Ты хоть понимаешь, что мы можем приехать под закрытые двери?

- А ты чё - бедный, что ли, на мотель не хватит? Вон какой дом отхватил в дорогом районе...

- Я на тебя уже потратился, в копеечку мне влетел! Хватит, дураков больше нет.

- Не суетись! Скорее звони Нинке, сестре Бориса: во-первых, они с Соней хорошо знакомы, и потому она знает обо мне; а во-вторых, Нинка наивна: стоит кому-то назваться «православным», как она тут же из кожи полезет, чтобы всё уладить. Ну и мне, как пить дать, уладит: в нашей деревне я тоже числюсь православным. Так что, обойдётся.

В эту ночь телефон не замолкал. Наконец Руслан облегчённо вздохнул:

- Всё. Пронесло. Едем. Правда, Борис сообщил сестре, что Маша больна. Но в общем, всё готово к нашему приезду.

Через два дня Борис Золяков подвёз гостей к воротам своего дома. Отпихивая заднюю дверцу кузова, Кузьма Мартыныч с трудом протиснул живот и вылез из машины. Успел шепнуть Руслану: - «Хм, домик поскромней твоего будет... Зато кирпичный, в два этажа, и две машины во дворе».

- Ну что, Боря, - закричал Кузьма Мартыныч, - будем челомкаться? В аэропорту не вышло - давай здесь, мы же русские! Вот радость-то какая! Наконец-то, мы с тобой встретились!

Во дворе показалась женщина.

- Никак, хозяйшкa? Маша..? - раскрыл объятия Кузьма Мартыныч и ринулся к ней навстречу. - Сколько лет, сколько зим! А я вас сразу узнал...

Женщина вежливо поздоровалась, но от объятий уклонилась.

- Вы меня с кем-то путаете. В России вы встречались с Борисом.

- Как? А фотка! Вот она... - Кузьма Мартыныч достал из нагрудного кармана снимок: - вот, вы вместе с Соней сняты в нашей Ухановке.

- Ах да... Соня. Господи, как же давно это было! Мы с Борисом тогда в Москве находились, по работе. К вам в Ухановку попали случайно, проездом. Пожалуйста, проходите в дом.

Пока Борис помогал Маше подняться по лестнице, Кузьма Мартыныч мигом оглядел гостиную, локтём подтолкнул Руслана и одними губами проговорил: "Богатенько живут. Неуди-

вительно, что Боренька столько лет деревню нашу содержит. Надо ему ещё кой-кого подкинуть..."

Поток шумных возгласов начинает иссякать. Гостеприимный, но молчаливый Борис больше слушает. Вот-вот повиснет неловкая пауза...

- Вы, наверное, устали с дороги, хотите отдохнуть? - и Маша повела гостей в отведённую для них комнату.

Руслан отправился принимать душ. Кузьма Мартыныч долго возится в недрах чемодана: достал небольшой свёрток, Сонин гостинчик для Маши, но, повертев его в руках, положил назад, поглубже. Вдруг поднял голову - и увидел в зеркале своё отражение. Подошёл ближе. Приосанился. Повернулся во все стороны. Попробовал втянуть живот: не втягивается! Похлопал себя по одуловатым щекам, потом изловчился - и оттянул в стороны. Плюнул, и пошел в столовую.

Маша накрывала к обеду. Не дожидаясь приглашения, Кузьма Мартыныч уселся за стол, туда, где закуски интереснее. Подтянул к себе ветчину, потом запустил пальцы в миску с салатом, вытащил оттуда огурец, и с наслаждением принялся жевать.

Маша смутилась:

- Сейчас, сейчас... я скоро закончу... все сядем...

И вдруг спросила:

- Кузьма Мартыныч, вы получили мои сообщения по мобильнику?

Кузьма Мартыныч поперхнулся. Но, глянул Маше в глаза и спокойно ответил:

- Нет, ничего не получал. Никаких сообщений не было.

Маша опустила голову. Не сказав ни слова, вышла в кухню.

В столовой показался Борис.

- Ну что, можем начинать?

- А куда спешить, Боренька? Руслан всё ещё моется: слышишь, вода за стеной льётся? Мы ведь до Ухановки в Москве жили, привыкли часами стоять под душем... Сейчас и я пойду.

Заметил, что Маша вопросительно посмотрела на Бориса.

- Ах, да! - усмехнулся Кузьма Мартыныч: - Руслан дома тоже не велит плескаться дольше трёх минут, мол, «в Австралии такое правило». Но здесь-то мы гости...

Обедать сели часа через полтора.

Борис выставлял бутылки спиртного. Сам почти не пил, всё гостям подливал. Маша хлопотала на кухне, едва успевая подавать новые блюда, и тут же уносила пустые тарелки.

- А ты знаешь, душа моя, - задорно поглядывал на хозяйку Кузьма Мартыныч, - знаешь, чё на Руси в старину говорили: «Всё, что в печи, на стол мечи!»

В кухне грохнула посуда. И следом послышался приглушённый голос Бориса:

- Пойди, приляг.

- Это каким же образом?! Не видишь, что-ли..?

Борис вернулся в столовую. Разговор не клеится. Кузьма Мартыныч бросает злые взгляды на сына, но тот будто не замечает.

- Борь, а ты помнишь, - заговорил громче нужного Кузьма Мартыныч, - помнишь, как Лёха-то наш по пьяному делу в бане свалился?.. ещё ногой дверь придавил. Ну и ржали мы тогда...

- Какой Васька? Разве он был с нами?

- Да не Васька! Лёха, говорю, Лё-ха.

- А-а-а, кажется, что-то было. Хотя прошло столько лет...

- А ты чё, Борис, в самом деле плохо слышишь? Да! А помнишь огород у Кудимовых? Весело было...

В столовой опять появилась Маша. Присела в конце стола рядом с Русланом. Оба негромко заговорили. И вдруг до Кузьмы Мартыныча донёлся голос сына: - «Да, мы получили все ваши сообщения. Но папа сказал, «всё равно поедем!»». Он резко вздрогнул и на секунду умолк.

Борис, смеясь, обратился к жене:

- Машенька, выпей с нами.

- Ты же знаешь, я никогда не пью.

- Да выпей, настроение поднимется.

Маша пожала плечами, встала и пошла прочь из столовой. Кузьма Мартыныч посмотрел ей вслед... А вечером, когда закрылись у себя в комнате, он напугился на Руслана:

- Идиот!!! Да как ты смел вытрепать...

- Так у неё же на телефоне остались сообщения. Она давно могла показать их Борису.

Кузьма Мартыныч насутился и замолчал.

- Ты, папаша, лучше подумай, как нам задержаться здесь подольше, - опять заговорил Руслан. - Звонил Людке: говорит - раньше чем через неделю Лариса принять нас не может.

Первая ночь у Золяковых. Третий час. Руслан похрапывает. В доме тьма. Кузьма Мартыныч сидит на краю кровати и теребит волосы. Ветер за окном качает ветки дерева, изредка швыряя в комнату осколки светлых пятен.

- Пап, - вдруг тихо позвал Руслан, - чего сидишь? Ложись, наконец!

- Да не привык я ложиться раньше петухов! Не ломать же себя теперь.

- Слушай, а давай пойдём, поищем - нет ли в доме компьютера: может, удастся выскочить на связь.

Кузьма Мартыныч и Руслан тенью выскользнули из комнаты. Спустились вниз. В кабинете под дверью видна полоска света. Легкий толчок - и ночные гости, жмурясь от яркого освещения, замерли на пороге.

Маша за компьютером; услышав за спиной шорох, резко вскочила. С минуту молчала, переводя дыхание. И наконец холодно спросила:

- Позвольте узнать - почему вы, ночью, пришли в мой кабинет?

- Да мы... да я... - начал Кузьма Мартыныч.

- Мы не хотели вас испугать, - сказал Руслан, - просто нам нужен компьютер...

- Вот как! - губы у Маши задрожали. - «Нужен»! И потому вы даже не спросили разрешения. Что ж, должна разочаровать: мой кабинет и, тем более, мой компьютер - закрытая зона. И впредь попрошу - в чужом доме по ночам не бродить.

«Ишь, как напирает на слово *мой*»... - глухо пробурчал Кузьма Мартыныч, но Руслан оттеснил его назад.

- Да мы... Да как же... Нам надо...

- Извините, закрытая зона! - повторила Маша, и захлопнула дверь в кабинет.

- Вот так оплевала! - ахнул Кузьма Мартыныч, стоя перед закрытой дверью. - Завтра пожалуюсь Борису - может, приструнит мегеру...

- Не стоит, пап. Едва ли он... Я утром позвоню Людке - пускай привезёт ноутбук.

Кузьма Мартыныч и Руслан проспали до полудня. Встали, оттого что услышали в коридоре голос Бориса.

- Маша, пойдй, разбуди... хочу прокатить их за город.

- Я не могу войти в их комнату. Ты - совсем другое дело...

Через полчаса Борис уже нетерпеливо настаивал:

- Пойди, разбуди! Сколько можно спать?

- Нет.

«Вставай, поднимайся, рабочий народ!» - зевнул нараспев Кузьма Мартыныч, выползая из-под одеяла. Из зеркала опять глянула заплывшая физиономия, распухшие веки нависли почти что на щёки. Кузьма Мартыныч запустил в своё отражение полотенцем и вышел в коридор.

В доме тихо.

- Машенька, а Маш! И где же наш завтрак? - весело пропел Кузьма Мартыныч, заглядывая на кухню. - Давай, голуба, ублажай дорогих гостей...

В кухне ни звука. Он приоткрыл дверку холодильника. Увидел на верхней полке пирог. «Ух ты!» - он взял пирог и, уплетая на ходу, пошёл в столовую. И плюхнулся за стол. Когда Руслан и Маша с Борисом показались в столовой, от пирога осталась половина...

Кузьма Мартыныч балагурил за столом больше прежнего. Борис даже пошутил:

- Из вас, Кузьма, как из рукава Василисы Премудрой сыплются ухановские приключения. Сам ни за что бы не вспомнил...

- Гы-ы-ы..! - трясётся от смеха Кузьма Мартыныч. Чавкая с аппетитом, исподволь поглядывает на Машу: - Боренька, я бы тебе не только рассказывал... И показать бы кое-что мог. Кабы не Маша. Представь, не позволила нам подойти к её компьютеру!

- Машенька, да почему?

- Да потому, что по ночам гости по чужому дому не бродят и чужие вещи - без разрешения - не трогают. У меня там личная переписка, пароли, все мои дела...

- Так ведь, мы же свои! - воскликнул Кузьма Мартыныч.

- Ну да... свои... - неуверенно поддержал Борис.

Пересиливая одышку, Маша встала и пошла в гостиную. Борис направился за ней, но она остановила:

- Мой кабинет - закрытая зона! - тихо, но твёрдо повторила на ходу.

Кузьма Мартыныч смотрел ей вслед, барабанил пальцами по столу.

Гости протянули в доме Золяковых ещё четыре дня.

Как-то вечером Кузьма Мартыныч напомнил Руслану:

- Эй, сынок, срок истекает... пора отсюда уезжать.

- Да подожди ты! - отмахнулся сын. - У Людки опять проблемы. Задерживается на день.

- Ну и...

- А то, что нам - без неё - к Ларисе не попасть! Даром, что сестра! Всё. Терпи.

В то утро, когда Борис отправился в аэропорт за Людмилой и ребёнком, поехали все, кроме Маши. На обратном пути Кузьма Мартыныч шёпотом проинструктировал невестку.

- Маша - мегера. Церемониться с ней нечего.

- Сразу пройдёшь с Натаськой в комнату, - тихо добавил Руслан, - здороваться будешь потом...

Всё время, пока Людмила скрывалась со спящей малышкой в комнате, Кузьма Мартыныч восседал за столом. После бесконечного сытного застолья, после выпитого, его разморило. Вдруг раздался детский крик.

- Господи, что это? - вздрогнула Маша.

Кузьма Мартыныч заулыбался:

- А-а... Это Натаська наша проснулась. Ей два годика. Чудесно, не правда ли! То есть дети в доме...

- Кто? Где? Какая Натаська? - не поняла Маша.

Тут из коридора выбежала маленькая девочка; она уже не кричала, но пронзительно визжала. Следом показалась новая гостья.

- Я - Люда, - слабым голосом сообщила гостья и кивнула Маше.

- Может, у вашей девочки что-то болит? Или голодна? Почему она так кричит? - спросила Маша.

- С ней всё в порядке, - невозмутимо сказал Руслан. - Она всегда у нас такая: кричит до самой ночи.

- Детские голоса - музыка для сердца! - сказал Кузьма Мартыныч сквозь очередной взрыв визга.

Девочка закричала с новой силой: потребовала игрушку. Потом оттолкнула стакан молока, пролив на скатерть, и потребовала сок.

Кузьма Мартыныч наблюдал за Машей.

- С гостями, голуба, надо считаться: хозяйке не положено даже пикнуть...

Маша не ответила, только ниже опустила голову.

«Кабы знать, о чём ты думаешь...» - с досадой пробурчал себе под нос Кузьма Мартыныч. Вдруг Маша закрыла лицо ладонью. К ней сразу подошёл Борис. Что-то тихо спросил. Кузьма Мартыныч посмотрел на них, пожал плечами и сладко потянулся.

Тем временем Натаська с криком носилась по гостиной. Людмила ходила за ней по пятам и слабым голосом умоляла: "Ну, пожалуйста... не надо так кричать".

- Не мешай ребёнку самовыражаться! Вредно для развития, - остановил невестку Кузьма Мартыныч. - Даже в России эту истину усвоили. А здесь мы - гости...

Натаська стала бегать быстрее; теперь она хватала родителей и деда за руки, тянула за одежду. Размахивая игрушкой во все стороны, задела телевизор. Телевизор угрожающе вздрогнул.

- Господи, да если он упадёт... он же ребёнка убьёт! - взмолилась Маша.

- У вас тоже были дети, - глядя на Машу в упор, пожал плечами Кузьма Мартыныч. - Наверное, помните, какое это блаженство?

- Помню, - выпрямилась Маша: - Наши дети росли спокойными. Такого крика никогда не было. - И вдруг грустно добавила: - кстати, с шести вечера у нас в доме всегда стояла тишина - дети мирно спали. Так что, я надеюсь...

«Ого!» - поперхнулся Кузьма Мартыныч. А вечером, в комнате, шепнул невестке:

- Делать нечего, Людка: держи Натаську тихо, особенно ночью, иначе долго здесь не задержимся.

Ночью, когда тени чёрными лапами пошли бродить по стенам, Кузьма Мартыныч, несмотря на запрет, снова отправился на разведку. На этот раз, осторожней прежнего. Неслышно ступая, приблизился к лестнице и нащупал ногой ступеньку; хотел уже спускаться вниз, как вдруг увидел под заветной дверью полоску света: «Опять Маша в кабинете!» И тут до него донёсся женский голос - Маша говорила с кем-то по-телефону...

- Батюшка, будьте другом, выручайте! Заберите их к себе! Хотя бы на часок. Почему? Не могу больше, совсем разболелась. Как долго пробудут? А я откуда знаю? Скоро уж неделя, как у нас торчат. И Бориса спросить нельзя: в ярости на меня срывается. Как это, вы не знакомы??! Да вы же с Борисом - когда по России ездили - в ухановском доме у них были! Значит, не хотите? Что ж, спасибо и на том!

В кабинете с треском бросили трубку. Через минуту дверь распахнулась и свет погас. И следом - в потёмках! - Маша стремительно взлетела вверх по лестнице. Кузьма Мартыныч едва успел отступить в темноту гостиной. В комнате растолкал Руслана.

- Ничего себе, больная: ты бы видел, как она по лестнице... Ну и дурак, Борис!

За стеной, из супружеской спальни опять послышался приглушённый голос Маши. Кузьма Мартыныч энергичным жестом велел сыну подняться. Оба прикинули к стене.

- Чёрт принёс этих гостей! - тихо плакала Маша. - Боришек, они же нас обманули, нагло обманули!

- Не чертыхайся, - вздыхал Борис. - Скоро уедут.

- Почему ты за меня вовремя не заступился? Муж ты, или кто? Ведь я из-за боли в спине едва жива, уколы не помогают! А теперь ещё возле сердца болит...

- Говорю же, скоро уедут.

- Общаешься с подонками. После того, что ты мне поднёс, ты не Боришек, а «барашек».

Баран!

- Что? Говори громче.

- Вот-вот, глухому о чём-то договариваться... Не могу себе простить, что тогда дала тебе телефон...

Борис что-то недовольно пробурчал.

- Не могу! Смотрит мне в глаза - и лжёт! Ах, да пропади всё пропадом! - взорвалась вдруг Маша. И тут же охнула: - Господи, опять в груди давит...

- А? Что? Может врача?

Руслан первым отошёл от стены.

- Пап, ну, хватит... И так всё ясно.

Кузьма Мартыныч с грохотом запнулся об стул. От шума проснулся и заплакал ребёнок. Руслан зашипел на жену:

- Людка, уйми!

- Нет, ты слышал... ты слышал, что она говорила: подонками нас назвала! - кипятился Кузьма Мартыныч. - И как теперь быть?

- Завтра суббота, у Ларисы с мужем выходные... всё равно уже поедем. А теперь, ложись!

За окном тьма египетская; слышно, моросит мелкий дождь. Кузьма Мартыныч сидит на краю кровати. Пробовал лечь, но только измучился: ворочался, зарывался головой в подушку и бормотал, точно снился кошмар. И наконец угодил рукой в стену. Очнулся, оттого что Руслан сильно пихал в бок.

- Эй, чего бредишь... спи, давай!

После завтрака Кузьма Мартыныч сказал Борису:

- Ну вот, Боренька, сегодня мы отправляемся в путь. Только сначала надо повидаться с отцом Мелетием, без этого никак нельзя.

Через час к дому Золяковых подъехала машина. А ещё минут через пять Кузьма Мартыныч, отвесив поклоном и получив благословение, радостно раскрывал объятия.

- Привет, батя! Сколько лет, сколько зим! Помните, как мы на русской земле встречались? Как я вас с Борисом по Ухановке возил? Да-а-а... мы старые друзья!

- Ой, как же давно это было! Лет двенадцать, поди? Сейчас уж плохо помню - виделись-то мы всего полтора дня... Простите, что не мог вас принять у себя. Стар.

Людмила принесла ноутбук; Руслан открыл фотографии.

- Вот это - наши монашки, - не спеша, блаженно улыбаясь, проговорил Кузьма Мартыныч и пододвинул экран отцу Мелетию. - И всех их, как и всю нашу деревню, вот уже двенадцать лет содержит наш дорогой Боренька...

Компания сидит вокруг стола. Маша в гостиной, примостилась на диване. Натаська, оставшись без надзора матери, с пронзительным визгом носится по всему дому; по грохоту слышно, как она хватает и опрокидывает на своём пути всё, что попадает под руку.

Прошло два часа. Маша уже почти что лежит на диване.

- Маша-а, а, Машенька, подь сюда: глянь на благочестивых рязанских монашек! Авось, доброте от них научишься, - позвал Кузьма Мартыныч.

И тут же пробурчал под нос едва слышно: "Воспитаннице! У нас хоть при гостях не валяются... Ха! К ней уж сынок подсел..."

- Папа говорит, что у вас взрослые дети. А с виду вы - совсем девочка, - ворковал Руслан. Не получив ответа, он немного помолчал, и опять начал: - А знаете, Маша, какие добрые обычаи были раньше на Руси: бедные странники могли постучаться в любой дом - и везде находили себе приют...

Очередной визг Натаськи заглушил последние слова сына; Кузьма Мартыныч обернулся на голос Маши:

- Это вы-то «бедные странники»?! - с этими словами взяла подушку с дивана, накрыла себе голову, и отвернулась к стене.

Борис и отец Мелетий заняты фотографиями.

- Странно, Маша, - сказал Кузьма Мартыныч громко, на всю комнату: - вы тоже мать, а болезненно морщитесь от детского визга. Вы явно не любите детей.

Руслан вернулся к столу. Вдруг Борис поднял голову, быстро встал и пошёл к Маше.

- Ты, что - опять глотала таблетки?

- Да это же только зверобой... только зверобой... травка, - тихо отозвалась Маша.

- Эге! Это кто ж у вас там зверей бьёт? Ха-ха-ха... - оглянулся Кузьма Мартыныч.

- Здесь это называется St John's Wart, - нехотя ответил Борис. Потом склонился над женой и тихо добавил: - хоть и травы, а нельзя столько...

- Что делать: спазма в груди не отпускает. Замучилась. Сейчас встану...

Прошёл ещё час. Наконец отец Мелетий попрощался и уехал.

Гости опять сели закусывать. Выпили на «посошок».

- Ну вот, теперь и нам нужно потихоньку собираться, - шумно вздохнул и потянулся Кузьма Мартыныч. Выглянул в окно: «Ба! Нам и машину уже подали!».

- Мы взяли её напрокат, - пояснил Руслан. - Компания - супер: тачку доставили прямо к двери!

Стали выносить вещи.

- Наконец-то вам теперь будет поко-ой... - сказал Руслан.

- А то понаехали мы тут... - Кузьма Мартыныч сделал паузу.

Реакции не последовало: Борис - занят, укладывает подарки для гостей; Маша глядит в упор и молчит.

- В следующий раз к вам приедет моя Соня, - снова начал Кузьма Мартыныч. - А там, глядишь, и монашки наши пожалуют в Брисбен...

- Ну что-о же, будем проща-аться... - протянул Руслан.

С объятиями и поцелуями гости направились к Борису, который стоял ближе. Потом повернулись к Маше.

Маша резко отступила назад, спряталась за спиной Бориса. Но через минуту, не глядя на Кузьму Мартыныча и Руслана, подошла к Людмиле и протянула на прощанье руку. И тут же ушла к себе.

Со двора выехали молча.

Часа два колесили по австралийским дорогам. Побывали в роскошном доме сестры Людмилы. Вернее, постояли возле запертых ворот.

-Уф! - перевёл дыхание Кузьма Мартыныч. - Только зря ездили. И всё из-за тебя, сударыня! - повернул он к Людмиле яростное лицо: - Хороша у тебя сестрица, нечего сказать: смотри-те-ка, *без неё* нам нельзя находиться в доме! Аристократию из себя корчит, будь она неладна!

- Так может, Лариса уже научена: гости-то разные бывают... - обиделась Людмила.

- Ты это о ком?! - угрожающе спросил Кузьма Мартыныч.

- И надо ж было тебе перепутать день, когда Лариска свободна! - злился Руслан. - Приехали под закрытые двери! А теперь что - платить за мотель? Не уж, не дождётесь, хватит с меня!

- Я же не знала, что так получится, - сжалась на заднем сиденье Людмила.

- Ладно, не гунявь! - огрызнулся Кузьма Мартыныч. - Надо было головой думать. А теперь сиди и помалкивай. Придётся опять проситься на постой к Борису. Не тратиться же самим...

Руслан остановился возле знакомого дома.

- Что такое - почему народ на улице? Весь тротуар заняли...

- Не теряй времени на болтовню! - сказал Кузьма Мартыныч и нажал кнопку звонка.

В доме послышались торопливые шаги. Дверь распахнулась... но Борис, не приглашая войти, и даже не заперев за собой парадную дверь, почти бегом бросился к машине. Бледный, с плотно сжатыми губами, бросил на ходу:

- Извините. Страшно спешу. В больницу... срочно...

Эх, была-не-была! - Кузьма Мартыныч решительно шагнул вперёд, к двери.

В эту же самую минуту на пороге показалась молодая женщина, очень похожая на Машу. В одной руке она держала швабру, в другой - полное ведро какой-то мути.

- Вы кого-то ищете? - спросила женщина по-английски.

Руслан заговорил с ней сам, так как отец не понимал ни слова.

Узнав, что перед ней русские, женщина заговорила по-русски, чуть заметно растягивая слова. Поинтересовалась - кого спрашивают. Ещё раз спросила - кто они. Потом второй раз, и третий. Казалось, хотела удостовериться.

- А-а... Так вы и есть те самые рязанские гости? Это из-за вас моя мать попала в госпиталь?

- Нам нужно в этом доме переночевать, - сказал Кузьма Мартыныч; он невольно посмотрел на ведро и повёл носом: из ведра исходил отвратительный запах...

- Так это из-за вас моей маме с сердцем плохо стало? Её амбуланс увёз. И я сейчас пол в гостиную мою... у неё была сильная рвота...

Кузьма Мартыныч нетерпеливо отмахнулся и настойчиво повторил:

- После, после расскажете! А пока нам надо здесь расположиться.

В глазах женщины блеснули слёзы, губы заметно дрогнули.

- Как? Вы опять хотите попасть в наш дом? - проговорила женщина. - Ах, какая досада, у нас сейчас большая уборка; мне надо сменить воду... - с этими словами она изловчилась - и выплеснула содержимое ведра Кузьме Мартынычу под ноги.

Кузьма Мартыныч отскочил в сторону и едва не поскользнулся: «Вот же, сволочь!»

Помои попали ему на ботинки и брюки; брызги угодили на рубашку. Руслану с Людмилой тоже досталось. И тут перед носом с треском захлопнулась дверь.

- Теперь в машине блевотиной вонять будет... - прошипел Руслан, отряхиваясь.

- А я что - виноват, что ли? - замахнулся на сына Кузьма Мартыныч; но тут же опустил руку. - Ладно, валяем отседа!

Машина с визгом рванула с места, растянув вдоль улицы клубы сизого дыма.

- Однако, нужно что-то делать... - рассуждал вслух Кузьма Мартыныч, - не спать же под открытым небом! А ну-ка, Людка, набери мне номер Борькиной сестры...

После долгих гудков в мобильнике ответил голос Нины.

- Здравьете! Это я. Да. Видите ли... У нас такое дело... В общем...

- Извините, больше ничего не могу для вас сделать. Сами виноваты. Не надо было обманывать. Только русских позорите...

- Ну и ладно!! Обойдусь! - закричал в телефон Кузьма Мартыныч. - Позвоню Софье.

- Соня уже всё знает. Теперь ей, как и всем из Ухановки, дверь в дом моего брата плотно закрыта.

- Как?! Да я же им обещал!..

- Как это - вы о б е щ а л и? Вы? Не хозяева?! Вот и разбирайтесь, как знаете.

Машина вылетела на главную магистраль, - до ряби в глазах замелькали яркие рекламы, от скорости голова пошла кругом.

- Ну и паразиты же эти эмигрантики, австралы несчастные! - потирая лоб, бормотал сквозь зубы Кузьма Мартыныч. - Их бы рожи... да на рекламы подвесить! Чтоб им...

© Т. Малеевская. Брисбен, 2015.

БОЙСЯ ХВАЛЯЩИХ

Бойся хвалящих прилюдно тебя
И восклицающих славу!
Их стерегись как чумы и огня,
Не соблазись их отравой.
Не отвечай им в ответ - промолчи,
Тему оставь без последствий.
Звезды сияют безмолвно в ночи,
Солнце не требует лести.

Ты от похвал отведи тихо взор,
И на невидимой битве
Вспомни грехи свои - срам и позор -
Душу склони на молитву.
Бойся хвалящих прилюдно тебя,
Лучше хулящих приемли,
Льстящих тебе - стерегись, как огня,
Гласу души сердцем внемли!

В.К. Невярович.

Письма читателей

12-8-2015 Здравствуйте, Тамара! Сердечно благодарю за новые публикации в "Жемчужинах"! Благодарю, что Вы замечаете мои новые поэтические пробы, читаете и даже публикуете! Для меня это большая честь. Успехов Вам и Божьей милости во всех благих делах! **Владимир Невярович**. Россия.

12-8-2015 Спасибо, Тамара! Замечательный номер журнала! И Вам счастья и творческих успехов. **А. Лазутин** (сайт «Свете Тихий»).

12-8-2015 Дорогая, Тамара! От всей души благодарю тебя за пересылку эл. версии журнала "Жемчужина". Мне он очень понравился (и оформление, и содержание)! Считаю за честь публиковаться в таком литературном издании. С уважением и благодарностью, **Светлана Шемякина** (сайт «Свете Тихий»).

12-8-2015 Здравствуйте, уважаемая Тамара Николаевна! Очень приятно видеть себя среди авторов Вашего доброго, мудрого и светлого журнала! Большое Вам сердечное спасибо за доверие и Ваш выбор! Для меня это особая честь! Со своей стороны, буду рада и в дальнейшем предлагать Вам мои произведения для возможной публикации, если Вы не возражаете.

С наилучшими сердечными пожеланиями, **Светлана Кабанова**, Дюссельдорф, Германия.

15-8-2015 Большое спасибо, Тамара Николаевна! Удачи вам и новых интересных публикаций.

В. Иванов-Ардашев.
Хабаровск.

13-8-2015 Здравствуйте, уважаемая Тамара! Очень рад был увидеть свои работы на страницах Вашего замечательного журнала. Особенно порадовало то, что Вы опубликовали "Милость Божия". Это одно из моих любимых стихотворений.

Спасибо Вам. С теплом, **Евгений Новицкий**. Украина.

14-8-2015 Дорогая моя Томочка! Спасибо тебе за "Жемчужину". Сразу с жадностью просмотрела все публикации и углубилась в работу И.А. Ильина. Сколько мысли, сколько благородства и величия в каждом слове, как необходимо особенно теперь, в наше время, читать его и размышлять. Размышлять и погружаться в молчание... Спасибо тебе за то, что ты напоминаешь русским о национальном самосознании! Целую, твоя **Наташа (Гребенюкова)**. Хабаровск.

16-8-2015 Дорогая Тамара! Огромное Вам спасибо за новый номер! От всей души поздравляю! Дай Вам Бог еще много творческих интересных встреч и чудесных материалов!

С Богом! **Оля Цвиркун**. Украина.

Сент.-2015 Дорогая Тамара! Добрый день! Ужасно приятно раскланиваться с истаявающим прошлым. И с теми, кто тебя еще помнит. За память отдельное спасибо - сегодня получил 63-ю «Жемчужину». Вы еще были не юбилейные, а я уже вязался к Вам. И вот уже «три советские пятилетки» я «засоряю» страницы Вашей «подруги» своим именем, своими опусами. Боюсь, что я так и вознесусь Вашим должником, а Вы не припомните меня «тихим незлим словом». Мы же помним лишь тех, кто творил нам добро. Потому я и имею и Ваше имя, и Ваш адрес, и вечно юную «Жемчужину», - не старейте «обе две», как выражалась одна моя знакомая еще в России. И не огорчайте меня - не желайте мне «творческих успехов» на 82-м году моего бытия. Кажется, даже классик Толстой на этом году завершил себя и ушел в нети. Так ведь классик! Что же можно ожидать от простого смертного? Обращаю эти добрые пожелания на Вас.

Ваш (его звали **Ген. Гончаров**), соавтор.
Сегодня. Канберра.

28-8-2015 Здравствуйте, дорогая Тамара Николаевна! В № 63 Вашей чудесной Жемчужины опубликованы два моих рассказа. Моя признательность не имеет границ: рядом с любимейшими авторами А.П. Чеховым, И.А. Буниным, Н.А. Тэффи. Журналом Вашим очарован. И раньше был наслышан, что Жемчужину читают по всему миру практически все русские живущие за пределами России, сохраняющие в семьях наш великий язык, православие. Номер прочёл от обложки до последней странички, принялся за прежние выпуски журнала. Аналогов Вашему - в сегодняшней России нет. А жаль. Не только литературно-художественный, образовательный. Удивительно тонкая корректность, культура подбора и подачи публикаций в Вашем издании. Знаю, что Вы из Харбина. Мой любимый город. Дай Бог Вам здоровья, добрых авторов и процветания Вашему великолепному журналу! С уважением,
Ваш Александр Герасимов. Калининград.

Письма читателей

7-9-2015 Уважаемая Тамара! Большое спасибо за журнал. Почта принесла его в четверг вечером, я же, из-за служебных хлопот, увидел и прочитал позже...

Полевичный Иван Ильин, умные Тэффи и Вельтман, хороший стилист Крестовская - рядом с их бриллиантами и моя вещь "Бунин о Есенине" смотрится значительно. Вы, по-моему, делаете очень большое дело. В журнале я не нашел ни строчки, которая бы мне претила. Еще раз спасибо. **Евстифеев Юрий**. Россия.

10-9-2015 Здравствуй, уважаемая, дорогая Тамара! Сегодня, воистину, замечательный, исторический для меня день! Журналы у меня на столе! Можно взять их в руки и спокойно, не торопясь, перечитать, смакуя каждое слово, каждый материал. ...Журнал, действительно, хорош! - быть напечатанным в нём - честь! Я такого тонкого, вдумчивого - одно к другому - подбора материала, не видел ещё ни в одном другом литературном журнале; ... весь журнал - это словно, избранное, в котором собрано только лучшее, самое яркое и талантливое. Молодцы авторы! И многоголосное, громовое - Виват! - в адрес редактора журнала, взвалившей на плечи груз, который не потянуть и многим широкоплечим, дюжим гвардейцам. А посему, даже самый высокопарный и пафосный слог не в силах выразить, передать всю силу чувства благодарности, признательности за доброе и чуткое отношение к авторам, к их творчеству и труду, за любовь к читателям, что выражается в изумительном подборе лучших материалов в каждый номер журнала! Да и просто, большое человеческое спасибо! Многая лета! И всяческих благ! Вот! Именно так написал, а не иначе: любые, самые громкие благодарственные слова не могут быть некстати или излишними, неправильными... И подписываюсь под каждым своим словом! Правда. По-другому, дорогая, уважаемая Тамара, и не смог бы написать. Храни Вас, Господь - всегда и везде! С искренним уважением, и со счастливым, в кои-то веки, настроением,

Эдуард Ковшевный. Россия.

13-9-2015 Дорогая Тамара! Вы несколько лет пытались меня реанимировать! Кажется, я очнулся. Полез тут по своим сусекам и извлёк нечто из «нафталина». Встряхнул, и решил навязать Вам. Если не подойдет - в корзину. Я уже в том счастливом статусе, что любое Ваше действие приму за комплимент себе. Будьте здоровы, оптимистичны.

Ген. Гончаров, Канберра.

28-9-2015 Здравствуй, Тамара! Аура культурная, которая исходит от Вашего журнала "Жемчужина", от другой просветительской деятельности, заставляет тепло вспоминать о Вас. Не нужна ли какая-либо помощь от меня? Кроме материальной (я, увы, полунищий), могу оказать многие виды этой помощи. Обращайтесь, если вспомните обо мне С глубоким уважением, **Юрий Евстифеев**. Россия.

От редакции:

Дорогие друзья - авторы, читатели и друзья журнала! Давно хотелось сказать всем вам от души идущие слова. Спасибо за то, что Вы есть. Спасибо за ваш труд, талант, за постоянную моральную поддержку. Ваши сердечные отзывы, пожелания и ценные советы - что и говорить! - они радуют, они дают силы и вдохновение работать дальше. Хотя нужно признаться: иной раз бывает *сложно* помещать письма благодарности полностью... приходится их слегка «причёмсывать». Почему? Да потому, что слишком хорошо сознаю, и всегда сознавала, бесценный вклад авторов. Как и в любом деле, журнал во многом обязан своим сотрудникам, ведь это их талант придаёт определённый облик изданию. А дело редактора - лишь находить новых, маститых, или начинающих авторов, и делать очень трудный выбор, и затем составлять картину. Поэтому вовсе не будут преувеличением слова: то, чем журнал стал за 16 лет своей жизни, во многом - огромная заслуга авторов, как ныне здравствующих, так и тех, кто перешёл в иной мир, но оставил нам замечательное наследие и добрую память. От имени «Жемчужины», и от себя лично, хочу пожелать всем доброго здоровья и светлой душевной радости. Авторам также - неиссякаемого творческого вдохновения, новых литературных побед, и, конечно же, благодарных читателей. А читателям, без которых вообще немислимо существование какого-либо издания, приятного чтения. Спасибо всем вам. **Т.М.**

Саломея

Приключения, почерпнутые
из моря житейского.
Александр Фомич Вельтман.

Начало см. № 54

Продолжение...

КНИГА ВТОРАЯ

Часть четвертая

I

- Послушай, брат Ваня, - сказал старик Алексей, служивший еще батюшке и матушке Любови Яковлевны верою и правдою, - учиним, брат, совет, как помочь горю.

- А что такое, Алексей Гаврилович? - спросил его кучер Иван.

- Как что? Ты, чай, видишь, что француженка-то села всем на шею...

- Уж и не говори!

- Барин-то совсем, брат, тово...

- Да так, ей-ей так!

- Смекаешь ты: барыню-то в гроб вгонит...

- Да уж смекаю, что не даром взял подставку. Я уж и в Киеве догадался, что добра не будет. Свел там с ней знакомство. А ведь, кто она - знаешь ли ты? Просто, брат, потаскушка. Я расспросил у жидка. С каким-то игроком, видишь, приехала, да свела знакомство с другим; а тот ее прибил, да и бросил в одном платьишке - вот что на Дуньке теперь... Барин накупил ей всего, надарил; целую неделю обшивали ее.

- Ах ты, Господи! Грех какой на старости лет! Лет двадцать прожили душа в душу. Сегодня отдал приказ не пускать Юлию Павловну в дом.

- Ой ли? За что ж это?

- За что? А за то, что она вслух говорила, что мадам мало что самого барина с ума свела, да и Георгия-то Филипповича не добру учит...

- А что ты думаешь: вот как я ездил с ним гулять, Георгий-то Филиппович все под ручку с ней ходил, да так умильно себе что-то по-французскому всё говорили; а барышня-то что понимает!

- Ох ты, Господи, грех какой! Так вот, Дунька, верно, и пересказала мадаме, что говорит про нее Юлия Павловна.

- И! Да уж, это так! Продаст отца и мать родную. Недаром она ее нарядила. Смотрико-сь, теперь словно барышня ходит: свои платья ей отдает. Прежде и на босую ногу в честь, а теперь в башмачках да в косыночках; а косу-то как заплела, да распустила кудри, словно мадам. Дрянь такая! Еще навязывается, чтоб женился на ней!..

- Да это что! Барышню в грош не ставит: третьева-с нагрубила ей, а та смолчала, вздохнула только. Юлия Павловна прикрикнула было на нее: «Как ты смеешь барышне грубить!», а она: «А вы-то что?» Юлия Павловна разбранила ее, а она плюнула, да и ушла. Юлия Павловна заплакала, хотела жаловаться барину, а барин-то и на двор не велел ее пускать.

- Ах ты, Господи! Да я отломаю бока Дуньке, ей-ей отломаю!

- Полно, брат Ваня. Не то... Ездил я к лесничихе, Власьевне, чтоб она поворожила; говорю ей: «Есть у нас горе, как сбыть его, бабушка?»

- Что ж она?

- Да что: горе, говорит, не море, выпьешь до дна...

- Ну, а ты что?

- Что! Я ей сказал, что этого горя и мертвой чашей не запьешь.

- Ну, а она что?

- Да что, глупая баба! «Привези ты, - говорит, - ко мне это горе, а уж я знаю, что делать с ним». Привези! Уж если б можно было вывезти ее из дому, давно бы в трущобу ее свез.

- Да что ж ты, брат Алексей Гаврилович... Как ты думаешь?

- А что я думаю? Ее и домовым не выживешь из дому!

- Да что ж... Коли лещичиха говорит «привези», что ж, брат, за штука привезти?

- Поди-тко ты, сперва увези, да потом привези.

- Увезти-то, брат, штука.
- Уж если правду говорить, Ваня, так что за штука увезти мадам? - сказал Алексей Гаврилович. - Помогай! Увезем!
- Увезем... по мне, пожалуй, увезем, черт с ней! Да как увезем-то?
- Э! Как увезем, так и увезем!
- Увезти-то не штука, да как вызовешь из дому? Разве *как* обманом?
- Нет, Ваня, такого греха на душу не возьму. Обманом - избави Бог, век попрекать будет да каять, что вот, дескать, мошенник, обманул! Нет, просто, как Бог поможет...
- Разве Дуняшу подговорить? Я, пожалуй, дам слово жениться на ней, пусть только выдаст ее руками.
- Нет, Ваня, нет, брат, не годится. Бог с ней, зачем ее обманывать? Вдвоем-то мы просто руками возьмем, да и в лес с ней.
- А там-то что - на осину?
- Тьфу ты, окаянный! Черт знает, что говорит!..
- Да почему ж я знаю, Алексей Гаврилович: ведь что ж с ней в лесу-то делать? Сказал бы, так я бы и знал.
- А вот что: ты, брат, выезжай ввечеру покосить траву-то... за сад, к роще, да парой. А я буду караулить... как мадам в сад пойдет прогуливаться. Лошадей-то ты привяжи, да жди у калитки.
- Да калитка-то, кажись, заколочена... а всё при ней! Не смей, вишь, ходить через сад, когда она изволит прогуливаться! А поди ты, какой обход кругом на реку?..
- Калитка будет отперта, это не штука. А вот штука - в господском платье-то ее не пове- зешь: неравно кто встретится - лесничий с командой или кто...
- Да, Алексей Гаврилович, того и гляди... Да ведь она и сама нас признает!
- Пусть себе признает. Я еще сам ей скажу, что я по господской воле все делаю. Что, небойсь не правда? Да, брат, по господской. Если б она, чертова змея, не соблазнила барина, он и не подумал бы ее держать у себя. Уж я тебе говорю, что не барин, а нечистая сила держит ее в доме.
- Домовой небойсь? А что как он рассердится на нас с тобой? Тогда что, Алексей Гаврилович?
- Сердись на меня сколько хочешь, мне плевать. На мне немного возьмешь!
- Да и мне что? Я только боюсь, чтоб не изъездил коней...
- Уж, брат, лучше пусть всех коней домовой изъездит, чем этот черт-мадам: на всем доме верхом ездит!
- Так, истинно так. Да если он и подпакостит что - лесничиха заговор знает.
- А насчет платья-то - я придумал штучку... Я тебе после скажу. Пойду, чай уж встали все... Алексей отправился в дом, но там еще все спали, и он пошел в сад, к калитке. Алексей был один из тех людей, которые по любви, по угодливости и преданности к господам своим, из ра- бов делаются семьянинами, которых как-то совестно кликать по имени; и невольно зовешь по имени и отчеству.
- Саломея, увлеченная мыслью создать из Георгия образец мужчин, предалась ей как мате- ринскому чувству любви, с тою только разницею, что в сердце матери готовится и любовь к бу- дущей подруге сына; а в сердце Саломеи - при мысли, что Георгий должен со временем при- надлежать не ей, а другой - вскипала кровь, и она чувствовала ревность и ненависть к будущей жене Георгия. Зная женщин по самой себе, передавая на их долю всю худую сторону самой себя и оставляя за собой лучшую, Саломея во всей половине человеческого рода не видела достойной того мужчины, в которого она перельет свою душу и которого образует для счастья женщины.
- Бессознательно она внушала в него те высокие нравственные правила сердца, которые бы- ли необходимы, собственно, для нее... и тайный смысл которых заключался в том, чтоб посе- лить в Георгии страшное понятие о всех женщинах, и остаться одной на белом свете - к кото- рой прибегнуло бы его сердце с юношеской жадной любовью.
- Несчастный Георгий, испытав и детскую привязанность и юношеское отвращение к мадам Воже, находил в изображениях женщин большое сходство с ней и верил словам Саломеи. Он уже приучен был к нежным ласкам, чувства его быстро поняли разницу между циническими ласками Воже и платоническими Саломеи. От тех он бегал, этих сам готов был искать.
- Между тем Филипп Савич, что называется, смотрел в глаза Саломеи со всею почтительно- стью. Чувства его высказывались только угадыванием и предупреждением ее желаний. Малей-

шее чье-нибудь невнимание к мадаме было уголовным преступлением: без её воли ничего не делалось; сам Филипп Савич без её совета ничего не предпринимал, а её совет был - закон. Это льстило самолюбию Саломеи и склонности её господствовать. Тихо, величаво, как будто по убедительной просьбе распоряжаясь всем домом, она нисколько не трогалась судьбою бедной Любви Яковлевны, которая заперта была и болезнью, и ею, в четыре стены своей спальни. Саломея считала ее душой и потому почувствовала в себе все право первенствовать в доме.

Мысли ее были заняты благородными чувствами забот о душе Георгия. Высокое мнение о себе питалось общей боязнью не угодить ей - начиная с Филиппа Савича до последней шавки, которой тогда только давали есть, когда она простоит в продолжение всего обеда на задних лапах перед Саломеей Петровной. В сердце ее был уже зародыш какого-то наслаждения, с которым она ни за что бы не рассталась, - как мать с первенцем страстной любви, взлелеивала и предвкушала его как будущее блаженство. Это была не пылкая страсть, но сильнее нежной страсти матери, которая утешается и гордится сыном: мать не для себя взлелеивает его, а Саломея жаждала взлелеять Георгия, как дух соблазна, который обаяет душу, с расчетом, что ее уже ничто не искупит из его челюстей.

Но на Георгия быстро действовал тайный, безотчетный замысел Саломеи. Однажды, довольная успехами его в музыке, она забылась, - долго смотрела на него с внутренним волнением; и вдруг, приклонив его голову к груди своей, пламенно поцеловала в чело и, только опомнившись, произнесла:

- Как ты понятлив, Георгий! Я от тебя в восторге.

Саломея не предвидела, чтоб ее пятнадцатилетнему ученику понятно было подобное невольное изливание восторга и чтоб он отвечал на него не так, как ученик - усиленным прилежанием, а так, как юноша, полный жажды любви.

Он припал к груди как олень к потоку, и глотал вскипевшие волны его. Нежданное соответствие чувствам помutilo память Саломеи, - она, казалось, ничего не понимала в эту минуту, и глаза ее как будто говорили: «Пей, пей, Георгий! В груди моей стеснилось дыхание; отпей моего дыхания!» Георгий как будто слышал этот призыв, и он припал к истоку дыхания - и впился в уста Саломеи.

Это еще ничего до тех пор, покуда женщина имеет время опомниться и свести порыв своей страсти на шутку. Но если она очнется испугом и вскрикнет: «Боже мой, кто-то идет!» - тогда шутки кончены. Это уже значит, что питомица Евы, играя запрещенным плодом, сорвала его невзначай, в испуге, и, не зная куда с ним деться, прячет его в карман потопку Адама. Он уже поверенный ее тайны, а тайна состоит только в том, что она его любит.

Так случилось и с Саломеей: испуг был напрасный. Но, взволнованная мыслью, что Георгий преждевременно, по одному инстинкту, понял - в чем заключается вся музыка любви, не изучив гаммы, запел романс, она задумалась. Ей досаден был скорый и необъятный успех ученика. Как учителю, который хотел бы продлить уроки на несколько лет. Во-первых, по известному расчету профессии... А во-вторых, для того, чтоб, устранив природные способности ученика, иметь право сказать: без меня он бы был дурак, мне бог знает какого труда стоило внушить в него склонность к науке.

«Что мне делать с Георгием? - думала Саломея: - в нем так страстно высказались чувства привязанности ко мне. Я сама так неосторожно предалась очарованию. Он, точно, очарователен: первая любовь... первая женщина, которую он любит!» Самолюбивая мысль пролилась бальзамом на сердце Саломеи. Довольствие блистало в глазах, лицо горело. «Я не внушала эти чувства, они родились сами собою, без всякого с моей стороны...» - Саломея не договорила. Не видя ничего перед собою, кроме блаженства, она наткнулась на Филиппа Савича, который также прогуливался в саду и долго следил за Саломеей, боясь встретиться с ней.

- Ах, мадам, - сказал он, - как вы задумались!

- Ах, это вы? - сказала Саломея с досадой, что вместо воображаемого Георгия перед ней стоял несносный его отец.

- Я, - отвечал Филипп Савич.

Саломея молча шла далее.

- Прекрасная погода, - проговорил Филипп Савич, следуя за ней.

Саломея не отвечала.

- Не правда ли?

- Что вы говорите? Извините, я не слыхала, я привыкла ходить одна и задумываться.

- О чем вам задумываться? Вы так молоды и прекрасны, мадам Саломея! Все, что только вам угодно - всё к вашим услугам! Я уважаю вас, ей-богу!

- Вы у меня настоящая хозяйка в доме, ей-богу! Всё, что вам угодно...

- Очень вам благодарна. Но, извините, хозяйкой я не могу быть у вас: хозяйство не мое дело. Я взялась образовать ваших детей и исполню...

- Помилуйте, нет, я всем вам обязан, у меня теперь дом на дом похож! А прежде - вы сами видели, что за беспорядок... жена больная, да еще... сами вы видите - капризна и глупа. При вас я только и начал жить... все в порядке, и дом и люди. Вам всем обязан! Откровенно скажу, я с вами откровенен... если б...

Саломея начинала понимать, что нерешительный, смущенный голос Филиппа Савича не к добру клонился; чувства ее взволновались при слове «если б»... «О Боже мой, - подумала она, вспыхнув, - я до сих пор не поняла замысла этого мерзавца!»

- Извините, - сказала Саломея, прерывая речь Филиппа Савича, - откровенности между нами быть не может: я не могу входить в ваши семейные дела!

- Помилуйте, не то: какие у меня семейные дела?! Никаких! Жена? Бог с ней... все равно, что ничего. Дети у вас на руках - вы им родная мать, ей-Богу!... Всё, что вам угодно... как угодно, так и будет...

- Мне угодно теперь остаться одной! - сказала Саломея, гордо вскинув голову и остановившись.

- Если угодно, - проговорил тихо озадаченный Филипп Савич, остановив пылкий порыв сердца к изливию чувств.

Саломея скорыми шагами пошла от него прочь. Долго стоял Филипп Савич, смотря вслед за нею, и, наконец, заговорил сам с собой:

- Что это значит? Рассердилась, кажется, или сконфузилась? Эх, черт знает, не знаю, как и подступить к ней... истинная добродетель!

Саломея была в отчаянии; она поняла, как опасно было ее положение в доме. Занявшись Георгием, она забыла Дмитрицкого и мысль свою мстить мужчинам, сводить с ума от мала до велика и наслаждаться их страданием. Первой жертвой своей хотела она избрать самого Филиппа Савича; но почтительное уважение, оказываемое ей Филиппом Савичем, присутствие Георгия и новая мысль - образовать из прекрасного юноши образец мужчин заглушили замысел, создавая будущее блаженство. Намек Филиппа Савича потряс все здание этого мечтательного блаженства. «Что мне делать?» - спрашивала сама себя Саломея, но не в состоянии была отвечать сама себе.

На дворе уже смерклось совершенно, а Саломея ходила еще по саду торопливым, беспокойным шагом. Давно уже старик Алексей и Иван сидели в засаде и выжидали, когда мадам приблизится к ним. Несколько раз она уже проходила мимо; но они, как испуганные близостью хищного зверя, затаивали даже дыхание.

- Идет, идет! - шептал Иван, толкая под бока старика Алексея.

- Идет? - спрашивал Алексей.

- Идет.

- Тс!

- Прошла, брат Алексей Гаврилович.

- Прошла? Ах, проклятая! С кем это она разговаривает?

- С кем? Вестимо «с кем»!

- Что-то разговаривает про господ... про старого да про молодого барина.

- Верно, брат Алексей Гаврилович, продает черту душу их...

- Крестная с нами сила!

- Пойдем, брат Алексей Гаврилович.

- Нет, брат Ваня, уж что будет, то будет! А надо дело покончить.

- Эй, брат Алексей Гаврилович, худо будет... Идет, идет!

- Идет?

- Идет.

- Тс.

В самом деле, Саломея Петровна, разговаривая сама с собой отрывисто, то по-русски, то по-французски, то шепотом, то вполголоса, то довольно громко - в сердцах на Филиппа Савича, называла его старым чертом, то в умилении сердца называла Георгия чистой душой.

Когда Иван в третий раз толкнул Алексея под бок и шепнул: «Идет!» - Саломею успокоила какая-то мысль. Вероятно, опасения страсти Георгия и замыслы Филиппа Савича ее уже не тревожили, - она шла по обыкновению величаво, тихо, молча.

- Господи, благослови! - произнес Алексей перекрестясь, и, выскочив из-за куста, набросил на Саломею полость; обхватил ее и понес...

Саломея вскрикнула, но восклицание ее замерло от испуга.

- Не бойтесь, сударыня, не бойтесь, ничего не будет! - повторял тихо Алексей. - Садись, Ваня! Подгоняй живо!

- Помогите! помогите! - вскричала Саломея, переводя, наконец, занявшееся дыхание; но слабые звуки стесненного ее голоса заглушены были стуком колес и скоком лошадей.

- Не кричите, сударыня. К чему кричать: вас ведь не режут! - сказал Алексей, стянув полость на лицо Саломеи.

- О, дай мне вздохнуть, я кричать не буду... Кто ты, злодей? Куда ты меня везешь? Скажи мне, скажи! - произнесла она умоляющим голосом.

- Куда следует, туда и везем, сударыня. Погоняй, брат Ваня! Пошел опушкой-то леса!

Голос Алексея был знаком Саломее, но она не могла понять, кто это говорил.

- Кто ты, злодей? - повторила она.

- Не злодей, не бойтесь, сударыня; худого ничего не будет.

- Ну что ты разговариваешь! - сказал Иван, толкнув Алексея.

- О, Господи! Куда меня везут! Скажите мне, Бога ради! - вскричала снова Саломея.

- А! Теперь - Господи! - пробормотал Иван.

- О, остановитесь, пожалуйста! Дайте мне слово сказать вам, только одно слово!

- А вот сейчас на станцию приедем, - сказал Алексей. - Пошел, тут дорога гладкая!

- Эх вы, соколики! - крикнул Иван и запустил коней скоком и летом.

Глухие стоны Саломеи были тише и тише; она не могла понять, зачем и куда ее везут; но, казалось, предалась судьбе своей и умолкла. «Меня похитили!» - подумала она, и эта мысль развилась цепью романтических происшествий и догадок - кто этот дерзкий похититель. Но голос Алексея, что-то знакомый, кого-то напоминающий, навел Саломею на странную мысль: что ее везут через полицию к мужу. «Он объявил повсюду о моем побеге, разослал повсюду людей своих искать меня... и меня нашли... везут как беглую!» Ей представился весь позор, который ее ожидал.

- Остановись, остановись! - вскричала она, схватив руку Алексея, - будь моим благодетелем, остановись!

- Постой, брат Ваня, что ей нужно? Ну, что, сударыня?

- Послушай, - произнесла умоляющим голосом Саломея, - я узнала, кто ты... Я знаю, куда вы меня везете: вы везете меня к мужу. Но я не могу ехать, я не поеду. Если у тебя есть еще уважение к твоей барыне, если есть сожаление, то отпустите меня, я останусь здесь, я лучше умру здесь! Ты, верно, это сделаешь для своей барыни, ты такой добрый, я знаю тебя!

Алексей не понимал, о каком муже она говорит и о какой барыне. Его навел кучер Иван:

- Что, брат, - шепнул Иван, - узнала тебя. Да еще создалась, что барин-то ей муж...

- Для барыни-то, сударыня, я все и делаю. А барин-то с ума сошел от вас, да и весь дом вверх дном пошел от вас, всех замучили. Нет, уж вам у нас не житье! Воротитесь - беда нам будет...

- О нет, я ни за что не ворочусь, лучше останусь посреди леса!

- Да уж так, конечно, - отвечал Алексей. - Да платье-то скинуть надо господское. Да надеть вот крестьянское. У меня здесь есть... Да и Бог с вами! Мы скажем, что вы купались да утонули... чтоб уж поисков не было. А то, пожалуй, барин искать пошлет...

- О Боже, Боже! - проговорила Саломея, не понимая ни чужих слов, ни своих мыслей, - я согласна: ни за что не ворочусь! Лучше умереть, нежели идти на позор!

- Уж так, конечно, сударыня. Извольте - вот тут все: сарафан, кичка, чулки и чоботки. Да извольте скорей... скоро рассветать будет.

- Смотри ты, пожалуй, шелковая какая, - шепнул Иван.

Саломея, напуганная воображением, готова была на все, чтоб только избежать позора и стыда. Но самолюбие и здесь польстило ей: торопясь перерядиться в костюм крестьянки с головы до ног, она как будто исполняла собственную волю и видела в людях, которые ее везли, уважение к себе, покорность и желание спасти свою барыню.

- Так счастливо оставаться, сударыня, - сказал Алексей, скомкав в узелок наряд Саломеи.

- Ах, постой, постой! - вскричала она, - Мне страшно здесь! Нет, я не останусь одна!

- А кому ж здесь прикажете оставаться с вами? - спросил насмешливо Иван.

- Нет, что ж мне в лесу оставаться? Довезите меня до какой-нибудь деревни; там я напишу к моей матери письмо, и вы доставите его; а мужу не говорите.

- Нет уж, сударыня, вашей матушки мы не знаем, и где она живет. А Филиппу Савичу уж конечно, говорить не станем. Наше дело было представить вас сюда. В нашем доме вам не годится жить: соблазн, сударыня! Извольте идти, куда вам благоугодно будет, а назад в дом не ворочайтесь: сами знаете, позор будет...

- О, постойте, я не понимаю, что говорите вы.

- Да где ж мадаме французской по-русски все понимать? А коротко и ясно: оставайтесь с Богом! Пошел!..

- Прощай, мадам! - крикнул Иван; приударил коней и понесся по извиляющейся дорожке глушью лесной.

- Постойте, постойте, - вскричала опять Саломея, протягивая руки и побежав вслед за телегой; но страшная тишина как будто обдала ее посреди мрака ночи, и она упала без памяти на землю.

II

Жил-был в Москве господин Брусницкий, в сан губернского секретаря в отставке облеченный, разбитной малый, славный товарищ, весельчак, любезник, светский пустомеля, дум не думающий, о высоких и глубоких вещах рассуждающий, легкий как пард, смелый наездник, коней и собак любитель, жен и прекрасных дев почитатель, мостовой гранитель, нескольких душ обладатель.

В некоем из его имений, аки при стаде, пастыря не обреталось, но была дворовая собака. Эта собака - Дорофей Игнатов, бывший его барский камердинер, в звание управляющего облеченный.

Вот в один прекрасный день, уже перед вечером, ехал Дорофей из одной деревни в другую, в тележке, сам правил, ехал он через лес, заключающий в себе нашу забытую судьбой, оставленную людьми и роком преследуемую героиню Саломею. Вдруг слышит он чей-то голос. Дорофей вздрогнул, подумал - не леший ли? Он подогнал было конька, но близ его раздалось в стороне: «Постой, постой, добрый человек!» Он хотел еще придать рыси коньку; но вдруг видит бегущую к нему крестьянку. Дорофей успокоился и приостановил конька. «Это, - думал он, - не леший; это какой-то славный леший!»

- Что тебе, моя милая?

- Добрый человек, вывези меня из лесу, - проговорила задыхаясь Саломея.

- Что, заблудилась, верно? Пожалуй, изволь, лебедка, садись.

- Ты ошибаешься, мой милый, я не крестьянка, - произнесла вдруг с достоинством Саломея, затронутая слишком ласковым голосом Дорофея. - Я ехала на поклоненье в Киев, меня ограбили разбойники, оставили мне только крестьянское платье...

Дорофей посмотрел на нее недоверчиво. Но наружность, взгляд и голос Саломеи, казалось, убедили его, что это действительно должна быть барыня, а не крестьянка.

- Извольте, я довезу, - сказал Дорофей, - наша деревня отсюда недалеко; а вы откуда же ехали в Киев?

- Из Москвы.

- Там наш барин живет, - сказал Дорофей, - так, стало быть, вы знаете Александра Ивановича Брусницкого?

- Нет, не знаю.

- Как же это? Не знаете Александра Ивановича Брусницкого? Да его кто не знает, ведь он со всеми господами знаком...

Саломея молчала. Дорофей посмотрел на нее и моргнул глазом.

- Александра Ивановича нельзя не знать.

Проехав версты три, Дорофей приостановился подле корчмы.

- Я забегу только напиться, - сказал он.

- Спроси, пожалуйста, и мне воды: у меня страшная жажда, - проговорила Саломея.

Дорофей отправился в корчму, выпил там известную меру, взял копченых сельдей и булку и вынес напиться Саломею.

- Дай мне кусочек хлеба, - сказала она дорогой; Дорофей, уплетая селедку и булку, возбудил в ней голод.

- Изволь... извольте, - сказал Дорофей, отняв от рта булку и разломив оставшийся кусок пополам.

Саломея поднесла ко рту, но с отвращением поморщилась и не стала есть хлеба: он заражен был водкой.

- Э, да ты... вы, барыня, брезгаете, сударыня?

Саломея ничего не отвечала.

- Ну, как изволите... Ну, ты, сивая! Пошла! Приедем домой, чем угодно накормлю. У нас все есть; суп сварим, пожалуй... Вот уж недалеко; тут будет корчма. Да вот она! А тут, версты две - и деревня Александра Ивановича. Пррр! Стой! Не прикажете ли тут булочку взять? Тут славные булки. Я возьму. А может напиться не угодно ли?

И с этими словами Дорофей остановил коня и побежал в корчму. Выпил известную порцию водки, взял булку и вынес воды Саломее.

- Изволь... извольте.

- Благодарствуй, я не хочу пить, - отвечала Саломея, очнувшись из задумчивости и содрогаясь при взгляде на свою одежду, экипаж, корчму и Дорофея, угощающего водой.

- Ну, булочки, - говорил он, - я не кусал, ей-богу. Ну, честь приложена... а... Ну! Собака! Пошел! Близо...

И Дорофей начал жарить лошадь кнутом. Сивая понесла во всю прыть, тележка по неровной дороге запрыгала, Саломею бросало во все стороны; бледная и трепещущая, она вскрикивала на всяком скачке тележки.

- Прокачу! - кричал Дорофей, - прокачу! Небойсь, ничего! Эх ты, сивая!

- Остановись, остановись! Ай!

- Ничего! Вот она, наша корчма!

Около корчмы стояла толпа мужиков; все они по проезде Дорофея Игнатича сняли шляпы и поклонились.

- Гей, староста! - крикнул он, проскакав мимо.

Староста побежал вслед за ним.

Наконец тележка остановилась подле флигеля дряхлого господского дома, миновав развалившийся забор.

- Вот и приехали, - сказал Дорофей. - Эй, Маланья!

Из дверей выбежала старуха крестьянка.

- Помогай, старая карга! Не мне, а вот... барыне-то...

Саломея была почти без памяти, едва переводила дух.

- Ну, что ж ты? - крикнул Дорофей на старуху, которая подошла к тележке и смотрела на Саломею.

Саломея, приклонив голову на руку, безмолвно, неподвижно сидела, отдыхая от испуга.

- Где ж мне ее стащить с телеги-то, ишь, какая грузная! Ноги-то, верно, ей уж не служат. Слезай, голубушка!

Саломея вздохнула глубоко и с ужасом посмотрела на старуху, на Дорофея и на всё ее окружающее.

- Сударыня, говори. Барыня это, говорю я тебе. Ну, покорно просим!

И Дорофей сам взял за руку Саломею, потянул ее с телеги.

- Оставь, пожалуйста, я сама пойду, - сказала она и сошла с тележки.

- Покорно просим! - проговорил Дорофей, взяв под руку Саломею и едва стоя на ногах.

- Готово что есть, а? Ты! Тебе говорю, Маланья!

- Ну, что, что прикажешь, Дорофей Игнатич?

- Отворяй двери! Ну!

Пьяный Дорофей и истомленная Саломея показались старухе не лучше один другого.

- Э-эх, добыл! - бормотала она. - Наклюкались...

Саломея вошла в людскую горницу, которая была пуста; кругом стен лавки, в углу стол, на котором лежало множество бумаг; вправо - другой покой с русской печкой; подле стены койка, на лавке самовар, чайник и чашки.

- Самовар ставь, Маланья! Покорно просим... чайком сейчас попотчую.

- О, Боже мой! - проговорила Саломея, садясь подле стола и приклонив голову на руки.

- Поддай подушечку! Извольте... если угодно отдохнуть. Ну, живо самовар! Ты что? Пошел вон! Ты видишь, здесь барыня!

Староста, сунувшийся было в двери с огромной клюкой, вышел вон; за ним вышел и Дорофей.

- Ну, ты, Тарас, дурак! Ты думаешь, это черт знает что? А?

- Что ж, не наше дело, Дорофей Игнатич, - отвечал староста.

- «Не наше дело!» Так и уважения нет? Ты думаешь, что просто крестьянка... что уж я взял, да и привез? Что глядишь!!

- Ничяво, Дорофей Игнатъич.
- Небойсь сыну-то твоему Василию не черед? Нет, брат, забрею!
- Да за что ж прогневалась милость ваша, Дорофей Игнатъич?
- То-то... Ты думаешь, я на свой счет угощать буду?!
- Да мы представим что угодно.
- «Угодно»! Это барыня. А ты думал - баба?
- Да что ж думать... Уж как барин приказал, так и будет. Вам господская воля лучше известна.

- Так пошел! Ведь запас есть про заседателя?
- Да есть же, есть. Сладкая водка есть, закуска есть. Изюму, чай, прикажете...
- Неси!

Староста побежал на село. А Дорофей важно прошелся по двору. Повелительно останавливал и подзывал к себе всех идущих и едущих с поля крестьян, баб, мальчишек и девочек, - спрашивал, допрашивал, гневался и кончал словом: «Ну, пошел!»

- Эй, ты, постой! Поди сюда!
- Дорофей Игнатъич, доброго здоровья вашей милости.
- Ты где был?
- В поле, батюшка.

- Завтра тебе в лес ехать, с Семкой, привезете лесу на забор... Слышишь?

- Дорофей Игнатъич, помилуйте, уж дозвоьте поприбраться с хлебом. Забор-то, сударь, не к спеху...

- Ну, молчать! Учить стал!.. Как велю, так и делай!

- Кто ж послушаться будет вашей милости. Оно не то что бы... Да завтра же мед снимать хотел, уж такой мед, Дорофей Игнатъич! Если дозвоите, представлю...

- Мед? Ну, разве... Привози, попробую.

- Такой мед, Дорофей Игнатъич, что и не бывало такого! А уж как приберемся - в день забор новый поставим, ей-богу!

- То-то. Я долго ждать не буду. Ну, пошел! Поди-ко ты сюда, поди! В кузовке-то что?

- Черника, батюшко.

- А где ты набрала? В поле небось?

- В лесу, батюшко.

- А лес-то чей?

- Вестимо, что господской.

- То-то!

- Извольте, батюшко, отсыпать на здоровье.

- Отсыпать? Захочу и все возьму. Что ж ты мало набрала? А?

- Да неколи было. Только и набрала, что вот - дорогой...

- А орехи спелые?

- Нет еще, сударь.

- На! Пошла!

Отсыпав в картуз черники, Дорофей пошел к себе и высыпал чернику на стол перед Саломеей, которая, прислонясь к стене, сидела с поникшей головой и закрытыми очами, как опьяневшая от горя.

Есть сердца, которые знают испуг, страх, боязнь, но в беде, вместо смирения и терпения, ожесточаются. Это именно те высокомерные сердца, которые не сознают в себе ничего, кроме высоких достоинств и великих совершенств, а во всех других ничего, кроме глупости и подлости. Саломея, предавшись горьким думам о судьбе своей и унижении, в которое она поставлена, обвиняла, во-первых, виновников своего рождения - они не умели руководить ее к счастью жизни, не умели обставить ее тем, чем ее красота, ум и высокие чувства должны были быть обставлены; потом обвиняла дураков молодых людей, которые не умели *найти в ней*; потом обвиняла свинью Федора Петровича, которого черт принес в дом свататься на девушках, которых он и подметки не стоит; потом обвиняла мерзавца Дмитрицкого, который соблазнил ее невинную душу, жаждущую истинной, безмерной, высокой любви; потом досталось Филиппу Савичу, сморчку, который осмелился думать сделать из нее вторую хозяйку в доме; потом, припоминая слова Алексея, она разобрала их и убедилась, что, верно, мерзавка Юлия Павловна и мать вывели у глупого Георгия что-нибудь я рассказали Филиппу Савичу; а Филипп Савич из ревности так низко поступил с нею. Никому не было пощады, и лицо Саломеи Петровны выражало какое-то озлобление и совершенно походило на опьянелость, в которой подозревала

ее старая Маланья. Дорофей, взглянув на нее, скорчил маску, поусумнился и подумал: «Врешь, мать моя, какая ты барыня? Чай, просто, тово... девка, вот и все».

- Эй, сударыня, чернички покуда! Ну, Маланья, что ж - чаю налила? Подавай сюда на стол! А староста - принес что?

- Да вот же: принес два полуштофчика, да изюму, орехов, яблоков...

- Ставь сюда на стол. Пстой-ка, я попробую... - и Дорофей попробовал из каждого полуштофчика по рюмочке.

- Маланья, ступай, изготвь к ужину яичницу, да что-нибудь еще. Покушать вот им... Что ж, сударыня, извольте!

- Я ничего не хочу, благодарю! - отвечала Саломея, вздрогнув, когда Дорофей прикоснулся к ней рукой, потчуй чаем.

- А отчего ж так?

- Пожалуйста, дай мне покой!

- Ну, как угодно... я сам выпью... - и Дорофей отпил до половины чашку, долил сладкой водкой и стал прихлебывать с наслаждением.

- А смею спросить, сударыня моя, какие разбойники ограбили вашу милость? Сударыня, а сударыня? Э, какая спесивая: когда говорят - не отвечает. Добро бы еще кто, а то черт знает... Да я знать не хочу. Вот барыня отыскалась какая! Нашла тут разбойников, так и поверили! Черт ограбил...

- О, Боже! - вскричала Саломея, вскочив с места и бросясь к двери.

- Нет, пррру! - сказал Дорофей, вскочив вслед за ней и схватив ее за сарафан.

- Мерзавец! - вскрикнула Саломея вне себя.

- Ах, ты! Да я тебя, знаешь... - сказал Дорофей, подняв кулак над Саломеей и потом толкнув ее на скамью.

- Помогите, помогите! - закричала Саломея.

- Молчать! - крикнул и Дорофей, размахнувшись снова.

Саломея присела от ужаса и замолкла.

- О, Боже! - произнесла она тихо.

- Что, выкричала? То-то. Ну, помиримся, выпьем. Ну, пей! Это дамская, сладкая...

Глаза Саломеи загорелись вдруг безумным исступлением; казалось, что она готова была вступить в борьбу, как львица.

- Прочь!

- Фу ты, страшная какая! Ну, пей, говорят тебе!

- О, он убьет меня! - вскрикнула она трепещущим голосом.

Дорофей стоял над ней, как некий герой драмы стоял над героиней драмы с кинжалом и требовал, чтоб она выпила яд. Саломея, как эта героиня, испугавшись кинжала, пила яд.

- До дна! - крикнул грозно Дорофей. - А! Вот теперь вижу, что барыня! Ну, теперь с чайком: я не даром для тебя самовар ставил. Нет, брат, меня не надуешь. Ну, что ж, чайку, брат... а? Небойсь, не трону... э! Свалилась... слышь?

У Саломеи закружилась голова, она без памяти упала на лавку и не чувствовала, как пьяный Дорофей тянул ее за рукав.

- Что ж, брат, надо пить. Эки разбойники... пррру! И Дорофей повалился сперва на лавку, потом на пол.

- Держи, держи! - кричал он: - Маланья, держи!

Маланья вбежала, посмотрела и на Дорофея и на Саломею, покачала головой и плюнула.

- Насосались! - проговорила она. Присела подле на лавке, выпила водочки из полуштофа, потом стала пить чай, потом стала все прибираться... И наконец сама свалилась на лавку подле печки, и захрапела.

(Продолжение следует)

Александр Фомич Вельтман.

*Не бойтесь больших расходов,
бойтесь маленьких доходов.*

*Если у женщины в глазах искорки,
значит, тараканы в ее голове что-то празднуют.*

Мария Всеволодовна Крестовская

(1862 - 1910 г)

Ранние грозы

Продолжение

(начало в № 60)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

IX Весна подходила к концу. Снег давно стаял, река прошла, смолистые сочные почки на вздувшихся и почерневших деревьях лопались, выпуская из себя липкие ярко-зеленые листочки, еще совсем маленькие и сморщенные, но свежие и душистые тем особенным запахом смолы, который присущ им только в мае.

Каждый год Павел Петрович, с наступлением лета, отправлялся в дальнюю командировку, продолжавшуюся месяца два, иногда три. До сих пор это не выбивало Марию Сергеевну из обычной колеи. К этим командировкам она привыкла уже давно, и в большинстве случаев тотчас по его отъезде они с Наташей перебирались на дачу, куда в июле месяце приезжал и Павел Петрович. Но этим летом их задерживали в городе Наташины экзамены, и Мария Сергеевна находилась в каком-то странном состоянии духа: она точно потеряла свое обычное спокойствие, и какие-то неясные желания бродили и зарождались в ней.

Еще провожая Павла Петровича на станцию железной дороги, она почувствовала это.

День был яркий, солнечный; все кругом ее двигалось, жило, суенилось, говорило, смеялось; во всем сказывалось весеннее обновление и жизнь. С улицы доносилась трескотня экипажей, звонки конок и гул снующего народа. Мария Сергеевна стояла у вагона рядом с Наташей и рассеянным взглядом следила за толпой. Ей хотелось чего-то нового, и она с любопытством всматривалась в эти оживленные, чужие ей лица и в лица дочери и мужа, такие спокойные и серьезные.

Наташа молча стояла возле нее с тем апатичным выражением, которое всегда проявлялось у нее в минуты грусти. Девочке, по-видимому, было жаль расставаться с отцом, и, нежно сжимая его руку, она печально глядела на него. Он улыбался ей ласково, но сдержанно, и что-то говорил ей своим спокойным, несколько медленным голосом.

Марья Сергеевна едва слушала их. Бывало, отъезжающий поезд всегда производил на нее тяжелое впечатление; даже возвращаясь в опустевшую квартиру, она не чувствовала такой гнетущей тоски, как в эти минуты на вокзале. Но теперь чудный весенний день невольно бодрил и ее. И на душе ее было скорее как-то радостно, нежели грустно.

Раздался последний звонок. Павел Петрович еще раз горячо обнял жену и Наташу.

- Пишите же...

- Да, да...

Они вместе кивали ему головой, и Наташа, улыбаясь сквозь катившиеся по ее щекам слезы, посылала рукой ему поцелуи.

Зато когда они вернулись домой в свои большие комнаты, казавшиеся после яркого уличного света и оживления немного темными и мрачными, Мария Сергеевна вдруг почувствовала страшную пустоту. И ощущение этой пустоты не только не проходило в следующие дни, но даже усиливалось. Кажется, к отъездам мужа она привыкла уже давно и, подчиняясь необходимости, никогда особенно не скучала. А теперь... Теперь на нее напала вдруг беспричинная тоска, и Мария Сергеевна инстинктивно чувствовала, что тоска эта не по мужу. Она сама не знала, о чем скучает, но чего-то ей недоставало. Раздумывая порой об этом, она решила, что это происходит просто оттого, что, во-первых, между нею и Наташей пробежала черная кошка; во-вторых, потому, что они отчасти выбиты из обычной колеи: в городе становилось слишком пыльно и душно, ее невольно тянуло в зелень, на чистый воздух; в-третьих, в прежние годы Мария Сергеевна сама готовила дочь к экзаменам, теперь же Наташа переходила уже в третий класс, занятия осложнились, и Мария Сергеевна чувствовала себя уже не в силах лично подготавливать ее. Наташа знала положительно больше ее самой; притом она уверяла, что занимать-

ся одной или с кем-нибудь из своих товарок по классу ей гораздо удобнее и потому редко даже бывала дома. Днем - в гимназии, а по вечерам или она уходила к одной из подруг "готовиться", или к ней приходила какая-нибудь из них, и они просиживали так часов до десяти, после чего Наташа, утомленная и усталая, спешила скорее лечь спать, чтобы иметь возможность встать на другой день пораньше.

К тому же сдержанность Наташи с матерью не проходила: девочка точно не хотела или не могла уже вернуться к прежней искренности и задушевности, и Марья Сергеевна, не раз делавшая попытки к сближению, чувствовала себя отчасти даже обиженной и незаслуженно оскорбленной. Порой это даже возмущало ее, и она сама становилась с дочерью суше и холоднее.

Но тогда тоска и одиночество снова охватывали ее. Не раз вспоминала она о Вабельском, ей очень хотелось поговорить с ним, посоветоваться, но с того вечера, когда они виделись, прошло уже около трех недель, а он не являлся. Сначала она все поджидала его, ей казалось, что он непременно должен прийти на днях, и, видя, что его все нет, она немного удивлялась и досадовала.

После того вечера, когда она так задушевно разговорилась с ним, она чувствовала к нему какую-то невольную симпатию. Никогда еще не хотелось ей так иметь возле себя близкого человека - друга, с которым она могла бы поговорить и поделиться всем, что накопилось у нее в душе. Прежде у нее или не было такой потребности, или же этого друга заменяла ей Наташа. Теперь же, думая о Вабельском, Марья Сергеевна чувствовала, что именно он мог бы быть таким другом, какого ей недоставало.

По утрам, когда она просыпалась и входившая Феня поднимала темные шторы на окнах, впуская целые потоки солнца и света, Наташа в большинстве случаев была уже в гимназии или еще спала, засидевшись накануне, и в доме царствовала тишина. Только откуда-то из кухни доносились звонкие голоса прислуги, звяканье посуды и смех кухарок и горничных, перекликавшихся друг с другом на весь двор через открытые окна. Марья Сергеевна задумчиво отхлебывала чай маленькими глоточками и рассеянно перелистывала журнал или газету. Потом она облокачивалась на подоконник и с любопытством заглядывала вниз. Свежий ветер колыхал возле ее лица тонкие пряди ее волос и шелестел мягкими складками фулярового капота, сквозь широкие рукава которого ее охватывало слегка свежим воздухом. Здоровый румянец ярче заливал ее лицо, и солнечные лучи, скользя по нему, золотили мелкий, едва заметный в тени нежный пушок на ее щеках. И снова, как тогда, на вокзале, на нее налетал какой-то особенный стих...

Феня лениво убирала и подметала комнату, поминутно выбегая в кухню и пропадая там по полчаса. Постель стояла еще неприбранная, со смятыми подушками и разбросанными простынями, умывальник был залит мыльной водой, а снятые с вечера платья и юбки еще валялись разбросанными по всем креслам и стульям. На всем лежал легкий слой пыли, и только цветы в жардиньерках ярко светились на солнце и, казалось, тянулись к нему, подставляя лучам его свои пышные ароматные головки.

И на Марью Сергеевну снова нападала тоска, а перед ней лежал еще длинный, бесконечный день. "Скорей бы уж кончались эти экзамены! - думала часто Марья Сергеевна. - Меня просто тянет на воздух, в зелень... оттого и тоска... переедем, и все кончится". Вабельского она больше уже не ждала, случайно узнав, что он почти на другой день после вечера, на котором они в последний раз виделись, был вызван в Москву телеграммой по какому-то делу.

Х Раз утром, когда Марья Сергеевна только что успела одеться, вдруг раздался звонок.

Марья Сергеевна удивленно прислушивалась к голосам в передней. В последнее время звонки раздавались очень редко: все разъехались, и визиты прекратились.

Феня подала визитную карточку. Марья Сергеевна быстрым взглядом прочла ее и вдруг торопливо и радостно поднялась с дивана.

- Ах! Проси, проси... - заговорила она взволнованным голосом. - Пстой, дай мне что-нибудь накинуть...

И, схватив кружевной шарф, она торопливо повязывала его в большой бант, бросая на себя быстрые взгляды в зеркало, и, завязав наконец, пошла навстречу Вабельскому, радушно протягивая ему обе руки.

- Здравствуйте! Здравствуйте! - радостно заговорила она. - Где же вы это были, куда пропали? Я думала, что уж вы навеки исчезли!

И она приветливо смеялась ему, не отнимая от него своих рук, которые он поцеловал хоть и почтительно, но с каким-то едва уловимым оттенком фамильярной, дружеской ласки.

- Ну, садитесь, садитесь, - говорила она все тем же торопливым и радостным голосом. – Впрочем, нет, пойдите ко мне, там гораздо лучше; тут совсем нет солнца, у меня уютнее...

И она провела его в свой залитый яркими лучами будуарчик с широко распахнутыми окнами, в которые врывались, колыхая тюлевые занавески, струи теплого воздуха.

- Вот, садитесь здесь, и чего хотите - чаю, кофе? Или, не хотите ли позавтракать?

- Успокойтесь, ничего не надо, давайте лучше сядем вот тут и поболтаем. Мы с вами так давно не виделись.

Но она не успокоилась.

- Да нет, право же, я сама завтракаю обыкновенно часа в два, а теперь четверть второго, всего получасом раньше! - и она ласково смотрела на него, точно прося согласиться.

Виктор Алексеевич улыбнулся.

- Ну, будем завтракать, если уж вам непременно хочется накормить меня.

- Вот и отлично!

Она вышла распорядиться и через минуту вернулась назад с тем же смеющимся, повеселевшим лицом, и это оживление делало ее еще красивее.

- А теперь рассказывайте, где были, что делали?

- Ничего особенно интересного не делал. Вызвали меня тогда в Москву, так что я даже и проститься не успел захватить к вам. Думал пробыть там всего дней пять-шесть и ограничиться только Москвой, а между тем все дело осложнилось, пришлось лететь в Нижний, в Казань, и вместо шести дней вышел почти месяц.

Она прервала его.

- Когда вы вернулись?

- Вчера. Вчера вечером.

На минуту он остановился и посмотрел на нее пристальным взглядом. Она ласково улыбнулась ему: в душе ей было очень приятно, что он вернулся только вчера, и сегодня уже у нее - "Вспомнил так скоро..."

- Да, вчера, - задумчиво проговорил он и, точно вдруг поняв ее мысли, засмеялся каким-то особенным смехом.

Они глядели прямо в глаза друг другу, и каждый из них сознавал, что другой читает и понимает его мысли.

- Ну, а вы что подельвали без меня, что "наша" Наташа?

- Наша Наташа? - повторила она, улыбаясь слову "наша". - Ничего. В гимназии. Держит экзамены.

- А ваша маленькая размолвка прошла благополучно? Без следа?

- Без следа? - Марья Сергеевна задумчиво и грустно улыбнулась. - Нет, следы, кажется, остались - маленькие, всего лишь царапинки. Не раны, - прибавила она, успокаивая не то его, не то себя.

- И отлично! Я вам предсказывал, что все обойдется. Впрочем, меня все это очень интересует, и раз уж вы посвятили меня в начало, будьте добры до конца когда-нибудь расскажите все подробнее. Нет, без шуток, я сам не понимаю, отчего все, что касается вас и вашей Наташи, так живо интересует меня. Мы с вами знакомы, в сущности, еще очень немного, а между тем, знаете, я даже там, в Нижнем, среди всех этих дел, хлопот и неприятностей, не раз вспоминал и думал о вас и вашей Наташе...

- В самом деле?.. - "Какой он милый!"

Вошла Феня с большим подносом, уставленным закусками и винами. Столовую оклеивали новыми обоями, и завтракать там было нельзя.

- Поставьте вот здесь, Феня, на этот столик!

Марья Сергеевна указала глазами на небольшой рабочий столик, стоявший между нею и Вабельским.

- Здесь нам будет немного тесно, но зато здесь все-таки лучше и веселее как-то.

- Это ничего, - улыбнулся он ей в ответ. - Бог даст, не поссоримся и в тесноте. У вас тут очень уютно, и сколько цветов! Совсем как сад.

- Это моя любимая комната.

- Я это вижу. В этой комнате яснее, чем в других, чувствуется ваша рука: комната вся точно пропитана вами, на всем лежит ваш отпечаток и ваш вкус.

Они сидели совсем близко друг против друга, разделенные только пространством маленького стола, и Марья Сергеевна чувствовала себя в таком хорошем настроении, как давно уже с ней не случилось.

После завтрака Вабельский скоро собрался уезжать - у него было еще много дел.

- Но послушайте, неужели вы все так вот и сидите целыми днями в этой духоте? – спрашивал он, уже уходя и застегивая перчатки.

Марья Сергеевна улыбнулась недовольною улыбкой.

- Что ж делать? Приходится.

- Приходится? - воскликнул он, нетерпеливо передернув плечами. - "Приходится", и потому не протестующая покорность судьбе? Нет, уж вы меня простите, но я положительно не позволю вам этого делать! Хоть изредка, но вы дайте мне разрешение увозить вас куда-нибудь. Ну, хоть на те же Острова, все лучше, а то вы положительно заболаете!

- Положим, хоть и не заболею, но я и не отказываю.

- Ну, вот и отлично, вы завтра свободны? Не хотите ли проехаться куда-нибудь, ну хоть на Стрелку? Согласны?

Марья Сергеевна колебалась. В сущности, она была не прочь проехаться, но ей казалось это немного неловко. До сих пор она каталась только с мужем, и это невольно смущало ее; к тому же она не знала, как быть с Наташей. Оставлять ее одну не хотелось; взять с собой? Но она боялась, что Наташа, пожалуй, не поедет, и молчала, не зная, на что решиться.

Вабельский понял ее.

- Мы и Наташу возьмем, уговорим ее ехать. Итак, решено: завтра часов в семь я приеду за вами, и мы вместе отправимся дышать воздухом, - договорил он, смеясь и целуя ее руку.

Она молча, с нерешительным выражением на лице, улыбалась ему. Ей так не хотелось отказывать ему, и она невольно согласилась.

Вабельский уехал.

Вскоре пришла Наташа, ее вызвали одною из середины, и потому она освободилась немного ранее.

С самого начала обеда Марье Сергеевне хотелось сказать дочери, что завтра они поедут кататься, но она медлила, сама не зная, почему. Ей даже не хотелось бы говорить Наташе и о том, что Вабельский был здесь; она чувствовала, что Наташа в душе недолюбливает его и сердится на него даже еще и теперь, а потому сообщать дочери о его визите ей было неприятно. Но в то же время она не желала и скрывать от дочери не только его посещения, но даже и своей к нему симпатии. Иначе выходило бы, что она в угоду дочери не смеет выбирать себе самостоятельно даже друзей.

- Хочешь ехать завтра кататься на острова? За нами заедет Вабельский! - спросила она наконец, но под влиянием этих мыслей голос ее звучал холодно и строго.

Наташа быстро подняла глаза.

- Вабельский? - переспросила она, точно не веря ушам.

"Начинается..." - подумала с раздражением Марья Сергеевна и повторила еще суше и нетерпеливее:

- Ну да, Вабельский!

Наташа смущенно молчала несколько секунд. Этот Вабельский, который заставил ее так помучиться тогда... Она уже было начала надеяться, что он не явится к ним больше никогда. И вдруг даже кататься с ним! Конечно, она не хочет! Наташа вспыхнула и упорно молчала. Марья Сергеевна пытливо глядела на нее; ей было очень неприятно, что Наташа могла сердиться на человека так долго из-за таких пустяков. Это говорило уже о злопамятности.

- Ну, что же, хочешь? - переспросила она с еще большим раздражением.

Наташа упрямо глядела в свою тарелку.

- Я не могу, мне надо подготовиться, в среду экзамен.

- До среды долго: три дня осталось, еще успеешь! - холодно проговорила Марья Сергеевна.

- Нет, я не могу, я не поспею, мне очень много нужно повторять.

Они обе точно старались превзойти одна другую в холодности тона.

Марья Сергеевна отодвинула стул и встала из-за стола.

- Ну, как хочешь, никто и не принуждает...

Наташа чуть заметно улыбнулась и, поцеловав ей руку, молча ушла в свою комнату.

По лицу Марьи Сергеевны пробегали сердитые тени.

Теперь уже она поедет во всяком случае! Хотя бы только для того, чтобы доказать избалованной девчонке, что на ее выходки никто не станет обращать внимания!

XI На другой день Марья Сергеевна проснулась в каком-то радостном и возбужденном состоянии духа. Наташа еще рано утром ушла заниматься к одной подруге, и Марья Сергеевна,

оставшись одна, нетерпеливо дожидалась вечера; ей так хотелось вырваться скорей из этой духоты. День был страшно жаркий. Воздух давил свинцовой тяжестью. От домов и мостовых как бы веяло раскаленным жаром, и по ярко-синему небу ползли густые, тяжелые облака. Марья Сергеевна боялась, чтобы не собралась гроза, и тревожно поглядывала на небо.

Несколько раз она подходила к зеркалу. Сегодня она была особенно интересна, она сама это видела. Лицо пылало ярким, чрезвычайно красившим ее румянцем, в глазах поминутно вспыхивали блестящие огоньки, даже волосы легли как-то особенно красиво и, высоко зачесанные кверху, открывали изящную линию шеи, завиваясь возле нее в маленькие колечки, более светлые и золотистые, нежели волосы на темени. Она не раз оглядывалась на часы и каждый раз с удивлением замечала, что прошло еще так немного времени...

Облака, между тем, надвигаясь откуда-то с запада, заволакивали все небо, громоздясь и наползая друг на друга. Вдали прогрехотал вдруг отдаленный еще гром. Марья Сергеевна нетерпеливо выглянула в окно: неужели-таки будет гроза? Впрочем, она, верно, скоро кончится, еще рано, это не помешает.

На улицах стемнело, стало как бы тише, и вдруг налетевший откуда-то ветер захлопнул в столовой раскрытое окно, опрокинув горшок с тоненькою пальмой и спустившись ниже к земле, поднял с мостовой сухую серую пыль, закружил, завертел ее тонким столбиком, извивавшимся несколько мгновений на одном и том же месте, потом, разогнав его широкой полосой, понес прямо вдоль улицы, залепляя глаза прохожих и лошадей.

В соседней комнате Феня, торопливо крестясь, захлопывала окна.

- Какая гроза-то будет! - сказала она, входя в комнату Марьи Сергеевны. - Окна запереть прикажете?

Марья Сергеевна полулежала на окне и, перегнувшись вперед всем телом, подставляла голову под тяжелые и редкие еще капли дождя. Ветер крутил и развевал вьющиеся прядки ее волос и освежал ее пылавшее лицо.

- Нет, нет, - сказала она Фене, слегка поворачиваясь к ней, - не надо, не запирайте. Я люблю...

Гром грохотал все чаще и ближе, молнии поминутно вспыхивали в разорванных свинцовых облаках, сквозь которые местами еще прорезались клочки синего яркого неба. Воздух становился уже чище, и она с наслаждением глубоко вдыхала его всею грудью. Где-то, совсем близко над ее головой, раздался сильный удар грома. Дождь, падавший сначала тяжелыми и редкими каплями, вдруг зачастил и пошел сплошной стеной.

Улица вся разом опустела, все засуетилось, затолкалось и попряталось по разным подъездам, тщательно укрываясь дождевыми зонтами. Но налетавший сильный ветер вырывал из рук зонтики, срывал шапки и хлопал дверями.

Марья Сергеевна отошла, наконец, от окна. Косой дождь, заливая подоконник, попадал даже в комнату. Нехотя заперла она окно, борясь с налетавшим ветром, который с силой вырывал раму из ее рук. Дождь совсем намочил ее, ветер растрепал все волосы, складки мокрого пеньюара охладили ей спину, а дождевые капли, падавшие с ее затылка, струясь, катились по шее... А Марье Сергеевне было и весело, и смешно.

- Феня, наверное, надуется за намочший пеньюар, скажет: опять надо перестирывать...

Но вошедшая Феня не сказала ничего, она только с удивлением оглядела свою барыню.

- Точно маленькая, прости, Господи! - с презрением сказала она, входя в кухню и сердито бросая злополучный пеньюар, который еще утром вышел из ее рук таким нарядным и наплюенным.

Кухарка, толстая, степенная и важная, с тем же презрением скосила рот в улыбку.

- Делать нечего...

Феня говорила правду. Марья Сергеевна, действительно, чувствовала себя совсем молоденькою, почти маленькою девочкой. Вся дремавшая сила молодости вдруг как бы разом проснулась в ней почему-то и закипела горячим ключом. Сердце билось тревожно, в груди что-то замирало, наполняя ее всю каким-то сладким ощущением.

Молнии еще изредка слабо вспыхивали в поредевших облаках, раскаты грома становились глуше, гроза уходила вместе с убежавшими вдаль темными серыми тучами. Голубое небо прорезывалось сквозь них все шире, и вдруг в одном лохматом, словно серебристою ватой отороченном облаке блеснул яркий луч солнца и, точно разорвав его, заискрился в глубокой синеве; через несколько мгновений яркое солнце снова блистало в расчищенном ясном небе.

Марья Сергеевна опять распахнула все окна. Улица вся вновь ожила, народ точно высыпал из всех тех нор, куда попрятался во время дождя. На мостовой образовались огромные блестя-

щие на солнце лужи, в которых отражались куски голубого неба. Проезжавшие экипажи перерезали их, и множество крупных брызг, высоко подпрыгивая и ярко блеснув на мгновение в солнечном луче бесчисленными искрами, разлетались во все стороны. Легкий ветер колыхал белые занавески в комнате Марьи Сергеевны, а стоявшие в корзинках душистые цветы пахли еще лучше в посвежевшем после дождя воздухе.

Был четвертый час; Марья Сергеевна переоделась и взяла какую-то работу после напрасной попытки читать: тысячи неуловимых мыслей мешали и перебивали ее чтение...

Через час пришла Наташа. Подали обед, и они вместе сели за стол, но разговаривали мало. Натянутость, начинавшая было мало-помалу проходить, со вчерашнего дня опять усилилась между ними. Едва успели подать им послеобеденный кофе, как раздался сильный звонок. Марья Сергеевна слегка вздрогнула, а Наташа вдруг приподняла голову и пытливо взглянула на нее. Через минуту в соседней комнате раздались поспешные шаги Вабельского. Марья Сергеевна сразу узнала его походку, она уже привыкла к ней. Но, чувствуя на себе упорный взгляд дочери, она невольно раздражалась; почему-то ей казалось, что Наташа нарочно так глядит на нее, наблюдая за нею, и яркая краска все гуще заливала ее лицо.

Вошел Вабельский, торопливо стягивая рыжие модные перчатки.

- А! Все в сборе! - весело заговорил он. - Ну и отлично! Я нарочно заехал пораньше - погода чудная! Здравствуйте, милая барышня, здравствуйте! Как ваши экзамены идут, благополучно ли?

Он говорил быстро и весело, здороваясь на ходу, и только на мгновение остановился перед Марьей Сергеевной, целуя ей руку. Марья Сергеевна, бросив косой взгляд на дочь, заметила, что девочка вдруг вся вспыхнула и по лицу ее разлилось удивленно-негодующее выражение.

- Так как же, едем? - переспросил Вабельский, садясь подле них за стол. - Барышня, милая, едем? Да?

Он, кажется, не был уверен, что она поедет. Марья Сергеевна выждала немного, точно желая дать время Наташе ответить, но, видя, что та молчит, поспешила сказать за нее сама:

- Поедем только мы с вами, Виктор Алексеевич, Наташе нельзя - у нее экзамены.

- Да? Как это жаль! Но, может быть, можно как-нибудь устроить? - слабо запротестовал он.

Наташа вдруг поднялась из-за стола и проговорила упрямым голосом:

- Нет, мне нельзя, я не поеду.

Мать бросила на нее опять быстрый тревожный взгляд и, точно желая вознаградить Вабельского за нелюбезность дочери, улыбаясь, протянула ему руку.

- Подождите меня тут, Виктор Алексеевич, я сейчас буду готова, только надену шляпу.

И, налив ему маленькую чашку кофе, встала из-за стола и прошла в свой будуар одеваться.

К ее удивлению, Наташа пошла вслед за нею и, не проходя в свою комнату, села в большое кресло возле туалета, как делала это, бывало, и прежде, когда хотела присутствовать при одевании матери. Но теперь это почему-то стесняло Марью Сергеевну, и она сердито прикалывала к своим волнистым волосам шляпу, стараясь не глядеть и не обращать внимания на дочь, которая не сводила с нее упорного взгляда. Этот взгляд смущал Марью Сергеевну. Не будь тут дочери, она, прежде чем выбрала бы какую-нибудь шляпу и накидку, примерила бы несколько их, выбирая ту, которая больше бы пошла ей, но теперь что-то удерживало ее от этого, и она с нетерпеливым раздражением завязывала кружевные бриды шляпы в неладившийся у нее бант.

Если она не хочет ехать, зачем же она сидит тут? Ясно, что она делает это нарочно!

Феня также молча подавала накидку; она дулась на барыню еще с утра за пеньюар и потому не считала нужным разговаривать и советовать что-нибудь в отношении туалета. И эти две молчаливые фигуры выводили из себя Марью Сергеевну. Ей невольно припоминались другие вечера, когда, бывало, не только Наташа, но и Феня одевали ее с таким интересом, так старательно наряжали и прихорашивали ее.

Наконец ей удалось завязать шляпу, и, посмотрев на себя в последний раз в трюмо, она осталась довольна.

- Ну, до свиданья! - сказала она, подходя по привычке к Наташе.

Наташа приподнялась с кресла и холодно поцеловала ее.

Марья Сергеевна чувствовала себя не только раздраженной, но как будто и виноватой в чем-то. И это сознание сердило ее еще больше. Если из всякого пустяка делать "вопрос", то, конечно, можно отравить себе всю жизнь! Кажется, в том, что она едет кататься, - немного еще дурного. Не ее вина, если Наташа вздумает дуться на нее за всякую мелочь! Ведь ей же предлагают ехать вместе: что же она не едет!.. И, сердито застегивая пуговицы перчаток, она быстро прошла в столовую, где ждал ее Вабельский.

- Готовы? - спросил тот, отходя от камина, у которого курил сигару, и смерил ее опытным и избалованным уже, но все-таки восхищенным взглядом ценителя и знатока женской красоты. Ей он не сказал ничего, но по глазам его она поняла, что очень нравится ему в эту минуту. И действительно, в своем светлом костюме, в шляпе из желтоватых кружев, с букетом бледных чайных роз, она была прелестна.

- Ну, до свиданья, барышня! - протянул Наташе руку Вабельский. - Очень жаль, что вы не едете...

Она молча подала ему свою, и в то время, как он сжимал ее, их глаза встретились с одинаковым выражением. Только у вспылчивой и плохо еще умеющей владеть собою Наташи оно обозначилось сильнее и понятнее. В глазах ее так и вспыхнула ненависть. У Вабельского же это выражение только слегка скользнуло по углам насмешливо улыбавшегося рта. "Ох, волчонок, не дорос ты еще тягаться со мной! - подумал он. - Куда тебе! Силенки не хватит, проиграешь!" И он любезно, но сильно сжал ее маленькую ручку, и эта ручка вдруг дрогнула и вся похолодела в его руке, точно девочка инстинктивно поняла его мысль.

Когда Марья Сергеевна, поддерживаемая Вабельским, садилась в коляску, Наташа стояла у окна и глядела на нее. Марья Сергеевна улыбнулась и кивнула ей головой, но Наташа, словно задумавшись, не заметила и не ответила ей, хотя и не спускала с нее глаз. И эти глаза, строгие, упрекающие и грустные, долго еще преследовали Марью Сергеевну, пока они с Вабельским не выбрались, наконец, из городской толкотни и шума на Каменноостровское шоссе, где, среди зелени и воздуха им обоим стало как-то легче.

Продолжение следует...

М.В. Крестовская.

Дыхание земли

Расправлены крылья у птицы
в полёте на всю широту-
куда вы всё время летите,
никак я того не пойму?-

Она от себя отрывает
привычный тяжелый покой,
и крылья свои поднимает,
чтоб воли коснуться большой;

Чтоб воли коснуться на время,
но запах родной полыньи
от крыльев в любое мгновенье
напомнит ей воды свои;

И слышит парящая птица
дыханье далёкой земли,
и снова над нею кружится
раскинув объятья свои.

Елена Русецкая

Сайт «Свете Тихий»

Любить всегда тяжелый крест,
А в зрелом возрасте, тем паче,
Но тот, кто в эту шкуру влез,
Уже не может жить иначе.

Она была и будет впредь
Без дна, без меры, без границы.
С любовью можно умереть,
И только с нею возродиться.

Рябина

И стоит рябина светлая
За окном у церкви,
Словно фея в платье белая
Наклонила ветви.

И грустить ей жизнь короткую,
Ветром стан качая.
Не её, такую кроткую,
Славить всем, венчая.

А пройдёт другая милая,
Как рябина, в белом.
И качнёт под звон малиновый,
Как рябина, телом.

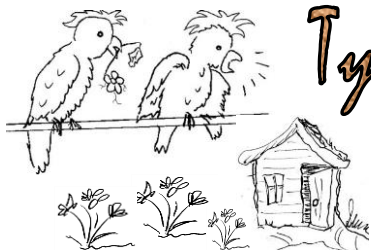
Ей фата украсит голову,
А кольцо - на пальце...
Растерять рябине молодость
Под чужие вальсы!

Сергей Михайлов.

Россия.

Любовь, где хочешь запиши,
Помимо нас и нашей воли,
И в каждой клеточке души,
И в сердце постоянной болью.

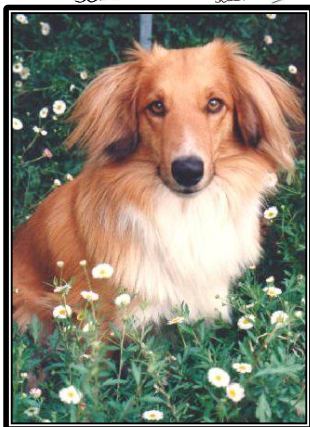
Сергей Филиппов

Тузик и его друзья

«Чудеса современной техники»

Ночь. На Шумном Дворе тишина. Только большая жёлтая Луна заглядывает в окошко домика под Леопардом. Гномикам не спится. Они долго вертели в постельках. Увидели в окошке Луну, и решили встать - может, удастся хоть немного пошалить. Стараясь не скрипнуть дверью, вышли во двор.

Луна увидела Бублика и Говорилку, и тихонько рассмеялась:

- Вы тут спали, а у Матильды Леопольдовны и Тузика такое творится...

- Что творится? - обрадовались гномики, - Какие новости?

Вместо ответа Луна хитро подмигнула малышам - и спряталась за облако.

- Ну что же, сами узнаем, - сказал Бублик, и потирая сонные глаза.

- Конечно, узнаем, - зевнул Говорилка. - Пошли искать Тузика и Матильду Леопольдовну.

Малыши обошли Шумный Двор. Заглянули под лестницу - там был кабинет Матильды Леопольдовны. Тихонька приоткрыли дверь - и остановились на пороге. «Что за чудеса!» - не могут понять гномики. В комнате темно, но Тузик и Матильда Леопольдовна сидят перед перед ярким экраном компьютера и кем-то разговаривают...

- С кем они говорят? - шёпотом спросил братишку Бублик. - В комнате никого больше нет.

- Наверное, нам это снится... - зевнул в ответ Говорилка.

Тузик и Матильда Леопольдовна не слышали, как подошли гномики. Слишком заняты разговором.

Малыши подошли ближе и с любопытством уставились на яркий экран. Там - в экране! - сидели два пушистых белых кота. Их носы и кончики ушей коричневые, словно шоколадом испачканы.

- Ой! - радостно захлопал в ладошки Говорилка: - да это же наши приятели - котик Брюс и «принцесса» Лайла...

- Но как они в экран забрались? - удивился Бублик.

Тузик и Матильда Леопольдовна разом обернулись:

- Вы почему не спите, шалунишки?

- Мы думали, что спим... - опять зевнул Говорилка.

- Думали, что это только снится... - потёр кулачком глаза Бублик.

- Нет, это вам вам не снится, - сказал Тузик. - И коты ни в какой в экран не «забирались».

Есть такая хитрая штука, называется «Скайп». И мы говорим с котами по-Скайпу: это значит, что на экране мы видим Брюса и Лайлу, а они видят меня и Матильду Леопольдовну. А теперь ещё видят и вас, шалунов...

Говорилка почесал голову... Бублик тоже ничего не понял.

- Вы ещё маленькие, - сказала Матильда Леопольдовна. - Ладно, слушайте ещё раз: у вас есть мобильные телефончики, так? Ну вот, в телефоне слышен голос. А на «Скайпе» - видно и слышно людей, с которыми говоришь...

- И КОТОВ тоже! КОТОВ тоже видно и слышно на Скайпе, - сердито мяукнул Брюс и выгнул спину, будто хотел выпрыгнуть из экрана - прямо в комнату к Матильде Леопольдовне. - Извинись, сейчас же передо мной извинись!

Тузик зарычал на экран. Даже гавкнул. Хотел кота проучить, чтобы успокоился и вёл себя прилично. Но Матильда Леопольдовна вовсе не испугалась Брюса: мало ли что на экране бывает, а дерзкий кот далеко. В это время заговорила Лайла.

- Брюсик, тебя никто не обижал. А вот ты свою маму-хозяйку очень обидел.

И Лайла рассказала гномикам, что у них дома произошло...

Пришла мама-хозяйка утром в кухню, хотела усарых детишек кормить. Положила на тарелочку Брюса кусок рыбы. И вдруг её милый Брюсик - этот ласковый, нежный котик - отвернулся и сердито фыркнул. Потом отошёл в сторону и громко мяукнул толстым голосом что-то невежливое. Потребовал мясо. Мама-хозяйка обиделась. Убрала тарелочку.

Лайла тоже грустила: нехорошо получилось, надо извиниться! Но Брюс спрятался под диван. Ни на кого не смотрел, упрямо сидел там один, до самого вечера. И вот теперь, ночью, он стал жалобно мяукать: есть хочется...

- Вот поэтому, - закончила свой рассказ Лайла, - я посадила Брюсика возле компьютера и стала звонить по Скайпу на Шумный Двор. Что же нам теперь делать?

- Как - что? Извиниться надо, - сказала Матильда Леопольдовна.

- Не хочу! - фыркнул Брюс. - Стыдно...

- А грубить - не стыдно?! - приготовился зарычать Тузик.

- Теперь мы тебя в гости позвать не сможем, - вздохнула Матильда Леопольдовна.

- И правда: дедушка-Помахайкин не позволит; скажет, Брюсик плохой пример подаёт; скажет, что котик плохому нас научит... Только мы своей маме никогда не грубим, - сказал Бублик.

- Мы свою маму очень любим, - поддержал братишку Говорилка.

- А я маму-хозяйку тоже очень люблю! Очень! А вот, нашло на меня... Теперь сам не рад. Тяжело на душе, - виновато мяукнул Брюс, зажмурился и отвернулся.

Вдруг в экране компьютера громко хлопнула дверь. Брюс и Лайла быстро обернулись: это мама-хозяйка вышла к ним ночью в кухню. Решила посмотреть на Брюсика, - как он? ведь голодный...

Брюс кинулся к ней со всех ног. Жалобно мяукает, ходит вокруг - трётся, по-кошачьи просит прощения. Конечно, мама-хозяйка тут же его простила, взяла на руки и начала гладить пушистую спинку. Брюс лизнул ей руку и замурлыкал, словно хотел сказать: - «я очень-очень виноват; никогда больше не стану грубить!»

Лайла радовалась, что всё хорошо закончилось, и тоже прыгнула к хозяйке на руки.

Гномики трут кулачками сонные глаза.

- Чудеса, да и только! - сказал Бублик.

- Наверное, это всё-таки сон, - зевнул Говорилка.

- Э-э-э, нет, братцы! Не сон, - покрутил головой Тузик. - Мы с Матильдой Леопольдовной всё это своими глазами видели. Вы тоже видели. И называется это Скайп, или чудеса современной техники!

- Идите-ка лучше спать, малыши, - сказала Матильда Леопольдовна, - а то у вас завтра не будет сил придумывать новые шалости.

СОДЕРЖАНИЕ

Не говори... (стих. А.Н. Майков)	1
Отче Наш (стих. припис. А.С. Пушкину)	1
Рассвет приходит... (стих. И.М. Андреев)	1
По зову душ (стих. А. Лазутин)	1
Я научилась... (стих. А. Ахматова)	1
Мне осталась одна... (стих. Е.А. Есенин)	2
Закончен путь... (стих. прот. В. Мазур)	2
Лири (стих. Е. Гуцева)	2
О предмете любви (статья, И. Ильин)	3
А на небе... (стих. И. Журавлёва)	5
Святая сила слова (статья, В.Д. Ирзабеков)	6
Стихи из России - Э. Ковшевский	
«С задумкой стихов...; Этот сумрак...; Я в лес ушёл...; Мир ли перестал...»	12
«У Валдайского озера; Когда мы любим; Рябины красной...; День осенний; Внизу под горкой...; На ствол изогнутый ольхи...»	13
«Никогда я не был...; В жёлтой пене берёзка...; Вечер сиреневый; А карты лгут...; Я оставил молитвы целебный родник...»	14
«Неотправленное письмо; Здесь ничего не изменилось; В возрождающемся монастыре; На стене холодной в келье...; Душа раскрылась...; Осенний берег, тишина...»	15
Кулачье гнездо (рассказ, А.П. Чехов)	16
Из заграницы (стих. А. Сёмченко)	17
Завтра снова в поход (стих. Е. Новицкий)	17
Французский роман (рассказ, Тэффи)	18
Дружба настоящая... (стих. И. Журавлева)	19
«Из глубины воззвах...» (статья, А.А. Ховалкина)	20
Закончен путь... (стих. прот. В. Мазур)	23
«Гондурас» (рассказ, Ген. Гончаров)	24
Монисто (рассказ, С.А. Пилипенко)	31
На халяву (рассказ, Т.Н. Малеевская)	33
Бойся хвлящих... (стих. В.К. Невярович)	40
Письма читателей	41
От редакции	42
Саломея (роман, А.Ф. Вельтман)	43
Ранние грозы (рассказ, М.В. Крестовская)	52
Дыхание земли (стих. Е. Русецкая)	58
Рябина (стих. С. Михайлов)	58
Любить всегда тяжёлый крест... (стих. С. Филиппов)	58
«Тузик и его друзья» (Т. Малеевская, рис. автора)	59

Над номером работали: редактор Т.Н. Малеевская.

Журнал можно приобрести в редакции «Жемчужины» - (07) 3161-49-27, в прицерковных киосках Св.Николаевского Кафедрального Собора, Св.Серафимовского храма и Св.-Владимирской церкви (Рокли) в Брисбене, в киоске Покровского Кафедрального Собора в Мельбурне, а также у следующих лиц:

Э.И. Городилова (02) 9727-69-87

З.Н. Кожевникова (02) 9609-29-87

Рисунки на обложке и к избранным текстам (иниц.) – работы Т. Малеевской (Попковой).

Т. Малеевская
«Страна отцов»
«Серебряный город»
«Душенька»:
А также книга
В.А. Малеевского «Претенденты на
Российский Престол»
За справками обращаться:
(07) 3161-49-27
или
tamaleevpearl@gmail.com

Литературный кружок «Жемчужное Слово»
<http://zhemchuzhnojeslovo.yolasite.com>

Сайты связанные с журналом
«Жемчужина»

* Электронная версия журнала «Жемчужина»
<http://zhemchuzhina.yolasite.com>

* Новый сайт «Русское Зарубежье», посв. Харбинцам
и послевоенным эмигрантам из Европы –
<http://russkojezarubezhje.yolasite.com>

Также личный сайт автора - tamaleevwriting.yolasite.com

